ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ВЕДЬМЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Witches Abroad

Ведьмы за границей
Терри Пратчетт

Аннотация
Терри Пратчетт. Ведьмы за границей

Аннотация

Представьте себе: вы идете, никого не трогаете, и вдруг вам на голову падает фермерский домик, который принес неведомо откуда взявшийся ураган… Или вы – честный волк, промышляющий поросятами да серыми козлами, но внезапно вам в голову приходит абсолютно сумасшедшая идея – отправиться за тридевять земель и сожрать какую-то жилистую, невкусную старуху. Причем подспудно вы чувствуете, что за это с вас сдерут шкуру, но все равно следуете этому странному, словно навязанному вам желанию. Вот что происходит, когда злые силы начинают играть со сказками, из которых соткана ткань самой Вселенной.

Приключения Матушки Ветровоск, Нянюшки Ягг и Маграт Чесногк продолжаются. И на сей раз – за границей, где им придется противостоять зеркальному колдовству и безумной фее-крестной, с которой у Матушки Ветровоск свои счеты…

Терри Пратчетт
Ведьмы за границей

Посвящается – а почему бы и нет? – всем тем, кто после выхода «Вещих сестричек» завалил меня своими вариантами «Песни про ежика». Божечки мои…

© А.М. Гагинский, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024
Terry Pratchett
WITCHES ABROAD
© Terry & Lyn Pratchett 1991 First published by Victor Gollancz Ltd, London

Вот он, Плоский мир, летящий через космос на спинах четырех слонов, что стоят на панцире небесной черепахи, Великого А'Туина.

Когда-то, давным-давно, такой мир считался бы странным и, возможно, даже невозможным.

А впрочем… давным-давно простые были времена.

Вселенная тогда была полна невежества, а ученые исследовали ее методом тыка. Как старатели в горном ручье, они искали золото знаний среди камней неразумности, песков неопределенности и усатых восьмилапых плавучих зверьков суеверия.

Изредка они разгибали спины и говорили что-то вроде: «Ура, я открыл третий закон Бойля!». И всем становилось ясно, что да как. Но проблема в том, что невежество было куда интересней, особенно то огромное, захватывающее невежество о больших и важных вещах вроде материи и творения. Так что люди бросали строить себе хижины из тростинок разума в хаосе мультивселенной и увлекались самим этим хаосом — отчасти потому, что гораздо проще быть экспертом в области хаоса, но по большей части потому, что в нем клубились поистине красивые узоры, которые в самый раз печатать на футболках.

И вот вместо занятий серьезной наукой[1] ученые вдруг начинали рассуждать о том, что познание невозможно и реальности не существует, а значит, и познавать нечего, и что все это невероятно увлекательно, и, к слову, а вы знали, что вокруг нас, возможно, целая куча маленьких вселенных, но никто их не видит, потому что они все замкнуты сами в себя? И, к слову, вам не кажется, что это классный принт для футболки?

По сравнению со всем этим исполинская черепаха с целым миром на спине — сущая банальность. По крайней мере, она не притворяется, что ее не существует, и никто в Плоском мире не пытался доказать, что ее не существует — а то вдруг еще окажутся правы и очутятся в космической пустоте без земли под ногами. Все дело в том, что Плоский мир существует на самой грани реальности. Здесь мельчайшие частицы могут проникать на другую сторону. А потому в Плоском мире к таким вещам относятся серьезно.

Например, к историям.

Ведь истории важны.

Люди считают, что истории создаются людьми. На самом деле все наоборот.

---

[1] Примечания: 1

Например, найти ту чертову бабочку, чьи крылышки вызвали все эти недавние ураганы, и заставить ее с этим завязать.

Истории существуют независимо от своих персонажей. Если знать об этом, знание становится силой.

Истории — это гигантские развевающиеся ленты пространства-времени, обретшего форму, они тянутся и клубятся по всей вселенной с начала времен. И эволюционируют. Слабые вымирают, а сильные выживают и жиреют от постоянных пересказов… и продолжают виться и тянуться во мгле.

И само существование историй придает хаосу прошлого слабый, но отчетливый узор. Истории оставляют достаточно глубокие следы, чтобы люди текли по ним, как вода стекает по расселинам на склоне горы. И всякий раз, когда новые персонажи проходят по следу истории, ее русло становится глубже.

Это так называемая теория повествовательной причинности — она гласит, что история, начавшись, *обретает форму*. Она вбирает вибрации всех прочих версий этой истории, какие только существовали.

Именно поэтому история всегда будет повторяться.

Да, тысячи героев воровали огонь у богов. Тысячи волков поедали бабушек, тысячи принцесс

были поцелованы. Миллионы ничего не подозревающих персонажей двигались, сами того не зная, по руслу своей истории.

Теперь уже *не бывает*, чтобы третий сын, младший королевич, отправившись в поход туда, где уже сгинули его старшие братья, *не* достиг успеха.

Историям плевать, кто в них участвует. Важно только, чтобы историю рассказывали, чтобы она повторялась. Или, если хотите, можно смотреть на это так: истории — паразитическая форма жизни, они искажают жизни других, чтобы те служили лишь ей самой[2].

Нужно быть необычайным человеком, чтобы бороться с этим и стать содой, бурлящей в тесте истории.

Давным-давно…

---

[2] Примечания: 2

Кстати, люди заблуждаются насчет городских легенд. Логика и здравый смысл утверждают, что все это лишь фантазии, которые без конца пересказывают, потому что люди жаждут видеть примеры чудесных совпадений, вселенской справедливости и тому подобного. Это не так. *Они постоянно случаются тут и там*, когда истории скачут туда-сюда по всей вселенной. Каждый миг сотню покойных бабушек в багажниках угоняют вместе с машинами, а добрые эльзасцы давятся пальцами полночных грабителей. И все это не ограничено каким-то одним миром. Сотни самок *дживпцов* с Меркурия поднимают четыре маленьких глазка на своих спасителей и говорят: «Мой муж-производитель будет в шоке — это ведь был *его* транспортный модуль». Городские легенды — живые.

Серые руки сжали молот, замахнулись им и ударили по столбу с такой силой, что он на фут ушел в мягкую землю.

Еще два удара — и он закреплен намертво.

Из зарослей, окружавших поляну, за этим безмолвно наблюдали змеи и птицы. В болотах дрейфовали аллигаторы, как лужи зловонной воды.

Серые руки подняли поперечную палку и закрепили ее, привязав лианами так туго, что древесина крякнула.

Она наблюдала за ним. А затем взяла осколок зеркала и привязала на вершине столба.

— Фрак, — сказала она.

Он взял фрак и накинул на крестовину. Длины палки не хватало, так что последние дюймы рукавов болтались.

— И шляпу, — сказала она.

Шляпа была высокой, круглой и черной. И поблескивала.

Осколок зеркала мерцал в темноте между шляпой и фраком.

— Сработает? — спросил он.

— Да, — сказала она. — Даже у самих зеркал есть отражения. Надо побеждать зеркала зеркалами. — Она поглядела сквозь заросли на

стройную белую башню вдали. — Нам надо найти *ее* отражение.

— Оно, похоже, очень далеко.

— Да. Нам пригодится любая помощь.

Она оглядела поляну.

Она призвала Господина Перекрестка, Леди Бон Анну, Хоталогу Эндрюса и Широко Шагая. Пожалуй, эти боги были так себе.

Но лучшие из тех, каких ей удалось создать.

Это история про истории.

Или о том, каково на самом деле быть феей-крестной.

Ну а еще, среди прочего, о зеркалах и отражениях.

По всей вселенной есть отсталые племена[3], которые не доверяют зеркалам и портретам, потому что те, мол, крадут частицу человеческой души, и от человека остается меньше. Есть и другие народы, которые носят больше одежды и считают это все суеверием. Но нельзя не заметить, что люди, которые чаще прочих смотрятся в разного рода зеркала, имеют свойство быть *худыми*. Обычно это списывают на усталость от работы или, что характерно, на *вредное воздействие среды*.

---

[3] Примечания: 3

Точнее, отсталыми их называют другие племена, более одетые.

Просто суеверие. Но суеверие не всегда неправда.

Зеркало может высосать частицу души. В зеркале может уместиться отражение всей вселенной — целое небо, полное звезд, в кусочке посеребренного стекла толщиной в дыхание.

Познайте зеркала, и вы познаете почти все.

Вглядитесь в зеркало…

…глубже…

…вот он, рыжий огонек на вершине холодной горы в тысячах верст от того душного, как парник, болота…

Местные называли гору Лисьей. На самом-то деле гора была *лысая*, то есть голая, а лисы на ней отродясь не водились. Но это недоразумение оказалось выгодным. В окрестные деревни часто приходят люди, вооруженные охотничьими арбалетами, капканами и сетями, и надменно требуют, чтобы местные проводники отвели их к лисам. Местные неплохо на этом зарабатывают, продавая путеводители, карты с лисьими норами, резные часы с лисичками вместо кукушек, трости с лисами на рукояти и торты в форме лисиц, а потому никто так и не потрудился ис-

править орфографию[4].

А гора та была лысее некуда.

Большинство деревьев сдавалось еще на полдороге к вершине, и лишь пара сосен держалась выше, создавая примерно то же впечатление, что пара жалких прядей, прикрывающих лысину упорно молодящегося старика.

Именно здесь назначали встречи ведьмы.

Сегодня костер горел на самой вершине горы. В пляшущих отблесках двигались темные силуэты.

Луна взошла над кружевом облаков.

И наконец высокая фигура в остроконечной шляпе произнесла:

— Так что, *вы все* принесли картофельный салат?

Одна ведьма из Овцепиков не явилась на шабаш. Ведьмы любят прогуливать работу, как и все мы, но в данном случае у нее было более важное дело. Не из тех дел, которые можно отложить.

---

[4] Примечания: 4

Орфографические ошибки бывают смертельно опасны. К примеру, одно божество-недоучка наслало проклятие на алчного серафима из Аль-Иби: несколько дней все, к чему тот прикасался, превращалось в Золто. Оказалось, что Золто — это имя одного гнома из горной деревни в сотне миль оттуда, так что он вдруг магически перенесся в это королевство и обрел уйму двойников. Спустя примерно двести Золт заклятие иссякло. До сих пор жители Аль-Иби славятся низким ростом и дурным нравом.

Дезидерата Пуст готовилась к смерти.

Когда Дезидерата Пуст была маленькой, бабушка дала ей четыре важных совета, которые должны были помочь юной деве на непредсказуемо извилистом жизненном пути.

Советы такие:

Не доверяй собаке с рыжими бровями.

Всегда уточняй имя и адрес юноши.

Не становись меж двух зеркал.

И каждый день носи идеально чистое белье, ведь никогда не знаешь, не собьет ли тебя насмерть взбесившаяся лошадь, и, если люди обнаружат твое тело в неподобающем белье, ты помрешь со сраму.

Но затем Дезидерата выросла и стала ведьмой. А среди маленьких плюсов, которые дает работа ведьмы, есть такой: ты заранее знаешь, когда именно умрешь, так что можешь носить любое белье, какое хочешь[5].

Дело было восемьдесят лет назад, и тогда знать точную дату своей смерти казалось весьма заманчиво, ведь, конечно, втайне ты веришь, что будешь жить вечно.

Но то было давно.

---

[5] Примечания: 5

Это многое объясняет насчет ведьм.

А это — сейчас.

И вечность уже не казалась такой долгой, как когда-то.

Еще одно полено в очаге стало пеплом. Дезидерата не стала заказывать топливо на зиму. Какой теперь смысл-то?

Впрочем, оставалось еще кое-что…

Она осторожно упаковала это в длинный тонкий сверток. Затем сложила письмо, надписала адрес и подсунула под упаковочную бечевку. Готово.

Она подняла взгляд. Дезидерата ослепла тридцать лет назад, но это ей не мешало. У нее всегда был дар, если можно это так назвать, ясновидения. Так что, когда обычные глаза отказали, она просто научилась ясновидеть настоящее — это все равно проще, чем смотреть в будущее. А поскольку мистическим очам свет не нужен, можно и на свечах сэкономить. Как говорится, у всего есть светлая сторона, в зависимости от того, как посмотреть. Образно выражаясь.

Перед ней на стене висело зеркало.

В нем отражалось не ее круглое и розовое лицо.

Там было лицо женщины, привыкшей командовать. Дезидерата была не из тех, кто командует.

Скорее даже наоборот.

Женщина сказала:

— Ты умираешь, Дезидерата.

— Спору нет.

— Ты состарилась. Такие, как ты, всегда старятся. Твоя сила почти ушла.

— Все верно, Лилит, — спокойно ответила Дезидерата.

— Так что она лишается твоей защиты.

— Увы, все так, — сказала Дезидерата.

— Выходит, остались только я и злая болотница. И я выиграю.

— Боюсь, похоже на то.

— Надо было тебе найти преемницу.

— Да все руки не доходили. Я планов не строю, ты же знаешь.

Лицо в зеркале приблизилось, будто фигура подошла поближе к своей стороне зеркала.

— Ты *проиграла*, Дезидерата Пуст.

— Такие дела, — Дезидерата поднялась на ноги, слегка пошатываясь, и подобрала занавеску.

Фигура в зеркале, похоже, разозлилась. Она явно считала, что проигравшие обязаны пребывать в отчаянии, а не иронично подшучивать над тобой.

— Ты что, не понимаешь, что *означает* твое

поражение?

— Ну, кое-кто все четко объяснил, — ответила Дезидерата. — Всего доброго, милочка. — Она завесила зеркало со своей стороны.

Раздался гневный вздох, а затем все стихло.

Дезидерата стояла, будто погруженная в себя.

Затем она подяла голову и сказала:

— Чайник уже закипел. Хочешь чаю?

— НЕТ, СПАСИБО, — ответил голос у нее за спиной.

— Давно уже ждешь?

— ВЕЧНОСТЬ.

— Я тебя не задерживаю, нет?

— НОЧЬ ВЫДАЛАСЬ ТИХАЯ.

— Я все-таки чайку заварю. Кажется, тут печенька осталась.

— НЕТ, СПАСИБО.

— Ежели вдруг передумаешь, она в горшке на каминной полке. Настоящая клатчская керамика, между прочим. Может, даже настоящий клатчец делал. Из Клатча, — добавила она.

— ПРАВДА?

— Я по молодости немало путешествовала.

— ДА НУ?

— Славные были времена, — Дезидерата пошуровала в очаге. — Такая была работа, знаешь ли.

А впрочем, думаю, у тебя все так же.

— ДА.

— Никогда не знаешь, куда тебя позовут. Ну то есть ты-то знаешь, это же ты. А меня обычно звали на кухни. Да почти всегда. Иногда на балы, но чаще всего на кухни, — она взяла чайник и налила кипяток в заварник, стоящий на печи.

— ДА-ДА.

— Я тогда исполняла желания.

Смерть как будто удивился.

— ЧТО? В СМЫСЛЕ ТЫ… ВЕШАЛА ПОЛКИ? МЕНЯЛА РАКОВИНЫ? ЧТО-ТО ТАКОЕ?

— Нет-нет. С *людьми* работала, — вздохнула Дезидерата. — Феекрестное дело — очень ответственное. В смысле, надо уметь вовремя остановиться. Когда исполняешь людям желания, они часто просят не очень-то добрые вещи. Так что им дать: то, чего просят, или то, что им *нужно*?

Смерть вежливо кивнул. Он считал, что люди получают лишь то, что им дают.

— Как в тот раз в Орлее… — начала Дезидерата.

Смерть насторожился.

— ОРЛЕЯ?

— Слышал, да? Наверняка слышал.

— Я… КОНЕЧНО, Я ЗНАЮ ВСЕ МЕСТА.

Лицо Дезидераты смягчилось. Внутренним взором она смотрела куда-то не сюда.

— Нас было двое. Крестные работают парами, знаешь ли. Я и госпожа Лилит. У крестных большая власть. Все равно что войти в историю. В общем, родилась девочка, внебрачная, но все равно миленькая, и не то чтобы они не могли пожениться, просто все никак не собрались… а Лилит пожелала малышке обрести красоту и власть и выйти замуж за принца. Ха! И с тех пор она над этим работает. А мне что делать? С такими желаниями не спорят. Лилит знает, как сильны истории. Я уж старалась изо всех сил, но у Лилит-то силища. Говорят, она теперь правит тем городом. Меняет всю страну, лишь бы история сработала! Да все равно теперь уже слишком поздно. Для меня. Так что я передаю свои обязанности. Такое вот оно, феекрестное ремесло. Никто не *хочет* стать феей-крестной. Ну, кроме Лилит, ясно дело. У нее шило в одном месте на этот счет. Пошлю-ка я кого-нибудь другого. Я и так уже припозднилась.

Дезидерата была доброй душой. Феи-крестные со временем начинают отлично понимать человеческую природу, отчего добрые становятся добрей, а злые — сильней. Она не любила грубых

слов, но можно не сомневаться, что, используя скромное выражение «шило в одном месте», она подразумевала, что крыша этого человека улетела далеко за грань одержимости и продолжает разгоняться.

Она налила чаю.

— Вечная беда с этим ясновидением, — сказала она. — *Видишь*, что происходит, но не понимаешь, что это *значит*. Видала я будущее. Там тыква превращается в карету. А ведь это невозможно. Еще мышки превращаются в слуг, а это маловероятно. А потом часы бьют полночь, и что-то там про хрустальную туфельку. И ведь все это произойдет. Ведь именно так работают истории. И тогда я подумала: знаю я кое-кого, кто выворачивает истории *по-своему*.

Она снова вздохнула.

— Хотела бы я съездить в Орлею, — сказала она. — Погрела бы косточки. И Сытый Вторник уже на носу. В старину я всегда ездила в Орлею на Сытый Вторник.

Воцарилась напряженная тишина.

Затем Смерть сказал:

— ТЫ ЖЕ НЕ ПРОСИШЬ МЕНЯ ВЫПОЛНИТЬ ЖЕЛАНИЕ?

— Ха-ха! *Никто* феям-крестным желания не

выполняет, — Дезидерата снова погрузилась в себя, словно разговаривая сама с собой. — Видишь? Мне этих троих надо отправить в Орлею. Надо отправить, потому что я их там *видела*. Всех троих надо. А это дело непростое, у них тот еще норов. Тут нужна головология. Надо, чтобы они сами себя отправили. Скажи Эсме Ветровоск пойти куда-то, так она из принципа не пойдет, а вот скажи ей, наоборот, не ходить — она туда помчится хоть по битому стеклу. Такие уж они, эти Ветровоски. Не умеют проигрывать.

Ее это почему-то рассмешило.

— А вот *одной* из них придется *научиться*!

Смерть промолчал. Дезидерата подумала, что, с его точки зрения, всем приходилось познать поражение.

Она допила чай. Затем встала, с торжественным видом надела остроконечную шляпу и вышла через черный ход.

Неподалеку от дома под деревьями была вырыта глубокая яма, в которую кто-то предусмотрительно поставил лесенку. Она спустилась и с некоторым трудом положила лестницу на листья. Затем легла сама. Затем села.

— Господин Черт, тролль с лесопилки, делает очень недорогие гробы, если, конечно, тебе по

душе сосна.

— НЕПРЕМЕННО УЧТУ.

— Я попросила браконьера Харкера вырыть мне яму, — сказала она как бы между делом, — а по дороге домой он зайдет и засыплет ее. Я стараюсь, чтобы все аккуратненько было. Ну давай, маэстро, забирай.

— ЧТО? А, ЭТО ТАКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ.

Он поднял косу.

Дезидерата Пуст отправилась на покой.

— Ну, — сказала она, — это было нетрудно. А что дальше?

А *это* Орлея. Волшебное королевство. Алмазный город. Счастливая страна.

В центре города меж двух зеркал стояла женщина, наблюдая, как ее отражения тянутся в бесконечность.

Зеркала, в свою очередь, стояли в центре восьмиугольника зеркал под открытым небом на самой высокой башне дворца. Отражений было столько, что не поймешь, где кончаются зеркала и начинается реальный человек.

Звали ее леди Лилит де Темпскир, но за свою долгую и насыщенную жизнь она откликалась и на много других имен. Как оказалось, этому учишься довольно быстро. Если хочешь чего-то

добиться в этом мире — а она с самого начала решила, что добьется всего, чего только можно, — надо менять имена легко и черпать силу везде, где найдешь. Она похоронила троих мужей, и как минимум двое из них к тому моменту были мертвы.

А еще надо много путешествовать. Большинство людей путешествуют *мало*. Меняй страны, меняй имена, и, если найдешь нужный подход, мир откроется перед тобой. К примеру, чтобы зваться «леди», ей пришлось проехать всего сотню миль. Теперь же она готова пойти куда дальше…

Два основных зеркала были расположены почти друг напротив друга — но не точно, так что Лилит могла заглянуть себе за плечо и увидеть, как ее отражения, изгибаясь, уходят в глубину зазеркалья.

Она ощущала, как втекает *сама в себя*, преумножается в бесконечных отражениях.

Когда Лилит вздохнула и вышла из межзеркалья, зрелище было потрясающим. Образы Лилит на миг зависли в воздухе позади нее, как трехмерные тени, а затем растаяли.

Итак… Дезидерата умирала. Назойливая старая кошелка. Так ей и надо. Она никогда не понимала,

какая ей дана мощь. Она была из тех людей, которые боятся творить добро, лишь бы не навредить, которые все так серьезно воспринимают, что изведут себя моральными терзаниями, прежде чем исполнят желание хоть муравьишке.

Лилит опустила глаза и оглядела город. Что ж, теперь нет преград. Глупая знахарка на болоте не задержит ее надолго, она ничего не смыслит.

Ничто больше не стояло на пути к тому, что Лилит жаждала больше всего на свете.

К счастливому концу.

Шабаш на вершине горы немного притих.

Художники и писатели часто имеют весьма превратные представления о том, как выглядит шабаш ведьм. Это все потому, что они подолгу сидят в тесных комнатушках за занавесками, вместо того чтобы прогуляться и подышать свежим воздухом.

Взять хотя бы танцы нагишом. В умеренном климате редко выпадают ночи, когда можно танцевать без одежды, не говоря уж о том, что под босые ноги норовят попасть камни, ветки и внезапные ежики.

Потом еще вся эта тема с козлоголовыми богами. Большинство ведьм в богов не верит. То есть они знают, конечно, что боги существуют. Иногда

даже общаются с ними. Но не верят в них. Они их слишком хорошо знают. Для них это все равно что верить в почтальона.

Еще воображают, будто ведьмы едят что-то вроде дохлых ящериц. На самом деле они такого не любят. Худшее, что можно сказать о вкусах старых ведьм, — они норовят макать имбирные печенья в чай и кладут в него столько сахару, что в нем ложка стоит, к тому же пьют из *блюдец*, когда им горячо. Да еще хлебают со звуком старого насоса. Уж лучше бы и правда ели жабьи лапы.

Что касается волшебных мазей, по чистой случайности художники и писатели тут ближе к истине. Большинство ведьм — женщины пожилые, а в этом возрасте мази как раз бывают полезны. Как минимум две ведьмы на сегодняшнем шабаше натерлись знаменитым грудным бальзамом Матушки Ветровоск из гусиного сала и шалфея. От него не летаешь и не получаешь видений, *зато* он защищает от простуды. Хотя бы потому, что мерзкая вонь, которая появляется примерно на второй неделе, отпугивает любого, от кого можно чем-то заразиться.

Ну и наконец, сами шабаши. Ведьмы, как правило, не любят общаться, по крайней мере, с другими ведьмами. У них возникает конфликт

властных личностей. Это как съезд вожатых без отрядов. Ключевое неписаное правило ведьмовства гласит: «Делай не то, что хочешь, а то, что я велю». Стандартный размер ковена — одна ведьма. Ведьмы собираются вместе, только когда иначе никак.

Как в этот раз.

В отсутствие Дезидераты разговор неизбежно свернул на растущую нехватку ведьм[6].

— Как, совсем никого? — сказала Матушка Ветровоск.

— Никого, — ответила Бабуля Бревис.

— Это просто кошмар, — сказала Матушка. — Возмутительно.

— Ась? — переспросила Старая Мать Дисмасс.

— Возмутительно, говорит! — крикнула Бабуля Бревис.

— Ась?

— Нет новой девочки, чтобы взять! На место Дезидераты!

— А-а!

Последствия этого были ясны всем.

— Если никто не будет корочки, я доем, — ска-

---

[6] Примечания: 6

Дезидерата передала через Старую Мать Дисмасс записку с извинениями за отсутствие по причине смерти. Ясновидение помогает очень четко управлять своим графиком.

зала Нянюшка Ягг.

— В мое время такого не бывало, — сказала Матушка. — Всегда была целая дюжина ведьм, и это еще по нашу сторону горы. Конечно, так было, пока все это, — она скривилась, — не превратилось в развлечение. Теперь во всем этом стало слишком много веселья. Когда я была молода, мы никогда не развлекались. У нас времени не было.

– *Термос фигит*, — сказала Нянюшка Ягг.

— Что?

— Времена меняются, говорю. В смысле, тогда было тогда, а сейчас — это сейчас, — сказала Нянюшка Ягг.

— Незачем мне это говорить, Гита Ягг. Я прекрасно знаю, когда у нас сейчас.

— Надо идти в ногу со временем.

— Не вижу смысла. Зачем это нам…

— Что ж, похоже, пора нам снова менять границы, — сказала Бабуля Бревис.

— Это без меня, — тут же вставила Матушка Ветровоск. — Я и так четыре деревни тащу. Метла остыть не успевает.

— Ну, раз Мамаша Пуст преставилась, рук у нас явно не хватает, — сказала Бабуля Бревис. — Знаю, она не так много делала, вечно была занята

другими вещами, но она все-таки была. Вот что в нашем деле главное. Быть. Всегда должна быть местная ведьма.

Четыре ведьмы хмуро уставились в огонь. Вернее, три из них. Нянюшка Ягг, умевшая находить во всем позитивную сторону, поджаривала тост.

— А в Рыбьих Ручьях теперь волшебник, — сказала Бабуля Бревис. — Когда Матушка Хоплисс преставилась, ее некем было заменить, так что послали в Анк-Морпорк за волшебником. Натуральным таким волшебником. С посохом. У него там лавка и все такое, даже латунная табличка на двери. С надписью «Волшебник».

Ведьмы вздохнули.

— Госпожа Жог преставилась, — сказала Бабуля Бревис. — И Бабуля Пиви тоже.

— Да ладно? Старая Мэйбл Пиви? — спросила Нянюшка Ягг с набитым ртом, щедро рассыпая крошки. — Сколько ж ей лет-то было?

— Сто девятнадцать, — ответила Бабуля Бревис. — Я ей говорила: нечего лазить по горам в твои-то годы. А она не слушала.

— Некоторым хоть кол на голове теши, — сказала Матушка. — Упрямые, как ослы. Скажи им чего-то не делать, и они не остановятся, пока именно это не сделают.

— Я даже слышала ее последние слова, — сказала Бабуля.

— И что она сказала? — спросила Матушка.

— Да что-то вроде «ой, блин», — сказала Бабуля.

— Именно так она и мечтала уйти, — сказала Нянюшка Ягг. Остальные ведьмы кивнули.

— Знаете… а ведь, похоже, ведьмовству в наших краях приходит конец, — сказала Бабуля Бревис.

Они снова уставились в огонь.

— Зефирки случайно никто не прихватил? — спросила Нянюшка Ягг с надеждой.

Матушка Ветровоск оглядела сестер-ведьм. Бабулю Бревис она терпеть не могла; эта старуха преподавала в школе по ту сторону горы и имела гнусную привычку сохранять здравомыслие даже в гневе. А Старая Мать Дисмасс была, пожалуй, самой бесполезной гадалкой в истории прорицания. А Нянюшку Ягг Матушка вообще не выносила, хоть та и была ее лучшей подругой.

— А что насчет юной Маграт? — невинно спросила Старая Мать Дисмасс. — У нее участок прямо рядом с Дезидератиным. Может, ей подкинуть в нагрузку?

Матушка Ветровоск и Нянюшка Ягг переглянулись.

— Она у нас сбрендила, — сказала Матушка.

— Ой, да ладно тебе, Эсме, — сказала Нянюшка Ягг.

— Да, *я* считаю, сбрендила, — сказала Матушка. — Говорить такое о своих близких — это не сбрендила, что ли?

— Она ничего такого не говорила, — сказала Нянюшка. — Только сказала, что хочет стать ближе к себе.

— О том и речь, — сказала Матушка Ветровоск. — А я ей говорю: Простота Чесногк тебе мать, Араминта Чесногк тебе бабка, Йоланда Чесногк тебе тетка, а ты себе… а ты себе *я*.

Она откинулась с видом человека, который только что решил все возможные вопросы насчет кризиса самоопределения.

— А она не слушала, — добавила она.

Бабуля Бревис нахмурилась.

— Маграт? — сказала она. Она попыталась воссоздать в памяти образ младшей ведьмы Овцепиков и вспомнила… ну, не само лицо, а глаза на мокром месте и беспомощно-добрую мину; ниже располагалось похожее на жердь тело, а выше — волосы, напоминающие растрепанный бурей стог. Неустанная добродетельница. Беспокойная душа. Из тех людей, что спасают упавших

птенчиков и плачут, когда те дохнут, хотя старая добрая Мать-Природа вообще-то именно это и уготовала упавшим птенчикам.

— Не похоже на нее, — сказала она.

— А она сказала, что хочет быть более независимой, — сказала Матушка.

— Ну и что плохого быть независимой? — сказала Нянюшка. — На независимости ведьмовство и держится.

— Я и не говорю, что это плохо, — сказала Матушка. — Я ей так и сказала, в этом нет ничего плохого. Можешь, говорю, быть независимой сколько влезет, только будь добра делать, что тебе сказано.

— Просто вотри вот это, и все рассосется за недельку-другую, — сказала Старая Мать Дисмасс.

Три другие ведьмы выжидательно посмотрели на нее — вдруг добавит что-нибудь еще? Стало ясно, что не добавит.

— А еще она теперь учится — чему она там учится, Гита? — сказала Матушка.

— Самообороне, — сказала Нянюшка.

— Но она же ведьма, — отметила Бабуля Бревис.

— Я ей так и сказала, — заявила Матушка Вет-

ровоск, которая всю жизнь бесстрашно ходила по ночам через кишащие разбойниками горные леса, точно зная, что в темноте нет никого страшней, чем она сама. — А она говорит, это не главное. *Не главное!* Так и сказала.

— Да к ней все равно никто не ходит, — сказала Нянюшка Ягг.

— А *я* думала, она собирается за короля замуж? — сказала Бабуля Бревис.

— Все так думали, — сказала Нянюшка. — Но ты же знаешь Маграт. У нее семь пятниц на неделе. Теперь вот говорит, не желаю больше быть сексуальным объектом.

Они все задумались об этом. Наконец Бабуля Бревис произнесла, медленно, как человек, выходящий из глубин потрясенного размышления:

— Так она никогда и *не была* сексуальным объектом.

— Могу с гордостью заявить, что я даже *не знаю*, что такое сексуальный объект, — твердо заявила Матушка Ветровоск.

— А я знаю, — сказала Нянюшка Ягг.

Они обернулись на нее.

— У нас Шейн привозил такой как-то раз из заграницы.

Они продолжали на нее смотреть.

— Он был такой бурый, толстый, на нем были бусики и лицо, и еще две дырочки для шнурка.

Они не отводили глаз.

— Ну, он сказал, что вот это вот было оно.

— Мне кажется, ты про идол плодородия, — подсказала Бабуля Бревис.

Матушка покачала головой.

— По описанию на Маграт не похоже… — начала она.

— Не может быть, чтобы это стоило два пенни, — сказала Старая Мать Дисмасс из какого-то своего времени, в котором сейчас находилась.

Никто толком не знал, из какого.

Таков профессиональный риск ясновидцев. Человеческий разум не рассчитан на броски вперед-назад по бескрайней дороге времени. Порой он может сорваться с якоря и начать бесконтрольно лететь в прошлое или будущее, лишь изредка бывая в настоящем. Старая Мать Дисмасс была рассредоточена во времени. Это значит, если вы с ней заговорили в августе, возможно, она услышала вас в марте. Проще всего было сказать ей что-нибудь сейчас и надеяться, что она это уловит, когда ее разум будет в следующий раз проходить мимо.

Матушка на пробу помахала рукой перед неви-

дящими глазами Старой Матери Дисмасс.

— Опять она не с нами, — сказала она.

— Ну, если Маграт не может взяться, есть еще Милли Хопгуд с дороги на Ломоть, — сказала Бабуля Бревис. — Девочка работящая. Правда, глаз у нее косит еще хуже, чем у Маграт.

— Ничего страшного. Ведьме косоглазие даже к лицу, — заявила Матушка Ветровоск.

— Но надо уметь этим пользоваться, — сказала Нянюшка Ягг. — Вот старая Герти Симмонс косила, и оттого сглаз вечно попадал ей на кончик носа. Нельзя, чтобы люди думали, будто, ежели оскорбишь ведьму и она наложит проклятие, у нее собственный нос отвалится.

Они снова уставились в костер.

— Дезидерата, я так понимаю, не выбирала себе преемницу? — спросила Бабуля Бревис.

— И не подумала, — сказала Матушка Ветровоск. — Тут так не принято.

— Да, но Дезидерата тут не так много времени проводила. Такая у нее работа. Вечно уезжала в заграницы.

— Терпеть не могу заграницы, — сказала Матушка Ветровоск.

— Ты в Анк-Морпорке была, — напомнила Нянюшка. — А это заграница.

— Ничего подобного. Он просто далеко. Это не то же самое, что заграница. В заграницe болтают на варварских языках, едят заграничную бурду и поклоняются этим твоим *объектам*, — заявила Матушка Ветровоск, прирожденный дипломат. — Заграница может оказаться прямо под боком, если прохлопать. Ух! — добавила она с презрением. — Да уж, она что угодно могла привезти из заграницы.

— Мне однажды привезла очень славную синебелую тарелочку.

— А это мысль, — сказала Бабуля Бревис. — Надо бы кому-нибудь сходить и проведать ее домик. У нее там много славного добра. Обидно будет, ежели какой ворюга туда залезет и устроит погром.

— Не представляю, какой вор полезет к ведьме… — начала Матушка, но вдруг осеклась. — Да, — сказала она мягко. — Отличная мысль. Немедленно этим займусь.

— Нет, лучше я этим займусь, — заявила Нянюшка Ягг, которой тоже хватило времени сообразить. — Это мне прямо по пути домой. Раз плюнуть.

— Нет, ты же хочешь поскорее добраться домой, — сказала Матушка. — Не утруждай себя. Мне это ничего не стоит.

— Ой, да мне это тоже ничего не стоит, — сказала Нянюшка.

— Ты же не хочешь измотать себя в таком-то возрасте, — сказала Матушка Ветровоск.

Они уставились друг на друга.

— Не понимаю, в чем проблема, — сказала Бабуля Бревис. — Можете вдвоем пойти, а не споры устраивать.

— Я завтра немного занята, — сказала Матушка. — Как насчет после обеда?

— Ладно, — сказала Нянюшка Ягг. — Встретимся у ее дома. Сразу после обеда.

— Раньше у нас было, но ты открутила кусок, он упал и потерялся, — сказала Старая Мать Дисмасс.

Браконьер Харкер бросил в яму последнюю лопату земли. Он решил, что обязан сказать пару слов.

— Ну, вот и все, что ли, — сказал он.

«Она уж точно была получше прочих ведьм», — думал он по пути в ее хижину в предрассветных сумерках. Прочие — все они, конечно, тоже замечательные люди, спешно добавил он про себя, настолько замечательные, что лучше держаться от них подальше, — были слишком уж властными. А Госпожа Пуст умела слушать.

На кухонном столе он нашел длинный сверток, горсть монет и конверт.

Он вскрыл конверт, хоть тот ему не предназначался.

Внутри оказался конверт поменьше и записка:

«Я за тобой слежу, Альберт Харкер. Доставь подсылку и коньверт, но ежели ты дерзнешь хочь одним глазком заглянуть в нутрии с тобой случится что-то ужастное. Я проффесиональная фея-крестная, мене не положено никого проклинать, но я Прорицаю что ento возможно будет покус разъядренного волка, и нога твоя позеленеет, покроется слизью и отвалится, токмо не спрашивай откуда я ento знаю, да и как ты спросишь я ж умерла. Всех благ, Дезидерата».

Посылку он поднимал, зажмурив глаза.

В обширном магическом поле Плоского мира свет путешествует неспешно, а потому и время не спешит. Как говаривала Нянюшка Ягг, когда в Орлее полдник, у нас тут вторник…

Но сейчас в Орлее только светало. Лилит сидела наверху башни и с помощью зеркала отправляла свой образ осматривать мир. Она вела поиски.

Из каждого блика на гребне волны, из каждой ледышки, из каждого зеркала или отражения Лилит могла выглянуть. Для этого не нужно ма-

гическое зеркало. Любое зеркало годится, если знаешь, как им пользоваться. А Лилит, чья сила гудела мощью миллиона отражений, отлично это умела.

Только уколы сомнения не оставляли ее. Наверняка Дезидерата избавилась от *нее*. Она как раз из таких. Совестливых. И наверняка отдала той глупой девчонке с мокрыми глазками, которая порой приходила к ней в хижину, той, что носит дешевую бижутерию и не умеет прилично одеваться. Она как раз подошла бы.

Но Лилит должна была убедиться. Своих высот она достигла благодаря тому, что всегда все проверяла.

В лужах и окнах по всему Ланкру на миг появлялось лицо Лилит, а затем уходило дальше…

А теперь светало уже в Ланкре. В лесу клубился осенний туман.

Матушка Ветровоск толчком открыла дверь хижины. Не заперто. Того единственного гостя, которого ждала Дезидерата, замки бы не остановили.

— Она похоронилась там, на заднем дворе, — раздался голос сзади. Нянюшка Ягг.

Матушка на миг задумалась, как реагировать. Она могла обвинить Нянюшку, что та нарочно

пришла пораньше, чтобы обыскать хижину одной, но это вызвало бы закономерный вопрос, почему заранее явилась и Матушка. Она, конечно, могла придумать себе оправдание, если дать ей время. Но в целом лучше всего было просто заняться делом.

— Ага, — кивнула она. — Всегда у нее все аккуратно, типичная Дезидерата.

— Ну, такая у нее была работа, — Нянюшка Ягг протиснулась мимо нее и оглядела комнату с интересом. — При такой работе надо уметь за всем следить. Батюшки, ну и здоровенный же кот!

— Это лев, — поправила Матушка Ветровоск, разглядывая голову над камином.

— Да кто бы ни был, это ж на какой же скорости он таранил стену, что пробил насквозь? — сказала Нянюшка Ягг.

— Кто-то его убил, — сказала Матушка Ветровоск, осматривая комнату.

— Ну ясное дело, — согласилась Нянюшка. — Если б я увидела, как мне такой страшила проедает стену, я бы его тоже пришибла.

Типичной хижины ведьмы, конечно, не существует, но если бывает нетипичная хижина ведьмы — это была она. Помимо голов разных зверей со стеклянными глазами, стены покрыва-

ли полки с книгами и акварельными картинами. В стойке для зонтов стояло копье. Вместо фарфора и керамики в буфете красовались явно заграничные латунные котлы и тонкие заграничные вазы. Нигде в доме не было сушеных трав, зато тут оказалась масса книг, в основном заполненных мелким аккуратным почерком Дезидераты. Целый стол устилали какие-то тщательно прорисованные карты.

Матушка Ветровоск недолюбливала карты. Она истинктивно чуяла, что они жульничают с ландшафтом.

— Что ж, она много где побывала, — Нянюшка Ягг подняла резной веер из слоновой кости и кокетливо[7] обмахнулась.

— Ну, ей это было легко, — Матушка открыла несколько полок в комодах. Провела пальцами по каминной полке и недовольно взглянула на них. — Лучше бы нашла время пыль стереть, — проворчала она. — Вот я бы ни за что не умерла, пока мой дом в таком состоянии.

— Я все думаю, где она оставила… ну, знаешь… *ее*? — Нянюшка открыла дверцу напольных часов и заглянула внутрь.

---

[7] Примечания: 7

Нянюшка Ягг понятия не имела, что значит кокетничать, но рискнула бы угадать.

— Постыдилась бы, Гита Ягг, — сказала Матушка. — Мы здесь не за *этим*.

— Нет-нет, конечно. Просто интересно… — Нянюшка Ягг попыталась незаметно привстать на цыпочки, чтобы заглянуть на верх комода.

— Гита! Срам какой! Иди завари нам по чашечке чаю!

— Ой, ну ладно.

Бормоча под нос, Нянюшка Ягг скрылась на кухне. Через пару секунд раздался скрежет водной колонки.

Матушка Ветровоск тихонько подошла к креслу и пошарила под сидушкой.

Из соседней комнаты раздался грохот. Она срочно выпрямилась.

— Не думаю, что она прятала ее под раковиной! — крикнула она.

Ответ Нянюшки Ягг она не разобрала.

Матушка выждала мгновение, затем быстро скользнула к большому камину. Она вытянула руку и пощупала внутри.

— Что-то ищешь, Эсме? — спросила Нянюшка Ягг из-за спины.

— Тут сажа просто ужасная, — Матушка немедленно выпрямилась. — Ужасная просто сажа.

— А *ее* там нет? — проворковала Нянюшка Ягг.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Ой, да кончай зубы заговаривать. Всем известно, что она у нее была, — сказала Нянюшка Ягг. — Прилагается к такой работе. По сути, это *и есть* работа.

— Ну… может, я бы и не отказалась на нее взглянуть, — признала Матушка. — Просто подержать в руках. Но не *использовать*. Такого у меня и в мыслях не было. Я такие штуки видела всего раз или два. В наши дни их мало осталось.

Нянюшка Ягг кивнула:

— Да, такой древесины уже не сыщешь.

— Она же не с собой ее похоронила, верно?

— Не думаю. Я бы не стала хорониться с такой штукой. Это большая ответственность. Да и в могиле ее не удержишь. Такие вещи любят, чтобы их использовали. Будет еще все время кататься у тебя в гробу. Одни проблемы с этими штуками.

Она слегка расслабилась:

— Пойду разберусь с чаем, — сказала она. — А ты камин разожги.

Она ушла обратно на кухню.

Матушка Ветровоск потянулась к каминной полке за спичками и вдруг поняла, что их там нет. Дезидерата вечно говорила, что слишком занята, чтобы не пользоваться магией дома. Даже белье

у нее само себя стирало.

Матушка не одобряла применение магии в быту, но сейчас ей было не до того. Да и чаю хотелось.

Она бросила пару поленьев в камин и просто смотрела на них, пока те не вспыхнули пламенем чисто от смущения.

И лишь тогда она краем глаза приметила занавешенное зеркало.

— Почему завешено? — пробормотала она. — Старушка Дезидерата вроде не из суеверных была.

Она откинула занавеску.

Она посмотрела.

Немногие люди в мире могут похвастать таким самообладанием, как у Матушки Ветровоск. Твердым, как железный слиток. И примерно таким же гибким.

Она разбила зеркало.

В башне зеркал резко выпрямилась Лилит.

Она?

Лицо изменилось, конечно. Стало старше. Прошло уже много лет. Но глаза не меняются, а ведьмы всегда смотрят на глаза.

Она!

Ведьма Маграт Чесногк тоже стояла перед зер-

калом. В ее случае — совершенно не магическим. К тому же оно было пока целым, хотя пару раз его едва не постигла та же участь.

Она нахмурилась на свое отражение, затем сверилась с дешевой печатной брошюркой, которая пришла вчера.

Она прошептала себе под нос пару слов, выпрямилась, вытянула руки перед собой, яростно ударила кулаком по воздуху и крикнула:

— КИИИИйййяяяаааааа! Кхм.

Маграт всегда говорила, что открыта новому. Ее разум был открытым, как поле, как небо. Шире открыть разум невозможно, разве что с помощью хирургической операции. И она всегда искала, чем бы его заполнить.

Сейчас его наполняли поиски внутреннего покоя, космической гармонии и истинной сути Бытия.

Когда люди говорят: «Мне в голову пришла идея», это не просто метафора. Частицы вдохновения, отдельные сырые мысли летают по космосу тут и там. Такие головы, как у Маграт, притягивают их так же, как вода в пустыне наполняет ямки.

«Это все из-за того, что мама не заботилась о правописании», — подумала она. Заботливый

родитель написал бы «Маргарет» грамотно. И тогда она была бы Пегги или Мегги — надежные, здоровые имена, полные силы. А когда ты Маграт, мало что можно сделать. Такое имя подходит разве что зверушке, живущей у реки в норе, которую вечно заливает.

Она подумывала сменить имя, но в глубине души понимала, что это не сработает. Даже назвавшись Хлоей или Изобель для виду, внутри она останется Маграт. Но было бы здорово хотя бы попробовать. Здорово побыть не Маграт хоть несколько часов.

Именно такие мысли обычно заводят людей на путь Познания Себя. И Маграт уже давно поняла, что Познающей Себя не следует рассказывать об этом Матушке Ветровоск. Та считала, что вопросы эмансипации женщин — это бабское нытье, которое не подобает обсуждать в присутствии мужчин.

Нянюшка Ягг проявляла к Маграт больше понимания, но вечно все сводила к двусмысленным намекам — вернее, у Нянюшки они получались вполне односмысленными, чем она даже гордилась.

Короче говоря, Маграт отчаялась хоть чему-то научиться у старших ведьм и решила забрасы-

вать сети шире. Гораздо шире. Настолько шире, насколько сетей вообще хватит.

У упорных искателей мудрости есть одна странность: где бы они ни оказались, они непременно жаждут той мудрости, которая далеко от них. Мудрость — одна из немногих вещей, которые издали выглядят больше, а не меньше[8].

Сейчас Маграт искала себя на Пути Скорпиона, который сулил космическую гармонию, внутреннее единство и умение выбить противнику почки через уши. На такой путь она была не прочь ступить.

Но были проблемы. У автора, магистра Лобсанга Достабля, был адрес в Анк-Морпорке. Трудно было поверить, что космическая мудрость может происходить из такого города. К тому же, хоть

---

[8] Примечания: 8

Взять, к примеру, учение мадам Космополит, весьма популярное у молодежи горного народа, живущего в тайных лощинах среди вечных снегов Овцепикских гор. Презрев наставления своих старейшин, которые одеваются в оранжевые балахоны и крутят молитвенные барабаны, они то и дело отправляются за тридевять земель, в туманный равнинный Анк-Морпорк, в дом номер 3 по улице Щеботанской, чтобы причаститься мудрости мадам Мариэтты Космополит, местной швеи. Никто не знает, зачем это им, ведь они не понимают ни бельмеса из ее слов или, что чаще, гневных криков. Видимо, такова притягательность этой уже упомянутой дальней мудрости. Многие бритоголовые монахи возвращаются потом в горные скиты, чтобы медитировать на странные мантры, которыми их удостоили, например «Отвалите!» или «Если я снова увижу, как за мной следит *хоть один* из вас, черти оранжевые, он у меня отведает тумаков, ясно?» и «Да что вы, придурки, вечно тут толпитесь и пялитесь мне на ноги?» Они даже создали новый

вид единоборства на основе своих впечатлений — искусство невнятно орать друг на друга, а затем пытаться огреть соперника метлой.

автор и нагородил с три короба о том, что Путь нельзя использовать для агрессии, а только для постижения космической мудрости, это было напечатано мелким шрифтом между картинками, на которых люди с энтузиазмом колошматили друг друга палками на цепях и кричали «Кия!». Дальше вас учили, как разбивать кирпичи рукой, ходить по раскаленным углям, ну и прочим космическим делам.

Маграт решила, что Ниндзя — отличное имя для девушки.

Она снова уставилась на свое отражение.

В дверь постучали. Маграт подошла и открыла.

— Кия? — сказала она.

Браконьер Харкер отшатнулся. Его и так уже трясло. По пути через лес за ним следил разъяренный волк.

— Эм-м, — ответил он и наклонился вперед. Его потрясение сменилось беспокойством: — Вы что, головушкой стукнулись, сударыня?

Она непринимающе уставилась на него. Затем на нее снизошло озарение. Она сняла с головы повязку, украшенную узором из хризантем, без которой почти невозможно познавать космическую мудрость выворачивания противнику локтей на 360 градусов.

— Нет, — сказала она. — Чего вам?

— Я вам посылочку принес, — сказал Харкер, протягивая сверток.

Он был чуть более полуметра в длину и очень тонкий.

— Там еще записка, — вспомнил Харкер. Пока она разворачивала письмо, он зашел ей за спину и попытался прочитать через плечо.

— Это личное, — сказала Маграт.

— Правда? — невинно спросил Харкер.

— Да!

— А мне сказали, вы дадите мне пенни за доставку, — заявил браконьер.

Маграт нашарила монетку у себя в кошельке.

— Из денег куются цепи, сковывающие рабочий класс, — предупредила она, протягивая монету. Харкер покорно кивнул: он никогда в жизни себя не считал каким-то там рабочим классом, но готов был слушать любой бред, если за это дают пенни.

— Надеюсь, у вас голова поправится, сударыня, — сказал он.

Оставшись одна в своем додзе (бывшей кухне), Маграт развернула сверток. В нем была тонкая белая палочка.

Она еще раз перечитала записку. Там было

сказано: «Вечно у мене не було времени Обучить себе смену, такшо ento предстоит Тебе. Отпровляйся в город Орлею. Я б сама ento сделала токмо не могу по пречине смерти. Элла Суббота НИЗАШТО не должна выйти замуж за прынца. PS Ento важно!»

Она поглядела на свое отражение в зеркале.

Она поглядела в записку снова.

«PSPS Скажи тем 2 Старым Кошелкам, пущай Низашто не едут с Тобой, они токмо все Испортиют».

Ниже было еще.

«PSPSPS Она норовит превращать все в тыквы, но ты ей овладеишь, глазом мыргнуть не успеишь».

Маграт снова глянула в зеркало. Затем снова на палочку.

Бывает, минуту назад жизнь была проще простого, а потом вдруг раз — и она полна сложностей.

— Божечки мои, — сказала она. — Да я феякрестная!

Матушка Ветровоск так и стояла, гляда на безумную паутину осколков, когда вбежала Нянюшка Ягг.

— Эсме Ветровоск, ты что наделала? Это же к

несчастью, это… Эсме?

— Она? *Она?*

— Ты в порядке?

Матушка Ветровоск на миг закатила глаза, затем тряхнула головой, словно прогоняя немыслимую мысль.

— Чего?

— Ты вся побледнела. Никогда тебя такой бледной не видела.

Матушка осторожно вытащила осколок из своей шляпы.

— Ну… это немного внезапно, когда стекло вот так бьется… — пробормотала она.

Нянюшка взглянула на руку Матушки Ветровоск. Рука была в крови. Затем она взглянула в лицо Матушке Ветровоск и решила никогда не признаваться, что разглядывала ее руку.

— Это может быть знамение, — сказала она, наобум выбрав безопасную тему. — Бывает, когда помрет кто, начинаются такие дела. Со стен валятся картины, часы ломаются… огромные платяные шкафы с лестниц падают… такие вот знамения, знаешь.

— Никогда не верила в подобную чушь, все это… погоди, *платяные шкафы* падают с лестниц? — переспросила Матушка. Она тяжело дышала.

Если бы Матушка Ветровоск не славилась *стальным* хладнокровием, можно было подумать, что она только что пережила величайшее потрясение в жизни и отчаянно пытается забыться в повседневной перепалке.

— Именно так было после смерти моей двоюродной бабки Софи, — сказала Нянюшка Ягг. — Ровно через три дня, четыре часа и шесть минут после ее смерти, *минута в минуту*, ее шкаф упал с лестницы. Наши Даррен с Джейсоном как раз пытались перетащить его за угол, а он из рук выскользнул, и как-то так. Чертовщина же! Ну-у-у, я все равно не собиралась оставлять его там, он бы достался Агате, а она мать навещала только на Страшдество, а я-то за Софи ухаживала до последних дней…

Матушка позволила привычным, размеренным семейственным стенаниям Нянюшки Ягг окутать себя, а сама ухватилась за чайные чашки, как за спасательный круг.

Ягги были, что называется, расширенной семьей — и не просто расширенной, но и удлиненной, растянутой и рассредоточенной. Ни на каком листе бумаги не уместилось бы их семейное древо, которое скорее походило на семейный бурелом. И у каждой веточки была давняя мелоч-

ная обида на другие веточки, связанная с такими *благородными поводами,* как «Что ихний Кевин сказал про нашего Стэна на свадьбе кузена Ди» и «Кто забрал серебряный сервиз, который тетушка Эм *обещала* завещать нашей Дорин, хотела бы я знать, спасибо *большое*, если не трудно».

Нянюшка Ягг, как бесспорный матриарх, поддерживала все стороны без разбору. Это в какой-то мере можно было назвать ее хобби.

В одном семействе Яггов ссорились столько, что хватило бы на целую страну где-нибудь в глухомани.

Порой это вводило недалеких чужаков в заблуждение, и те совершали роковую ошибку: неодобрительно отзывались об одном Ягге при другом Ягге. После чего *все до единого* Ягги обрушивались на них, все ветви семейства объединялись, как детали хорошо смазанной стальной машины, чтобы безжалостно обрушивать погибель на голову чужака.

Жители Овцепиков считали, что ссоры в семействе Ягг — это благо. Сама мысль, что они обратят свою неудержимую энергию на внешний мир, внушала ужас. К счастью, любой из Яггов в первую очередь предпочитал скандалить с другими Яггами. Они же *семья*!

Странные штуки эти семьи, если задуматься…

— Эсме? Ты в порядке?

— Чего?

— У тебя чашки ходуном ходят, а ты не видишь! Да *еще* и чай разлила по всему подносу.

Матушка с недоумением оглядела получившийся бардак и постаралась исправить его, как могла.

— Кто ж виноват, что чашки такие крохотные, — проворчала она.

Дверь распахнулась.

— Доброго утра, Маграт, — добавила она, даже не обернувшись. — А ты что здесь делаешь?

Она догадалась по тому, как крякнули петли. Маграт ни за что в жизни не смогла бы открыть дверь аккуратно.

Не говоря ни слова, младшая ведьма прошла в комнату, красная как свекла, пряча руки за спиной.

— Мы тут просто зашли разобрать вещи Дезидераты, как подобает добрым сестрам-ведьмам, — громко заявила Матушка.

— А вовсе не искать ее волшебную палочку! — добавила Нянюшка.

— Гита Ягг!

Нянюшка Ягг тут же приняла виноватый вид и

склонила голову.

— Прости, Эсме.

Маграт вытащила руки из-за спины.

— Ну-у, — сказала она и покраснела еще сильней.

— Ты ее нашла! — воскликнула Нянюшка.

— Эм-м, нет, — ответила Маграт, не решаясь посмотреть Матушке в глаза. — Дезидерата сама отдала ее… мне.

Тишина получилась трескучей и гудящей.

– *Она* отдала ее *тебе*? — сказала Матушка Ветровоск.

— Ну-у, да.

Нянюшка и Матушка переглянулись.

— Что ж! — сказала Нянюшка.

— Вы с ней были *знакомы*, что ли? — вопросила Матушка, повернувшись к Маграт.

— Я частенько заходила поглядеть ее книги, — призналась Маграт. — А она… а она любила готовить заграничную еду, а никто больше ее не ел, так что я приходила составить ей компанию.

— А-*га*! Втиралась в доверие! — огрызнулась Матушка.

— Но я правда не думала, что она завещает мне палочку, — сказала Маграт. — Правда не знала!

— Это, должно быть, какая-то ошибка, — мягко

сказала Нянюшка Ягг. — Наверное, она хотела, чтобы ты передала ее одной из нас.

— Совершенно верно, так и есть, — сказала Матушка. — Она просто знала, что ты хорошо следишь за вещами. Дай-ка взглянем на нее.

Она протянула руку.

Маграт крепче сжала палочку.

— …Она отдала ее мне… — пропищала она.

— Она под конец уже совсем туго соображала, — сказала Матушка.

— …Она отдала ее мне…

— Быть феей-крестной — тяжелая ответственность, — сказала Нянюшка. — Надо быть находчивой, гибкой, тактичной и разбираться со сложными делами сердечными и всем таким. Уж Дезидерата это знала.

— …Да, но отдала ее мне…

— Маграт Чесногк, как старшая ведьма я *повелеваю* отдать мне палочку, — сказала Матушка. — От них одни неприятности!

— Погоди, погоди, — сказала Нянюшка. — Это уже слишком…

— …Нет… — сказала Маграт.

— И кстати, ты не старшая ведьма, — сказала Нянюшка. — Старая Мать Дисмасс старше тебя.

— Заткнись. И кстати, она все равно выжила из

ума, — сказала Матушка.

— …Ты не можешь мне приказывать. У ведьм нет иерархии… — сказала Маграт.

— Это непристойное поведение, Маграт Чесногк!

— Вообще-то нет, — сказала Нянюшка Ягг, надеясь погасить страсти. — Непристойное поведение — это когда бегаешь по улице в одних…

Она осеклась. Старшие ведьмы заметили, как из рукава Маграт выпал клочок бумаги и спланировал на пол. Матушка рванулась вперед и схватила его.

— Ага! — торжествующе воскликнула она. — Теперь поглядим, что Дезидерата *на самом деле* написала…

Она прочла записку про себя, шевеля губами. Маграт постаралась собраться с духом.

На лице Матушки дрогнула пара мышц. Затем она хладнокровно свернула записку.

— Как я и думала, — сказала она. — Дезидерата велела помочь Маграт всем, чем мы можем, учитывая ее возраст и все прочее. Не так ли, Маграт?

Маграт посмотрела в лицо Матушке.

«Можно обвинить ее во лжи, — подумала она. — Записка ясно гласила… ну, по крайней мере, та часть, что касалась старших ведьм… и

можно заставить зачитать ее вслух. Там же все ясно как день. Ты что, хочешь навечно остаться третьей ведьмой?»

Но на этом огонек мятежа, запылавший в непривычном очаге, угас.

— Да, — беспомощно пробормотала она, — что-то такое.

— Тут сказано, что нам очень важно отправиться куда-то там, помочь кому-то там выйти замуж за принца, — сказала Матушка.

— В Орлею, — поправила Маграт. — Я про нее читала в книгах Дезидераты. И вообще-то там сказано — *помешать* выйти за принца.

— Фея-крестная, которая *мешает* девушке выйти за принца? — удивилась Нянюшка. — Звучит как-то… противоречиво.

— Зато такое желание легче исполнить, — сказала Матушка. — Миллионы девушек не выходят замуж за принцев.

Маграт решила хотя бы попытаться.

— Орлея — это *очень* далеко, — сказала она.

— Уж я надеюсь, — сказала Матушка Ветровоск. — Вот уж чего бы не хотелось, так это чтобы заграница была под носом.

— В смысле, туда неближний путь, — простонала Маграт. — А вы же… уже не так молоды, как

прежде…

Тишина получилась долгой и плотной.

— Мы отправляемся завтра, — отрезала Матушка Ветровоск.

— Слушайте, — отчаянно выпалила Маграт, — ну почему бы мне не съездить одной?

— Потому что тебе не хватает опыта в феекрестном деле, — сказала Матушка Ветровоск.

Это был перебор даже для покладистой Маграт.

— У вас его тоже нет! — возразила она.

— Это верно, — согласилась Матушка. — Но суть в том, что… суть в том… суть в том, что у нас намного дольше нет опыта, чем у тебя.

— У нас огромный опыт неимения опыта, — весело добавила Нянюшка Ягг.

— Это всегда самое важное, — сказала Матушка.

В доме Матушки было лишь одно потертое зеркальце. Вернувшись домой, она закопала его в глубине сада.

— Так-то, — сказала она. — Попробуй *теперь* за мной пошпионь.

Людям всегда казалось, что Джейсон Ягг, мастеровитый кузнец и коновал, никак не мог быть сыном Нянюшки Ягг. Он выглядел так, будто его не родили на свет, а построили. Причем в

корабельных доках. К его неторопливой и добродушной природе генетика решила добавить мышцы, которых хватило бы на пару быков, руки толщиной с деревья и ноги словно четыре пивных бочонка колоннами по два.

В его пылающую кузню приводили норовистых жеребцов, красноглазых и взмыленных царей лошадиного народа, тварей с копытами размером с кастрюлю, лягавшихся так, что кто помельче пробивал собой стенку. Но Джейсон Ягг знал тайное Лошадиное Слово: он один входил в кузню, тихонько прикрывал дверь и через полчаса выводил отлично подкованное и удивительно притихшее животное[9].

Позади его исполинской туши столпились остальные члены бескрайнего семейства Нянюшки Ягг и немало прочих односельчан, которые, завидев, как ведьмы занялись чем-то интересным, не удержались от соблазна поглазеть на то, что считается в Овцепиках славным зрелищем.

— Уезжаем мы, малютка Джейсон, — сказала

---

[9] Примечания: 9

Однажды Матушка Ветровоск устроила ему допрос с пристрастием, и, поскольку от ведьмы секретов не утаишь, он скромно признался: «Да что там, мэ-м, ничо такого не делаю, просто беру конягу под уздцы и хрясь ему молотом промеж глаз, пока не опомнился, а потом шепчу, значица, ему на ухо: “Токмо рыпнись, гад, и я твои яйца по наковальне размажу ужо, ты меня знаешь”».

Нянюшка Ягг. — Говорят, у них там в заграницах улицы мостят золотом. Может, я так разбогатею, а?

Кустистая бровь Джейсона приподнялась, выдавая напряженную работу мысли.

— Ну, нам бы в кузне пригодилась новая наковальня, — предложил он.

— Если я вернусь богатой, тебе вообще не придется больше ходить в кузню, — пообещала Нянюшка.

Джейсон нахмурился.

— Но мне *нраица* ковать, — медленно произнес он.

На миг Нянюшка растерялась:

— Ну ладно, тогда мы тебе сделаем наковальню из чистого серебра.

— Она будет не оч, мам. Слишком мягкая, — сказал Джейсон.

— Если я привезу тебе наковальню из чистого серебра, у тебя будет наковальня из чистого серебра, мальчик мой, нравится это тебе или нет!

Джейсон склонил гигантскую голову:

— Да, мам, — сказал он.

— Проследи, чтобы кто-нибудь проветривал дом ре-гу-ля-торно, то бишь каждый день, — сказала Нянюшка. — И чтобы камин разжигали

каждое утро.

— Да, мам.

— И чтобы все ходили только через черный ход, слышишь? На переднее крыльцо я проклятие наложила. Ну, куда там девочки задевали мой багаж? — Она поспешила прочь, как серый петушок, погоняющий стайку кур.

Маграт с интересом слушала ее. Для нее самой приготовления свелись к большому баулу с несколькими сменами одежды, подобранной с учетом любых сюрпризов, какие может преподнести погода за границей, и баулу поменьше с полезными на вид книгами из хижины Дезидераты Пуст. Дезидерата славилась своими записями и заполнила аккуратным почерком десятки книжечек. Названия у них были вроде «Через Великую пустыню Неф с волшебной палочкой и метлой».

Похоже, единственное, что она поленилась записать, это инструкции по пользованию той самой палочкой. Насколько Маграт представляла, ей надо махнуть и загадать желание.

Несколько тыкв, непредвиденно появившихся по дороге в ее хижину, могли подтвердить, что эта стратегия не работает. Одна тыква до сих пор считала, что она горностай.

Теперь Маграт осталась наедине с Джейсоном, который переминался с ноги на ногу.

Он пригладил свой чубчик. Его воспитали в почтении к женщинам, а Маграт более-менее вписывалась в эту категорию.

— Вы ведь присмотрите за нашей маман, да, госпожа Чесногк? — сказал он с беспокойством в голосе. — Она ведет себя ну оченно странно.

Маграт ласково похлопала его по плечу.

— Такое постоянно бывает, — сказала она. — Ну, то есть, когда женщина вырастила семью и все такое, она хочет пожить собственной жизнью.

— А чьей жизнью она жила *до сих пор*?

Маграт смущенно подняла глаза. Когда ей в голову пришел этот перл мудрости, он казался безупречным.

— Понимаешь, какое дело, — сказала она, выдумывая объяснение на ходу, — в жизни женщины приходит время, когда ей нужно найти себя.

— А чо бы ей тута не поискать? — жалобно произнес Джейсон. — Ну то есть, я не то чтобы перечу, госпожа Чесногк, но мы тут подумали, может, вы отговорите ее и госпожу Ветровоск уезжать?

— Я пыталась, — сказала Маграт. — Правда пыталась. Говорила им, вам не надо ехать. Годы уж, говорю, не те. Вы уж не так молоды, говорю.

Глупо, говорю, ехать за тридевять верст из-за такой ерунды, особенно в вашем возрасте.

Кузнец склонил голову набок. Джейсон Ягг явно не вышел бы в финал чемпионата Плоского мира по скоростному соображанию, но свою мать он хорошо знал.

— Вы все это маман сказали? — спросил он.

— Слушай, да не волнуйся ты, — сказала Маграт. — Уверена, ничего с ней не…

У них над головой пронесся грохот. Пара осенних листьев, плавно кружа, опустились наземь.

— Черт бы побрал это дерево… какой дурак сюда дерево поставил? — раздался голос сверху.

— А вот и Матушка, — сказала Маграт.

Во всестороннем развитии Матушки Ветровоск все же были пробелы — например, она так и не научилась управлять метлой. Это было чуждо самой ее природе. Она полагала, что ее работа — двигаться, а весь остальной мир должен сам устроить так, чтобы она прибыла на нужное место. В результате ей порой приходилось слезать с деревьев, на которые она перед этим не влезала. Это она и сделала теперь — спрыгнула на последних футах, готовая испепелить любого, кто посмеет хоть пикнуть на этот счет.

— Что ж, мы все в сборе, — бодро сказала Ма-

грат.

Это не помогло. Матушка Ветровоск немедленно пригляделась к коленям Маграт.

— И во что это ты разоделась? — спросила она.

— Э-э-э. Ну. Я подумала… в смысле, наверху будет холодно… ветер и все такое, — начала Маграт. Этого она боялась и презирала себя за слабость. В конце концов, это было практично. Эта идея пришла ей в голову однажды ночью. Помимо прочего, практически невозможно постичь космическую гармонию смертоносных ударов магистра Лобсанга Достабля, когда постоянно путаешься ногами в юбке.

– *Штаны?*

— Вообще-то это не простые…

— Причем на глазах у мужчин! — заявила Матушка. — Просто срам!

— Что срам? — спросила Нянюшка Ягг, подойдя со спины.

— Маграт Чесногк, которая стоит тут, раздвоив ноги, — Матушка презрительно вздернула нос.

— Главное, чтобы она не забыла спросить имя и адрес юноши, — примирительно сказала Нянюшка Ягг.

— Нянюшка! — сказала Маграт.

— А по-моему, очень удобные на вид, — продол-

жила Нянюшка. — Только немного мешковатые.

— Я такого не одобряю, — сказала Матушка. — Всем видно ее ноги!

— Неа, не видно, — возразила Нянюшка. — Ткань мешает.

— Да, но всем видно, где *находятся* ее ноги, — сказала Матушка.

— Это просто смешно. Все равно что сказать, что под одеждой все голые, — сказала Маграт.

— Маграт Чесногк, думай, что говоришь, — сказала Матушка Ветровоск.

— Так ведь это правда!

– *Лично я* не голая, — отрезала Матушка. — На мне еще три нижних рубашки.

Она оглядела Нянюшку с головы до ног. Гита Ягг тоже переоделась для поездки за границу. Матушка Ветровоск мало к чему тут могла придраться, но хотя бы попыталась.

— А ты… только посмотри на свою шляпу, — проворчала она.

Нянюшка знала Эсме Ветровоск уже семьдесят лет, так что в ответ просто усмехнулась.

— Самый писк моды, правда? — сказала она. — Ее сшил господин Вернисаж в Ломте. Ивовый каркас до самого кончика, а внутри — восемнадцать карманов. Такая шляпа выдержит удар

молота. А как вам это?

Нянюшка приподняла подол юбки. На ней были новые туфли. К самим туфлям у Матушки Ветровоск не было никаких претензий. Подобающие ведьминские туфли, по таким могла проехать груженая телега, и на плотной коже не осталось бы и следа. Единственная проблема с туфлями заключалась в их цвете.

– *Красные?* — сказала Матушка. — Ведьмы таких туфель не носят!

— А мне нравятся, — сказала Нянюшка.

Матушка фыркнула.

— Уж ты себя умеешь порадовать, конечно, — сказала она. — Наверняка у них там в заграницe любят всякие дурацкие выходки. Но ты же знаешь, что говорят о женщинах, которые носят красные туфли.

— Главное, чтобы говорили, что у них сухие ноги, — рассмеялась Нянюшка. Ключ от входной двери она вложила в руку Джейсону.

— Я буду тебе писать письма, если обещаешь найти того, кто тебе их прочитает, — сказала она.

— Да, мам. А что насчет кота, мам? — спросил Джейсон.

— А, так Грибо едет с нами, — сказала Нянюш-

ка Ягг.

— Что? Но это же кот! — воскликнула Матушка Ветровоск. — Нельзя возить котов с собой! Я не собираюсь путешествовать со всякими там котами! Хватит и того, что мне придется терпеть штаны и вызывающие туфли!

— Но как его оставить? Он же будет скучать по мамочке, правда? — промурлыкала Нянюшка Ягг, подбирая Грибо. Он повис на ее руках, как бурдюк с водой, перехваченный за середину.

Для Нянюшки Ягг Грибо был все тем же милым котеночком, который когда-то катал клубки пряжи по полу.

Для остального мира это был огромный котяра, сгусток дикой и несокрушимой жизненной силы, покрытый шерстью, больше похожей на то, что растет на хлебе, который забыли в сыром чулане на недельку. Незнакомцы часто жалели его, поскольку ушей у него не было в помине, а морда выглядела так, будто на ней станцевал медведь. Они и не подозревали, что Грибо этого добился, героически пытаясь подраться или потрахаться со всем, что двигалось, будь то даже телега, запряженная четверкой лошадей. Свирепые псы визжали и прятались под лестницей, когда на улицу выходил Грибо. Лисы не смели показы-

ваться в деревне. Волки обходили ее седьмой дорогой.

— Размяк, пусечка, на старости лет, — сказала Нянюшка.

Грибо поднял на Матушку Ветровоск желтый глаз, горевший самодовольным злорадством, которое кошки приберегают для тех, кому не нравятся, и замурлыкал. Пожалуй, Грибо был единственным котом, который умел хихикать, мурлыкая.

— И вообще, — сказала Нянюшка, — ведьмам положено *любить* кошек.

— Вот только не таких, как этот котяра.

— Ты просто не кошатница, Эсме, — сказала Нянюшка, крепко тиская Грибо.

Джейсон Ягг отвел Маграт в сторонку.

— Наш Шон читал в одном альманахе, что в заграницах водятся страшные дикие звери, — шепнул он. — Такие, знаете, здоровые мохнатые твари, которые бросаются на путников. Боюсь подумать, что будет, если они бросятся на маман или Матушку.

Маграт поглядела ему в широкое красноватое лицо.

— Вы уж последите, чтобы с ними ничего дурного не приключилось, ладно? — сказал Джейсон.

— Не стоит беспокоиться, — сказала она, надеясь, что так и есть. — Я постараюсь.

Джейсон кивнул.

— А то там сказано, в альманахе, что многие из этих зверей на грани вымирания, — добавил он.

Солнце уже поднялось высоко, когда три ведьмы по спирали взлетели в небо. Им пришлось ненадолго задержаться, потому что норовистая метла Матушки Ветровоск запускалась только после долгой беготни с прыжками. До метлы как будто не доходило, чего от нее хотят, пока ее резко не подбросят в воздух с разбегу. Все знакомые гномы-инженеры разводили руками, не понимая, в чем тут дело. Они уже десятки раз заменяли в метле и палку, и прутья.

Когда она наконец взлетела, ее сопровождал хор радостных криков.

Крошечное королевство Ланкр занимало всего лишь широкий уступ на склоне Овцепикских гор. Позади них острые как нож пики и извилистые темные лощины тянулись вверх к могучему гребню центрального хребта.

Впереди же земля уходила резко вниз к равнинам Сто, в сизую дымку лесов, к обширным просторам океана и находившемуся где-то посреди всего этого бурому пятну под названием

Анк-Морпорк.

Запел жаворонок — вернее, попытался запеть. Кончик шляпы Матушки Ветровоск вырос у него перед носом и совершенно сбил его с ритма.

— Выше я подниматься не намерена, — сказала она.

— Если мы взлетим повыше, то сможем увидеть, куда летим, — возразила Маграт.

— Ты же сказала, что просмотрела карты Дезидераты, — сказала Матушка.

— Ну, сверху все выглядит немного не так, — признала Маграт. — Слишком… объемное. Но мне кажется, нам надо… *вот туда*.

— Ты уверена?

Ведьмам никогда нельзя задавать такие вопросы. Особенно если спрашивает не кто-нибудь, а Матушка Ветровоск.

— Абсолютно, — сказала Маграт.

Нянюшка Ягг оглядела возвышающиеся над ними пики.

— В той стороне полно *высоченных* гор, — сказала она.

У них над головами уступ за уступом уходили ввысь бесконечные ледяные башни, припорошенные снегом. На вершинах Овцепиков никто не катался на лыжах, по крайней мере, дольше,

чем пару метров вперед и километр с воплями вниз. Никто не скакал по ним в юбках и не пел йодль. То были недобрые горы. Именно в такие горы зима уходит на летние каникулы.

— Через них есть перевалы и всякое такое, — неуверенно сказала Маграт.

— Должны быть, — сказала Нянюшка.

Если знаешь, как это делается, можно использовать два зеркала: поставить их так, чтобы они отражали друг друга. Раз отражения могут украсть частицу тебя, то отражения отражений могут тебя усилить, снова пропитать тебя тобой, дать тебе могущество…

А твой образ протянется в бесконечность вдоль изгибов света, в отражениях отражений отражений, и каждое точно такое же.

На самом деле все не так просто.

В зеркалах кроется бесконечность.

А в бесконечности кроется куда больше, чем можно представить.

Для начала — все что угодно.

В том числе голод.

Ведь на миллионы миллиардов отражений приходится всего одна душа.

Зеркала дают многое, но и отнимают немало.

Горы проплывали мимо, открывая все новые

горы. Сгущались тучи, тяжелые и серые.

— Я уверена, мы на правильном пути, — сказала Маграт. Мимо проплывали обледенелые скалы. Ведьмы летели сквозь туман по извилистым узким каньонам, неотличимым друг от друга.

— Ага, — сказала Матушка.

— Ну, вы не разрешаете мне взлететь повыше, — сказала Маграт.

— С минуты на минуту разразится жуткий буран, — сказала Нянюшка Ягг.

Начинало смеркаться. Свет утекал из горных лощин, как горчица.

— Я думала… тут будут деревни и все такое, — сказала Маграт, — и мы там купим занятные местные вещицы и найдем приют в грубых хибарах.

— Тут даже тролли не водятся, — сказала Матушка.

Три метлы спустились в пустынную лощину, в трещинку на склоне горы.

— И тут чертовски холодно, — сказала Нянюшка Ягг и улыбнулась. — А кстати, за что хибары зовут грубыми?

Матушка Ветровоск слезла с метлы и оглядела скалы вокруг. Подняла камень и понюхала. Подошла к груде щебня, которая казалась Маграт

такой же, как остальные груды щебня, и потыкала ее.

— Хм-м, — сказала она.

Несколько снежинок упало ей на шляпу.

— Ладно-ладно, — сказала она.

— Что это вы делаете, Матушка? — спросила Маграт.

— Размышляю.

Матушка подошла к склону долины и прошлась вдоль него, разглядывая скалы. Нянюшка Ягг последовала за ней.

— Прямо здесь? — сказала Нянюшка.

— Полагаю, да.

— Малость высоковато для них, нет?

— Эти чертенята всюду пролезут. Один как-то докопался прямо до моей кухни, — сказала Матушка. — Сказал, мол, следовал за жилой.

— Им только жилу дай, — согласилась Нянюшка.

— Не будете ли любезны объяснить, — сказала Маграт, — чем вы занимаетесь? Что такого интересного в грудах камней?

Снегопад усилился.

— Это не камни, это шлак, — сказала Матушка. Она дошла до плоской стены обледенелого камня, которая, с точки зрения Маграт, не отличалась от

широкого ассортимента других скал, на которых можно сдохнуть, и остановилась, будто прислушиваясь.

Затем она отступила на шаг, резко стукнула по скале метлой и промолвила такие речи:

— Открывайте, мелкие засранцы!

Нянюшка Ягг пнула скалу. Звук получился гулкий.

— Тут снаружи люди помирают от холодрыги! — добавила она.

Какое-то время ничего не происходило. Затем фрагмент скалы сдвинулся на пару дюймов. Маграт увидела блеск недоверчивых глаз.

— Кто там?

— Гномы? — спросила Маграт.

Матушка Ветровоск наклонилась так, чтобы ее нос оказался на уровне этих глаз.

— Меня зовут, — сказала она, — Матушка Ветровоск.

Она снова выпрямилась, ее лицо просто лучилось самодовольством.

— И что с того? — произнес голос откуда-то из-под глаз. Лицо Матушки, казалось, стало каменным.

Нянюшка Ягг ткнула спутницу локтем.

— Мы уже миль на пятьдесят от дома отлете-

ли, — сказала она. — В этих краях про тебя могли и не слыхать.

Матушка снова наклонилась. С ее шляпы посыпался скопившийся там снег.

— Тебя я не виню, — сказала она. — Но я знаю, что у вас тут есть король, так что, может, сходишь и доложишь ему, что явилась Матушка Ветровоск?

— Он очень занят, — ответил голос. — У нас тут проблемы.

— Тем более. Думаю, ему не нужны лишние, — сказала Матушка.

Ее невидимый собеседник, похоже, сам подумал об этом.

— Там же на двери написано, — проворчал он. — Незримыми рунами. Между прочим, дорогущее дело — правильно начертать незримые руны.

— Очень мне надо читать всякие двери, — сказала Матушка.

Собеседник колебался.

— Ветровоск, говорите?

— Да. Через «В». Как в слове «ведьма».

Дверь захлопнулась. Теперь в скале нельзя было различить ни трещинки.

Снег уже валил вовсю. Матушка Ветровоск

поежилась, пытаясь согреться.

— Вот тебе и заграничный народ, — сказала она обледенелому миру в целом.

— Не думаю, что гномов можно считать заграничными, — сказала Нянюшка Ягг.

— А почему бы и нет, — сказала Матушка. — Если гном живет далеко, значит, он заграничный. В этом и смысл заграницы.

— Да? Забавно, никогда об этом не думала, — сказала Нянюшка.

Они глядели на дверь, и их дыхание сгущалось тремя облачками в темнеющем воздухе. Маграт пригляделась к каменной двери.

— Не вижу тут никаких незримых рун, — сказала она.

— Ясное дело, — сказала Нянюшка. — Они же незримые.

— Именно, — сказала Матушка Ветровоск. — Не говори глупостей.

Дверь снова распахнулась.

— Я поговорил с королем, — произнес голос.

— И что же он сказал? — с предвкушением спросила Матушка.

— Сказал: «О нет! Этого еще не хватало на мою голову!»

Матушка улыбнулась:

— Я *так и знала*, что он про меня наслышан, — сказала она.

Как у цыган есть тысячи баронов, так у гномов — тысячи гномьих королей. Этот титул означает что-то вроде «главный инженер». Королев у гномов нет. Гномы вообще очень стесняются выдавать свой пол и считают эту тему не очень важной по сравнению с такими вещами, как металлургия и гидравлика.

Король стоял посреди толпы галдящих шахтеров. На ведьм он[10] поглядел с выражением лица утопающего, которому предложили глоток воды.

— Вы и правда владеете магией? — спросил он.

Нянюшка Ягг и Матушка Ветровоск переглянулись.

— Кажется, он это тебе, Маграт, — сказала Матушка.

— У нас тут был большой обвал в девятом штреке, — сказал король. — Ужасная катастрофа. Под завалами погребена очень перспективная жила золотоносного кварца.

Другой гном за его спиной что-то пробормотал.

— А, да. И несколько наших парней к тому

---

[10] Примечания: 10

У наиболее консервативных гномьих племен нет местоимений женского рода типа «она» или «ей». Как нетрудно понять, ухаживания у гномов — крайне деликатный процесс.

же, — заметил король. — А теперь еще *вы* явились. Я так считаю, вас привела судьба.

Матушка Ветровоск стряхнула снег со шляпы и огляделась.

Она ни за что бы в этом не призналась, но она была под впечатлением. Нечасто приходится увидеть полноценные гномьи подземелья в наши дни. Большинство гномов разъехалось на заработки в равнинные города, где гномом быть куда проще — как минимум не нужно целыми днями сидеть под землей, попадать себе молотком по пальцам и переживать из-за кризисов на мировых рынках металлов. Неуважение к традициям, вот в чем беда наших дней. Взять хоть троллей. В Анк-Морпорке нынче больше троллей, чем в целом горном хребте. Матушка Ветровоск ничего не имела против троллей, но подсознательно чуяла, что, если бы тролли реже носили костюмы, ходили на двух ногах и чаще прятались под мостами, чтобы выпрыгивать и пожирать людей, как велит им природа, мир был бы счастливее.

— Покажите лучше, где у вас проблема, — сказала она. — Куча камней обвалилась, верно?

— В смысле? — переспросил король.

Часто говорят, будто у эскимосов пятьдесят

слов, означающих «снег»[11].

Это не так.

Говорят еще, что у гномов двести слов, означающих «камни».

Это тоже неправда. У них нет такого слова, как «камень», так же как у рыб нет слова «вода». У них *есть* слова для камней магматических пород, камней осадочных пород, камней метаморфических пород, камней под ногами, камня, упавшего вам на каску сверху, и камня, который казался интересным и который вы совершенно точно оставляли здесь вчера. Но слова, означающего просто «камень», у них нет. Покажите гному камень, и он увидит, например, нижнюю половину кристаллического сульфита барита.

Или, в данном случае, примерно двести тонн бросового сланца. Когда ведьмы прибыли на место катастрофы, десятки гномов лихорадочно трудились, подпирая треснутый потолок и увозя тачками обломки. Многие не могли сдержать слез.

— Ужасно… ужасно, — бормотал один из них. —

---

[11] Примечания: 11

Ну, не то чтобы *часто*. Не ежедневно, конечно. По крайней мере, не везде. Но наверняка в некоторых холодных странах люди нередко говорят: «Ох уж эти эскимосы! Что за народ! Пятьдесят слов, означающих „снег“! Как тебе такое, а? Поразительно».

Какой кошмар.

Маграт протянула ему свой платок. Он оглушительно высморкался.

— Должно быть, большой оползень по линии разлома, а если так, пропала вся наша жила, — сказал он, качая головой. Другой гном похлопал его по спине.

— Не вешай нос, — сказал он. — Мы всегда можем пробурить горизонтальный ствол из пятнадцатого штрека. Мы до нее еще доберемся, не дрейфь.

— Извините, — сказала Маграт, — но там же *остались* гномы под завалом, верно?

— Ну да, — сказал король. Судя по его тону, это был просто неприятный побочный эффект катастрофы, ведь добыть новых гномов было лишь вопросом времени, а вот золотоносные жилы — ресурс исчерпаемый.

Матушка Ветровоск скептически осмотрела завалы.

— Нам понадобится, чтобы все отсюда вышли, — сказала она. — Это дело не терпит посторонних глаз.

— Понимаю, понимаю, — сказал король. — Секрет ремесла, верно?

— Что-то в этом роде, — сказала Матушка.

Король прогнал остальных гномов из тоннеля, оставив ведьм одних в свете фонарей. Еще несколько камушков свалилось с потолка.

— Хм-м, — сказала Матушка.

— Ну ты и замахнулась, конечно, — сказала Нянюшка Ягг.

— Все возможно, если правильно настроиться, — туманно ответила Матушка.

— Тогда лучше настройся на всю катушку, Эсме. Если бы Создатель хотел, чтобы ведьмовство двигало скалы, он бы не изобрел лопаты. Знать, когда нужна лопата, — в этом суть ведьмовства. А ты отложи тачку, Маграт. Ты ничего не смыслишь в машинах.

— Что ж, ладно, — сказала Маграт. — Почему бы нам не попробовать палочку?

Матушка Ветровоск фыркнула.

— Ха! Здесь? Слыханное ли дело: фея-крестная — и вдруг в шахте?

— Если б я оказалась под грудой камней в глубине горы, я бы *мечтала* о фее-крестной, — горячо возразила Маграт.

Нянюшка Ягг кивнула:

— Тут она права, Эсме. Нет такого правила, что где-то нельзя феекрестнить.

— Не доверяю я этой палочке, — сказала Ма-

тушка. — Выглядит какой-то… волшебной. Как у волшебников.

— Ой, да бросьте, — сказала Маграт. — Ею пользовались многие поколения фей-крестных.

Матушка воздела руки.

— Ладно, ладно, ладно, — процедила она. — Вперед! Выставляй себя полной дурой!

Маграт достала палочку из сумки. Этого момента она и боялась.

Палочка была из какой-то кости, возможно, слоновой; Маграт надеялась, что все же не слоновой. На ней когда-то были отметины, но пухлые пальцы многих поколений фей-крестных стерли их почти полностью. В палочку были вделаны многочисленные золотые и серебряные кольца. Инструкций никаких не было. Ни рун, ни знаков, хоть как-то пояснявших, что с ней надо делать.

— Думаю, ею положено взмахнуть, — сказала Нянюшка Ягг. — Вот прямо уверена, что это как-то так делается.

Матушка Ветровоск сложила руки.

— Это не настоящее ведьмовство, — сказала она.

Маграт сделала пробный взмах палочкой. Ничего не произошло.

— Может, сказать что-то надо? — добавила

Нянюшка.

Маграт явно начинала паниковать.

— А что феи-крестные *говорят*? — простонала она.

— Эм-м, — сказала Нянюшка, — без понятия.

— Ха! — сказала Матушка.

Нянюшка Ягг вздохнула:

— Дезидерата *хоть чему-нибудь* тебя научила?

— Ничему!

Нянюшка пожала плечами.

— Тогда делай что можешь, — сказала она.

Маграт уставилась на груду камней. Закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Попыталась погрузить свой разум в мирную картину космической гармонии. «Легко монахам заливать про космическую гармонию, — подумала она, — когда они уютно сидят у себя в снежных горах, где их беспокоят только йети. Им-то не приходилось искать внутренний покой под пристальным взором Матушки Ветровоск».

Она неуверенно взмахнула палочкой и попыталась выбросить из головы тыквы.

В воздухе она ощутила движение. Услышала нервный вздох Нянюшки.

Маграт спросила:

— Что-нибудь получилось?

После паузы Нянюшка Ягг ответила:

— Да уж. Можно и так сказать. Я только надеюсь, они там проголодались.

А Матушка Ветровоск сказала:

— Это точно работа феи-крестной?

Маграт открыла глаза.

Перед ней все еще была груда, но уже не камней.

— Я бы сказала, проблема решена *методом тыков*, — сказала Нянюшка.

Маграт распахнула глаза шире.

– *Опять* тыквы?

— Методом *многих тыков,* ну вы поняли, да? — сказала Нянюшка на случай, если до кого не дошла шутка.

Верхушка кучи зашевелилась. Несколько тыковок поменьше скатилось к ногам Маграт, а в дыре появилось лицо гнома.

Гном уставился на ведьм сверху вниз.

Наконец Нянюшка Ягг сказала:

— Вы там в порядке?

Гном кивнул. Он все еще не мог отвлечься от груды тыкв, заполнявшей тоннель от пола до потолка.

— Эм-м, да, — сказал он. — А батя здесь?

— Батя?

— Король.

— А-а, — Нянюшка Ягг сложила ладони рупором и повернулась к началу тоннеля: — Эй, король!

Гномы вернулись. Они тоже уставились на тыквы. Король вышел вперед и поднял глаза на своего сына.

— Все в порядке, сынок?

— В порядке, бать. Нет там никакого оползня.

Король облегченно вздохнул. Затем, как бы между делом, добавил:

— И ребята в порядке?

— Все отлично, бать.

— Я тут весь испереживался. Думал, вдруг мы обрушили слой конгломерата или что-то подобное.

— Нет, бать, просто сланец обвалился.

— Славно, — король снова оглядел кучу. Поскреб бороду. — Не могу не заметить, что вы раскопали залежи тыкв.

— Да, бать, я еще подумал: какой странный песчаник.

Король подошел к ведьмам.

— А вы что угодно во что угодно умеете превращать? — с надеждой спросил он.

Нянюшка Ягг покосилась на Маграт, которая все еще потрясенно глядела на палочку.

— Боюсь, у нас пока получаются только тыквы, — осторожно призналась она.

Король был немного разочарован.

— Что ж, ладно… — сказал он. — Если я могу для вас что-либо сделать, дамы… чашечку чаю, например…

Матушка Ветровоск шагнула вперед:

— Я как раз сама подумала о чем-то таком, — сказала она.

Король просиял.

— Только подороже, — сказала Матушка.

Король перестал сиять.

Нянюшка Ягг отошла к Маграт, которая все еще глазела на палочку в дрожащих руках.

— Хитрый ход, — шепнула она. — А с чего вдруг ты подумала о тыквах?

— Я и не думала!

— Ты что, не знаешь, как она работает?

— Не знаю! Я думала, надо как бы *пожелать*, чтобы что-то случилось!

— Видимо, нужно нечто большее, чем просто желание, — сказала Нянюшка как можно более сочувственно. — Обычно так и бывает.

Примерно на рассвете, насколько можно говорить о рассвете в подземельях, ведьм привели к реке в глубине гор, на которой было привязано

несколько барж. К каменному причалу подогнали лодочку.

— На этом вы проплывете горы, — сказал король. — По правде говоря, думаю, так можно и до самой Орлеи добраться. — Он взял у помощника огромную корзину. — А мы тут вам вкусных гостинцев собрали, — сказал он.

— Мы что, всю дорогу проплывем на лодке? — спросила Маграт. Она как бы невзначай повертела палочкой. — А то я с лодками как-то не очень.

— Слушай, — сказала Матушка, ступая на борт, — река знает путь через горы на равнину куда лучше нас с тобой. Мы всегда можем позже завести метлы, когда рельеф перестанет дурить.

— Еще и отдохнем немного, — добавила Нянюшка, откидываясь на сиденье.

Маграт оглядела двух старших ведьм, которые уютно устраивались на корме, как пара наседок, вьющих гнездышко.

— Вы грести-то умеете? — спросила она.

— А нам и не надо, — ответила Матушка.

Маграт хмуро кивнула. Затем упрямство на миг взъерошилось.

— Вот и я вообще-то не умею, — продолжила она.

— Ничего страшного, — сказала Нянюшка. — Если будешь грести неправильно, мы тебя поправим. Пока-пока, величество!

Маграт вздохнула и взялась за весла.

— Плоским концом в воду, — подсказала Матушка.

Гномы помахали вслед. Лодка дрейфовала вниз по реке, медленно выходя из круга, освещенного фонарями. Маграт поняла, что ей не придется ничего делать, кроме как направлять лодку нужным концом по течению.

Она услышала слова Нянюшки:

— Вот не пойму, на кой они вечно пишут незримые руны на дверях? В смысле, вот заплатил ты волшебнику, чтобы тот начертал тебе незримые руны, а как ты узнаешь, что он свое отработал?

И ответ Матушки:

— Это несложно. Если рун не видно, значит, у тебя правильные незримые руны.

И слова Нянюшки:

— А, ну да, конечно. Ладненько, давайте глянем, что у нас на завтрак.

Раздался хруст.

— Ну и ну.

— Что там, Гита?

— Тыква.

— А что из тыквы?

— Ничего из тыквы. Просто тыква из тыквы.

— Что ж, полагаю, тыквы им девать некуда, — сказала Маграт. — Знаете, как в конце лета в огороде обычно полно всего. Я вечно ума не приложу, что с ними делать, выдумываю всякие варенья и соленья, чтобы все это не пропало…

В тусклом свете она разглядела лицо Матушки, которая явно считала, что приложила Маграт ума или нет — разница невелика.

— Я, — заявила Матушка, — в жизни ничего не солила.

— Но они же тебе *нравятся*, — сказала Маграт. Ведьмы и соленья подходили друг другу как… от мысли «как персики к сметане» забурчал живот, так что она остановилась на «как две вещи, которые друг другу очень подходят». Вид последнего зуба Матушки Ягг, уничтожающего маринованный лук, мог заставить прослезиться.

— Нет, я их ем, конечно, — сказала Матушка. — Когда мне их *дарят*.

— Знаешь, — сказала Нянюшка, изучая внутренности корзины, — когда имеешь дело с гномами, так и хочется срифмовать с «говядиной» и еще про соленый огурец добавить.

— Вредные мелкие чертенята. Ты бы видела,

какие цены они заламывают мне за ремонт метлы, — сказала Матушка.

— Так вы все равно не платите, — сказала Маграт.

— Суть не в этом, — сказала Матушка Ветровоск. — Они не вправе требовать такие деньги. Это же натуральный грабеж!

— Не понимаю, какой это грабеж, если вы все равно не платите, — настаивала Маграт.

— Я ни за что не плачу, — сказала Матушка. — Люди *сами* не дают мне платить. Что мне делать, если меня все время задаривают, а? Идешь, бывало, по улице, а народ выбегает навстречу со свежеиспеченными пирогами, свежесваренным пивом, старой одеждой, почти не поношенной. «Ой, госпожа Ветровоск, умоляю, возьмите эту корзину яиц!» Люди всегда такие добрые. Если с ними обращаться по достоинству, то *и они* к тебе по достоинству. Это называется уважение. Возможность не платить, — строго закончила она, — это самая суть ведьмовства.

— Погоди-ка, а это что? — сказала Нянюшка, вытаскивая небольшой сверток. Развернув бумагу, она обнаружила несколько твердых бурых дисков.

— Забираю свои слова обратно, — сказала Ма-

тушка Ветровоск. — Это же знаменитый гномий хлеб, вот что это! Они его кому попало не дают.

Нянюшка постучала хлебом по борту лодки. Звук получился примерно такой, как если выставить конец деревянной линейки с края стола и дернуть: гулкое «*бвумвумвум*».

— Говорят, он не черствеет, даже если хранить его годами, — сказала Матушка.

— И он поддерживает силы много-много дней, — добавила Нянюшка Ягг.

Маграт протянула руку, взяла одну из лепешек, попыталась ее разломить и не справилась.

— И это нужно *есть*? — спросила она.

— Нет, не думаю, что это для еды, — сказала Нянюшка. — Это скорее…

— Для поддержания сил. — сказала Матушка. — Говорят, что…

Она осеклась.

Если раньше они слышали лишь шум реки да время от времени — звон капель, падающих с бортов, то теперь к ним приближался мерный «плюх-плюх» другого судна.

— Кто-то нас преследует! — прошипела Маграт.

На границе света фонаря возникли два бледных огонька. Вскоре оказалось, что это глаза неболь-

шой серой твари, отдаленно похожей на лягушку, которая гребла к ним верхом на бревне.

Бревно догнало лодку. Длинные липкие пальцы ухватились за борт, и жуткое лицо поднялось на уровень лица Нянюшки Ягг.

— Драсссти, — сказало оно. — А у меня день рошшшдения, да-ссс!

Три ведьмы какое-то время разглядывали его. Затем Матушка Ветровоск подняла весло и треснула тварь по голове. Раздался всплеск и сдавленные ругательства.

— Вот же гаденыш какой, — сказала Матушка, когда они отплыли. — Как по мне, он что-то замышлял.

— Ага, — сказала Нянюшка Ягг. — Склизких надо пуще всего беречься.

— Интересно, чего он хотел? — спросила Маграт.

Через полчаса лодку вынесло из пещеры в узкое ущелье между отвесных скал. На стенах поблескивал лед, а на редких уступах белел снег.

Нянюшка Ягг с невинным видом огляделась, зарылась в глубины своих бездонных юбок и извлекла бутылочку. Раздался глоток.

— Бьюсь об заклад, эхо тут знатное, — сказала она через некоторое время.

— О нет, только не это, — отрезала Матушка.

— Только не что?

— Только не пой Ту Самую Песню.

— Извини, что, Эсме?

— Я на тот случай, — сказала Матушка, — если ты вздумала петь Ту Самую Песню.

— И что это за песня? — невинно поинтересовалась Нянюшка.

— Ты знаешь, о какой песне идет речь, — холодно процедила Матушка. — Вечно ты напиваешься, и чуть отвернись — ты уже поешь ее.

— Не помню никакой такой песни, Эсме, — проворковала Нянюшка Ягг.

— Та самая, — сказала Матушка, — про грызуна, которого нельзя… которого невозможно заставить кое-что сделать.

— Ах, эта! — просияла Нянюшка. — Ты насчет «Только с ежиком выйдет про…»

— Да, про эту!

— Так это же *народная*, — сказала Нянюшка. — В заграницах народ все равно не поймет, о чем там поется.

— Они поймут по твоей манере исполнения, — возразила Матушка. — Ты так поешь, что твари на дне *пруда* понимают, о чем это.

Маграт поглядела за борт. Тут и там белели

гребни волн. Течение становилось все быстрее, и в нем несло куски льда.

— Это просто народная песня, Эсме, — сказала Нянюшка Ягг.

— Ха! — сказала Матушка Ветровоск. — *Вот именно,* что народная песня! Знаю я эти ваши народные песни. Ха! Бывает, слушаешь милую песенку про… про кукушек, скрипачей, соловьев и все такое прочее, а потом оказывается, что она про… про нечто совершенно иное, — хмуро добавила она. — Народным песням нельзя доверять. Они от тебя только этого и ждут.

Маграт оттолкнула лодку от скалы. Течение медленно пронесло их мимо.

— Я знаю песню про пару синичек, — сказала Нянюшка Ягг.

— Эм-м… — вмешалась Маграт.

— Ага, небось начинается с синичек, а потом оказывается, что это какая-нибудь метафера, — сказала Матушка.

— Эм-м, Матушка…

— Хватит с меня и того, что Маграт рассказала про майские шесты и что они там символизируют, — сказала Матушка и добавила с тоской: — А ведь мне нравилось разглядывать майские шесты весенним утром.

— Кажется, река становится немного бурной, — сказала Маграт.

— Не понимаю, почему люди не могут просто оставить все как есть, — сказала Матушка.

— В смысле очень бурной, правда… — сказала Маграт, обходя острую скалу.

— А знаешь, она права, — сказала Нянюшка Ягг. — Стало немного укачивать.

Матушка глянула через плечо Маграт, куда течет река. Выглядела она какой-то обрезанной — такой вид обычно навевает ассоциации, например, с отвесным водопадом. Лодка теперь неслась быстро. Спереди доносился глухой рокот.

— Про водопад нам ничего не говорили, — сказала она.

— Небось решили, что мы его и так не пропустим, — сказала Нянюшка Ягг, собирая свои пожитки и вытаскивая Грибо со дна лодки за шкирку. — Гномы вообще скупы на сведения. Хорошо еще, что ведьмы летать умеют. Да не страшно, у нас же есть метлы.

— У *вас* есть метлы, — сказала Матушка Ветровоск. — А мне как мою завести на лодке? Где мне тут бегать и прыгать, а? И перестань так суетиться, ты сейчас лодку перевер…

— Убери ноги с дороги, Эсме…

Лодка опасно накренилась.

Маграт решила, что ее час настал. Когда волна окатила лодку, она выхватила палочку.

— Не волнуйтесь, — сказала она. — Я воспользуюсь палочкой. Думаю, я уже ею овладела…

— Нет! — взвыли Матушка Ветровоск и Нянюшка Ягг в унисон.

Раздался гулкий влажный звук. Лодка изменила форму. А также цвет. Он стал веселеньким оранжевым.

— Тыквы! — крикнула Нянюшка Ягг, плавно погружаясь в воду. — Опять чертовы тыквы!

Лилит откинулась в кресле. Лед по берегам реки работал не так хорошо, как зеркало, но ей этого хватало.

Что ж… Девчонка-переросток, бледная моль, которой впору не быть феей-крестной, а просить крестную о помощи, и с ней пожилая поломойка, которая напивается и любит попеть. И палочка, которой дура-девчонка не умеет пользоваться.

Это раздражало. Более того, это унижало ее. Наверняка Дезидерата и госпожа Гоголь могли бы добиться куда большего. Твое величие зависит от могущества твоих врагов.

Конечно, там еще была *она*. После стольких лет…

Конечно, она согласилась. Потому что их всегда должно быть трое. Это важное число в сказках. Три желания, три царевича, три бодливых козлика, три загадки… три ведьмы. Дева, мать и… эта, третья. *Вот* о чем одна из древнейших историй.

Эсме Ветровоск никогда не понимала сказки. И не понимала, насколько *реальны* отражения. Иначе она уже, наверное, правила бы миром.

— Вечно ты глядишь в зеркала! — проворчал голос. — Как меня бесит, что ты вечно глядишь в зеркала!

Дож, чьи стройные ноги были затянуты в черные шелка, устроился в кресле в углу. Лилит обычно не пускала никого в свое зеркальное гнездо, но формально это был его замок. К тому же он был слишком тщеславен и глуп, чтобы понять, что происходит. Она в этом убедилась. По крайней мере, ей так казалось. В последнее время он, кажется, начал что-то понимать…

— Не понимаю, зачем тебе это, — ныл он. — Я думал, магия — это просто указываешь на что-то, и вжух.

Лилит надела шляпу и поглядела в зеркало, поправляя ее.

— Это более безопасный способ, — сказала она. — Самодостаточный. Используя магию зер-

кал, не нужно полагаться ни на кого, кроме себя. Потому-то никто не смог завоевать мир с помощью магии… пока. Они пытались черпать ее из… других мест. А у этого есть цена. В зеркалах же ты не должен никому, кроме собственной души.

Она приспустила вуаль с полей шляпы. Вдали от защитных зеркал она предпочитала скрываться за вуалью.

— Не выношу зеркала, — пробормотал дож.

— Потому что они говорят тебе правду, милый.

— Это жестокая магия.

Лилит поправила вуаль, придав ей форму.

— О да. Зеркала дарят тебе всю власть. Больше ее взять неоткуда, — сказала она.

— А болотница черпает ее в болоте, — сказал дож.

— Ха! И оно однажды заберет ее. Она не ведает, что творит.

— А ты ведаешь?

Вопрос ее уязвил. Он начинал ее раздражать! Она ведь и правда тут хорошо поработала.

— Я понимаю сказки, — сказала она. — Вот и все, что мне нужно.

— Но ты не привела мне девушку, — сказал дож. — Ты обещала мне девушку. А потом все кончится, я смогу спать в обычной постели, и не

будет больше никаких чар и отражений…

Но даже хорошая работа порой заходит слишком далеко.

— Так с тебя уже хватит магии? — нежно спросила Лилит. — Хочешь, чтобы я прекратила? Это для меня проще простого. Я подобрала тебя в канаве. Хочешь, отправлю тебя обратно?

На его лице застыла паника.

— Я не про это совсем! Я просто хотел сказать… ну, потом все станет настоящим. Ты сказала, только один поцелуй. Не понимаю, почему это так трудно устроить.

— Правильному поцелую — правильное время, — сказала Лилит. — Должно прийти нужное время, иначе не сработает. — Она улыбнулась.

Он дрожал, отчасти от вожделения, в основном от ужаса, а отчасти от дурной наследственности.

— Не волнуйся, — сказала она. — Этого не может *не* случиться.

— А эти ведьмы, которых ты мне показала?

— Они просто… часть сюжета. Пусть они тебя не волнуют. Сказка поглотит их. А ты получишь *ее* благодаря истории. Разве не славно? А теперь… не пора ли нам? Мне кажется, тебе надо немного поцарствовать.

Он понял намек. Это был приказ. Он встал, взял

ее за руку, и вместе они спустились в зал для аудиенций.

Лилит гордилась дожем. Конечно, оставалась еще маленькая ночная неприятность, поскольку его морфическое поле слабело, пока он спал, но это мелочи. Была еще проблема с зеркалами, в которых он отражался таким, как на самом деле, но с этим нетрудно справиться, запретив все зеркала, кроме ее собственных. И наконец, его глаза. С глазами она ничего не смогла поделать. В принципе, нет такой магии, которая может что-то поделать с глазами. Максимум, что она смогла придумать, это темные очки.

Но все равно это был триумф. Он был так благодарен. Она была добра к нему.

В конце концов, она сделала его человеком.

Ниже по течению реки от водопада — второго по высоте в Плоском мире, открытого в Год Вертящегося Краба знаменитым путешественником Ги де Йойо[12] — Матушка Ветровоск сидела у костерка, накинув полотенце на плечи, и сохла, испуская клубы пара.

— Нет худа без добра, — сказала Нянюшка

---

[12] Примечания: 12

Конечно, десятки гномов, троллей, туземцев, охотников и просто заблудившихся бедолаг ежедневно открывали его тысячелетиями. Но они не были путешественниками, так что не считается.

Ягг. — По крайней мере, я держала наши с тобой метлы. А у Маграт была своя метла. Иначе мы бы посмотрели на водопад снизу.

— Замечательно. Прямо свет в конце тоннеля, — глаза Матушки зловеще блеснули.

— Просто небольшое приключение, — сказала Нянюшка, бодро улыбаясь. — Однажды мы вспомним о нем и посмеемся.

— Замечательно, — сказала Матушка.

Нянюшка промокнула царапины от когтей на своей руке. Грибо, подчиняясь истинно кошачьему инстинкту самосохранения, взобрался по своей хозяйке и совершил великолепный спасительный прыжок с ее макушки. Теперь он свернулся у огня, и ему снилось что-то кошачье.

На них упала тень. Это пришла Маграт, которая обшаривала берега.

— Кажется, я собрала почти все, — сказала она, присаживаясь. — Вот метла Матушки. А вот… ну да… палочка. Она через силу улыбнулась. — Вокруг по воде плавали маленькие тыквочки, так я ее и нашла.

— Я считаю, нам повезло, — подбодрила ее Нянюшка Ягг. — Слышишь, Эсме? Нам точно не грозит остаться без еды.

— И я нашла корзину с гномьим хлебом, — до-

бавила Маграт. — Правда, я боюсь, он размок.

— Не может такого быть, я гарантирую, — сказала Нянюшка Ягг. — Нельзя размочить гномий хлеб. Ну что же… — добавила она, сев на место. — Миленький у нас пикничок, не правда ли… и костерочек, и есть, где присесть, и… Ручаюсь, в каком-нибудь Очудноземье бедняки все бы отдали, чтобы быть на нашем месте…

— Если не перестанешь излучать позитив, Гита Ягг, я не удержусь и заеду тебе по уху, — сказала Матушка Ветровоск.

— Ты уверена, что тебя не продуло? — спросила Нянюшка Ягг.

— Я обсыхаю, — сказала Матушка Ветровоск. — На внутреннем огне.

— Слушайте, мне правда жаль, — сказала Маграт. — Я же *сказала*, я извиняюсь.

Не то чтобы ей было за что извиняться, подумала она. Плыть на лодке не она предложила. Водопад тоже не она туда поставила. Она даже не могла заметить его появление. Да, она превратила лодку в тыкву, но не нарочно. Это с любым могло случиться.

— Еще мне удалось спасти записки Дезидераты, — сказала она.

— А, ну это очень кстати, — сказала Нянюшка

Ягг. — Теперь узнаем, где именно мы заблудились.

Она огляделась. Самые страшные горы остались позади, но вокруг еще высились пики, а до вечных снегов тянулись горные луга. Откуда-то издали доносился звон козьих колокольчиков.

Маграт развернула карту, которая стала сморщенной и сырой, а краска потекла. Неуверенно ткнула в размытую область.

— Думаю, мы здесь, — сказала она.

— Это точно, — сказала Нянюшка Ягг, чьи познания в картографии были еще скромнее, чем у Матушки. — Поразительно, как мы все поместились на клочке бумаги.

— Думаю, сейчас разумнее всего следовать вдоль реки, — сказала Маграт. — Но ни в коем случае не по ней самой, — быстро добавила она.

– *Мою* сумку, я так понимаю, ты не нашла? — спросила Матушка Ветровоск. — У меня там были перциональные принадлежности.

— Наверное, утонула как камень, — сказала Нянюшка Ягг.

Матушка Ветровоск поднялась, как генерал, которому только что донесли, что его армия заняла в битве второе место.

— Пошли, — сказала она. — Итак, что у нас

дальше?

Дальше у них был лес — темный и агрессивно-хвойный. Ведьмы летели над ним молча. Изредка среди деревьев выступали отдельные избушки. То тут, то там над пасмурной чащей возвышался утес, окутанный туманом даже в полдень. Разок-другой они пролетали мимо замков, если можно их так назвать: они выглядели так, будто их не построили, а изрыгнули из самой земли.

Подобной местности подходят определенного рода истории, в которых обычно есть волки, чеснок и испуганные женщины. Темные и алчные истории, хлопающие кожистыми крыльями под луной…

— Дер пердимонокль, — пробормотала Нянюшка.

— А что это? — спросила Маграт.

— Летучая мышь по-заграничному.

— Мне всегда нравились летучие мыши, — сказала Маграт. — Как таковые.

Ведьмы, не сговариваясь, решили лететь поближе друг к другу.

— Я проголодалась, — сказала Матушка Ветровоск. — И не желаю слышать ни слова про тыквы.

— У нас есть гномий хлеб, — сказала Нянюшка.

— И про гномий хлеб, — сказала Матушка. — Я предпочитаю что-нибудь испеченное в *этом* году, и ты, полагаю, тоже.

Они пролетели мимо очередного замка, занимавшего целиком вершину утеса.

— Нам бы не помешал милый городок или что-то такое, — сказала Маграт.

— Но сойдет и тот, что под нами, — сказала Матушка.

Они осмотрели его сверху. Это был не столько городок, сколько груда домиков, приютившихся среди деревьев. Выглядел он уныло, словно пустой очаг, но тени гор уже протянулись по лесу, и что-то в округе внушало мысль, что ночью тут лучше не летать.

— Что-то людей почти не видно, — сказала Матушка.

— Может, в этих краях принято рано ложиться, — сказала Нянюшка Ягг.

— Да солнце едва зашло, — сказала Маграт. — Может, нам надо было лететь в тот замок?

Все три оглянулись на замок.

— Не-е-ет, — протянула Матушка, говоря за всех. — Мы знаем, куда надо.

Так что вместо замка они приземлились на, предположительно, центральной площади го-

родка. Где-то за домами залаяла собака. Хлопнула, закрываясь, ставня.

– *Очень* гостеприимно, — сказала Матушка. Она подошла к зданию повыше и с вывеской над дверью, потемневшей до нечитаемости. Пару раз грохнула в дверь.

— Открывайте! — сказала она.

— Нет-нет, так не говорят, — сказала Маграт. Она протиснулась мимо Матушки и постучала. — Извините! К вам добрые пилигримы!

— Какие это гримы мы пили? — спросила Нянюшка.

— Так надо говорить, — сказала Маграт. — Все таверны обязаны принимать пилигримов и снабжать провизией.

— Точно? — заинтересовалась Нянюшка. — Стоит это запомнить.

Дверь не открывалась.

— Дай-кось я попробую, — сказала Нянюшка. — Знаю я немножко заграничных словечек.

Она ударила в дверь.

— Отворяйтер давайт, чунга-чанга, ом-ном-ном, бистро, чтоб вас там! — сказала она.

Матушка Ветровоск внимательно выслушала.

— Это по-заграничному, да?

— Мой внучок Шейн — моряк, — сказала Ня-

нюшка Ягг. — Ты просто не представляешь, каких слов он набрался в этих заграницах.

— Почему же, представляю, — сказала Матушка. — И надеюсь, они ему помогли больше, чем нам.

Она снова постучала в дверь. И на сей раз та открылась — очень медленно. Из нее высунулось бледное лицо.

— Извините… — начала было Маграт.

Матушка пихнула дверь. Оказалось, что обладатель лица к ней прислонялся; его ботинки скрипнули по полу, когда он мягко повалился навзничь.

— Мир вашему дому, — как бы невзначай обронила Матушка. Для ведьмы это всегда отличное приветствие. Оно заставляет людей задуматься, *чего еще* она могла бы принести этому дому. Люди сразу вспоминают про свежеиспеченные пироги и хлеб, и про груды старой, но еще целой одежды, про которую они могли случайно позабыть.

Но дом выглядел так, будто альтернативы миру в нем уже побывали.

В каком-то смысле это *была* таверна. Правда, три ведьмы в жизни еще не видели такого унылого заведения. Зато тут было людно. Более десятка бледных людей хмуро взирали на них со

скамеек у стен.

Нянюшка Ягг принюхалась.

— Ого! — сказала она. — Тут уйма чеснока! — И действительно, связки чеснока висели на каждой балке. — А я всегда говорила, чеснока много не бывает. Чувствую, мне тут понравится.

Она кивнула белому как мел мужику за стойкой.

— Гутен день, майне добрый хозяин! Драй пиво нам пор фавор, живу при.

— При чем ты там живешь? — вмешалась Матушка.

— Так по-ихнему «будьте любезны».

— Ни за что не поверю, — сказала Матушка. — Ты просто выдумываешь все это на ходу.

Трактирщик, исходя из простой логики, что любой, кто к нему заходит, хочет выпить, налил три пива.

— Видали? — торжествовала Нянюшка.

— Не нравится мне, как все на нас пялятся, — сказала Маграт, пока Нянюшка бормотала с недоумевающим трактирщиком на своем неповторимом эсперанто. — А вон тот парень на меня даже *ухмыляется*.

Матушка Ветровоск устроилась на скамье так, чтобы как можно меньшая часть ее тела

соприкасалась с сиденьем, на тот случай, если заграничностью можно заразиться.

— Я ж говорила, — сказала Нянюшка, притащив поднос, — ничего сложного. Просто ори на него, пока не поймет.

— Выглядит ужасно, — сказала Матушка.

— Чесночные колбаски с чесночным хлебом, — сказала Нянюшка. — Все как я люблю.

— Надо было заказать свежих овощей, — сказала известный диетолог Маграт.

— Я и заказала. Тут есть чеснок, — Нянюшка щедро отрезала кусок колбасы, от запаха которой накатывали слезы. — И кажется, я видела у них маринованный лук на полке.

— Правда? Тогда на ночлег нам понадобится минимум две комнаты, — проворчала Матушка.

— Три, — спешно добавила Маграт.

Она рискнула снова оглядеть зал. Молчаливые крестьяне пристально глазели на них, и в их глазах читалось нечто вроде печальной надежды. Конечно, любой, кто проводит много времени в компании Матушки Ветровоск и Нянюшки Ягг, должен привыкнуть, что на него глазеют: подобные им люди заполняют любое пространство от края до края. В этой лесной глуши наверняка нечасто бывают иностранцы. А один только вид

Нянюшки Ягг, с аппетитом пожирающей колбасу, в любых краях считался бы шоу номер один, покруче ее фокуса с маринованным луком.

И все же… они так глазели…

Снаружи в чаще леса завыл волк.

Собравшиеся крестьяне поежились так синхронно, будто давно тренировались. Хозяин что-то им пробормотал. Они неохотно поднялись и вышли за дверь, стараясь держаться вместе. Старушка на миг положила руку на плечо Маграт, грустно покачала головой, вздохнула и уковыляла прочь. Но как раз к такому Маграт привыкла. Люди часто ее жалели, когда видели в компании Матушки.

Наконец к ним подошел сам хозяин с зажженным факелом и жестом позвал за собой.

— Как вам удалось объяснить ему про ночлег? — спросила Маграт.

— Я просто сказала: «Эй, сударь, шпилли-вилли престо, как обычно, номер три», — ответила Нянюшка Ягг.

Матушка Ветровоск шепотом повторила это и кивнула.

— Твой внучок Шейн, похоже, и правда немало повидал, — заметила она.

— Говорил, после этого постель обеспечена, —

сказала Нянюшка Ягг.

Оказалось, тут имелось всего две комнаты, к которым вела длинная и скрипучая винтовая лестница. Одну Маграт получила себе. Даже трактирщик, похоже, на этом настаивал. Он был очень любезен.

Правда, она бы предпочла, чтобы он не запирал ставни. Маграт любила спать с открытым окном. А так в комнате стало темно и тесно.

«Ладно, — подумала она. — В конце концов, *это я* тут фея-крестная. Остальные меня просто сопровождают».

Она тоскливо осмотрела себя в крохотное потрескавшееся зеркальце, а затем легла и прислушалась к тому, что творилось за тонкой, как бумага, стенкой.

— Зачем отворачивать зеркало к стене, Эсме?

— Не люблю я зеркала, вечно они на меня пялятся.

— Только когда ты пялишься на них, Эсме.

После паузы раздалось:

— Так, а эта круглая штука для чего?

— Полагаю, это должна быть подушка, Эсме.

— Ха! *Лично я* такое не считаю подушками. Даже нормальных одеял нет. Как, говоришь, оно тут зовется?

— Полагаю, это называется дювэ, Эсме.

— Там, откуда *я* родом, это называется пуховым одеялом. Ха!

Снова перерыв. Затем:

— Ты зуб почистила?

И опять пауза. Затем:

— Ого, ноги у тебя ледяные, жуть, Эсме.

— А вот и нет. Удобненько и уютно.

И снова тишина. Затем:

— Башмаки! Это же башмаки! Ты же их не сняла!

— Совершенно верно, Гита Ягг, я в башмаках.

— И одежда? Ты даже не разделась!

— Нельзя быть такой беспечной в этих заграницах. Тут к тебе так и норовит залезть всякая дрянь.

Маграт устроилась поудобнее под — как его там? — дювэ и перевернулась на другой бок. Матушке Ветровоск, похоже, требовалось не больше часа сна, а вот Нянюшка Ягг могла бы захрапеть, даже сидя на заборе.

— Гита? *Гита!* ГИТА!

— Што-а?

— Ты не спишь?

— С-спала…

— Я слышу какой-то шум!

— Я тож…

Маграт еще поворочалась.

— Гита? Гита!

— Чо еще?..

— Я точно слышала, как кто-то бился в наши ставни!

— Не в нашем возрасте… а терь давай спааа…

Воздух в комнате с каждой минутой становился все более жарким и затхлым. Маграт встала с постели, отперла ставни и торжественно распахнула их.

Раздался рык, а затем далекий удар чего-то о землю.

В комнату полился свет полной луны. От этого ей стало намного легче, и она вернулась в постель.

Но не прошло и нескольких минут, как голоса из соседней комнаты ее разбудили.

— Гита Ягг, что ты *твориш*ь?

— Ночной перекус.

— Чего ты не спишь?

— Да что-то не спится, Эсме, — сказала Нянюшка Ягг. — Понять не могу, в чем дело.

— Так, ты что, чесночную колбасу там ешь? Я сплю в одной постели с человеком, который ест чесночную колбасу!

— Эй, это мое! Отдай…

Маграт услышала во мгле ночи стук башмаков и звук открываемых ставней в соседней комнате.

Затем ей послышался сдавленый «уфф» и еще один приглушенный звук падения.

— Мне казалось, тебе *нравился* чеснок, Эсме, — обиженно протянула Нянюшка Ягг.

— Колбаса хороша на своем месте, а место это — не в постели. И все, хватит болтать. Подвинься-ка. Опять перетянула на себя все дювэ.

Вскоре бархатную тишину нарушил глубокий и раскатистый храп Матушки. Затем к нему присоединилось более нежное похрапывание Нянюшки, которая куда чаще, чем Матушка, спала не одна и научилась сдерживать свой носовой оркестр. Храпом Матушки можно было колоть дрова.

Маграт натянула ужасную жесткую круглую подушку себе на уши и зарылась в постель.

Где-то внизу огромная летучая мышь пыталась снова взлететь с холодной земли. Ее уже дважды сбивали — сначала внезапным открытием ставней, а потом прямым попаданием баллистической чесночной колбасы — так что ей сейчас было весьма нехорошо. Еще одна такая неприят-

ность, подумалось ей, и лечу обратно в замок. Все равно уже скоро рассвет.

Красные глаза блеснули, заглянув в открытое окно Маграт. Мышь изготовилась…

Ей на спину легла лапа.

Мышь обернулась.

Ночка для Грибо не задалась. Он обыскал весь дом в поисках кисок и не нашел ни одной. Он поискал грызунов — и остался с носом. В этом городе люди не выбрасывали мусор. Они его съедали.

Он пробежался по лесу, встретил пару волков, сел и скалился на них, пока они не засмущались и не сбежали.

Да, ночь выдавалась скучнейшая. До этого момента.

Летучая мышь запищала в его когтях. Маленькому мозгу Грибо показалось, что добыча попыталась во что-то превратиться, но он не терпел таких фокусов от каких-то хомяков с крыльями.

Особенно теперь, когда ему нашлось, с кем поиграть.

Орлея — город сказочный. Люди тут улыбались и радовались круглый год с утра до ночи. По крайней мере, если собирались дожить до *следующего* утра.

Лилит за этим следила. Конечно, люди наверняка считали, что бывали счастливы и до того, как она заменила старого барона на дожа, но то было случайное, неорганизованное счастье. Потому-то ей оказалось так легко захватить власть.

Но счастье не было образом жизни. В нем не было порядка.

Когда-нибудь они скажут ей спасибо.

Конечно, бывали и отдельные упрямцы. Иногда люди просто не понимали, как должны себя вести. Делаешь для них все возможное, правишь их городом справедливо, следишь, чтобы их жизни были наполнены смыслом и счастьем ежедневно и ежечасно, а они ни с того ни с сего бунтуют против тебя.

Вдоль стен в приемном зале стояли стражники. А еще тут были *зрители*. Конечно, технически именно правителю полагалось *присматривать* за народом, но Лилит любила, когда народ смотрит. Ложка наглядного примера стоит целой бочки наказаний.

В Орлее теперь совершалось мало преступлений. По крайней мере, того, что считалось бы преступлениями в других краях. С мелочами типа воровства тут справлялись легко, это не требовало целого судебного процесса. Куда более

серьезными Лилит считала преступления против сюжетных ожиданий. Некоторые люди просто не понимали, как полагается себя вести.

Лилит держала зеркало у лица Жизни и откалывала все частицы, которые ей не подходили…

Дож развалился на троне, как куль, закинув одну ногу на подлокотник. Он так и не научился обращаться с креслами.

— А что этот натворил? — сказал он и зевнул. По крайней мере, открывать рот пошире он был *мастер*.

Между двух стражников скорчился щуплый старичок.

Всегда найдутся желающие служить в страже, даже в таких местах, как Орлея. Помимо прочего, за это дают шикарную форму с синими штанами, красным камзолом и высокой черной шапкой с кокардой.

— Но я… я *не умею* свистеть, — проблеял старик. — Я… я не знал, что это обязательно…

— Но ты же игрушечных дел мастер, — сказал дож. — А игрушечники насвистывают и напевают целыми днями. — Он покосился на Лилит. Та кивнула.

— Я не знаю ни одной… пе-песни, — сказал игрушечник. — Ме-меня не учили пе-песням.

Только делать игрушки. Я *обучался* игрушечному делу. Семь лет был подмастерьем, пока не заслужил собственный молоточек…

— Тут написано, — заявил дож, убедительно изображая, будто читает лежащий перед ним свиток, — что ты не рассказываешь детям сказки.

— Но мне никто не говорил, что надо рассказывать… с-сказки, — сказал игрушечник. — Слушайте, я делаю игрушки. Игрушки! Только это я и умею. Игрушки. Делаю хорошие иг-грушки. Я простой иг-грушечник.

— Нельзя быть хорошим игрушечником, если не рассказываешь детям сказки, — сказала Лилит, подавшись вперед.

Игрушечных дел мастер поглядел ей в лицо сквозь вуаль.

— Но я их не знаю, — сказал он.

– *Ни одной* не знаешь?

— Я м-могу рассказать им, как делать игрушки, — пролепетал старик.

Лилит откинулась. Вуаль скрывала выражение ее лица.

— Думаю, будет разумно, если Народная Стража уведет тебя, — сказала она, — в такое место, где ты точно научишься петь. А может, через некоторое время, и насвистывать. Разве не замечательно?

Темницы старого барона были ужасны. Лилит велела их перекрасить и получше обставить. И побольше зеркал.

Когда аудиенция окончилась, одна зрительница из толпы прошмыгнула в дворцовую кухню. Стражники у боковых ворот не пытались ее остановить. На маленьком компасе их жизней она считалась очень важным человеком.

— Здравствуйте, тетушка Приятка.

Она остановилась, сунула руку в корзину и достала пару жареных куриных ножек.

— Я тут попробовала новый ореховый кляр, — сказала она. — Хочу знать ваше мнение, ребятки.

Они с радостью приняли гостинец. Тетушка Приятка всем нравилась. Она умела делать с курятиной такое, что куры, казалось, сами были рады зарезаться.

— А теперь мне нужно забрать кое-какие приправы, — сказала она.

Они проводили ее глазами — словно пухлая упорная стрела, она припустила в сторону рынка, раскинувшегося прямо на берегу реки. Затем съели куриные ножки.

Тетушка Приятка суетилась между прилавками, и суетилась со всем возможным тщанием. Даже в Орлее всегда найдутся длинные языки.

Особенно в Орлее. Раз она кухарка, значит, должна суетиться. Она старалась оставаться пухлой и, к счастью, была от природы веселой. Следила, чтобы руки у нее всегда были в муке. Если ей казалось, что на нее пало подозрение, она восклицала что-нибудь вроде «Охо-хонюшки!» Пока ей удавалось этим отделываться.

Она поискала вывеску. А вот и она. Под навесом прилавка, загруженного клетками с курами, утками, гусями и прочей дичью, висел знак с черным петухом. Шаманка вуду вела прием.

И стоило кухарке найти глазами петушка, тот повернул голову и посмотрел на нее в ответ.

В стороне от остальных прилавков стоял небольшой шатер, ничем не отличавшийся от прочих на рынке. Перед ним на жарких углях кипел котел. Рядом стояли плошки и половник, а неподалеку — тарелка с монетами. Монет было немало; люди платили за стряпню госпожи Гоголь столько, сколько считали нужным, но тарелка все равно была переполнена.

В котле кипело густое варево противного бурого цвета. Тетушка Приятка налила себе плошку и стала ждать. У госпожи Гоголь был особый дар.

Через некоторое время из шатра раздался голос:

— Что новенького, тетушка Приятка?

— Она схватила игрушечника, — сказала кухарка в пустоту. — А вчера — старого трактирщика Деверо за то, что он недостаточно толстый и морда у него недостаточно красная. Это уже четвертый за месяц.

— Заходите, тетушка.

В шатре было жарко и темно. Тут горел еще один очаг, а на нем — другой котел. Над ним склонилась госпожа Гоголь, помешивая в нем. Она указала поварихе на пару кузнечных мехов.

— Раздуйте-ка угли немного, и поглядим, что да как, — сказала она.

Тетушка Приятка послушалась. Сама она магией не пользовалась, не считая той, что заставляет сметану свернуться, а хлеб запечься, но чужие чары уважала. Особенно чары госпожи Гоголь.

Угли вспыхнули белым. Густая жижа в котле вспенилась. Госпожа Гоголь вгляделась в ее поверхность.

— Что вы делаете, госпожа Гоголь? — нетерпеливо спросила повариха.

— Пытаюсь увидеть то, что грядет, — сказала гадалка. Ее голос понизился до раскатистого рыка, как бывает у медиумов.

Тетушка Приятка, прищурившись, вгляделась

в кипящее варево.

— Похоже, у кого-то на обед креветки? — попыталась она подсказать.

— Зрите ли сию частицу окры? — спросила госпожа Гоголь. — Зрите ли, как крабовы лапы всплывают вот здесь?

— Да уж, на крабов вы не поскупились, — сказала тетушка Приятка.

— Видите ли, как пузыри густы у листьев оки? Видите ли, как все вращается вокруг лиловой луковицы?

— Вижу! Вижу! — сказала тетушка Приятка.

— А знаете ли, что это значит?

— Значит, на вкус будет *объеденье*!

— Верно, — мягко сказала госпожа Гоголь. — А еще, что кое-кто идет сюда.

— Ого! Много народу?

Госпожа Гоголь окунула ложку в бурлящее варево и попробовала его на вкус.

— Трое, — сказала она. Затем задумчиво пожевала губами: — Женщины.

Она снова окунула ложку.

— Вот, попробуйте, — сказала она. — Будет еще кот. О нем гласит нотка сассафраса, — она почмокала губами. — Серый. Одноглазый, — языком она поковыряла дупло в зубе. — Глаз у него… левый.

У тетушки Приятки отвисла челюсть.

— Они разыщут сперва вас, а потом меня, — сказала госпожа Гоголь. — Вы приведете их сюда.

Тетушка Приятка поглядела на мрачную ухмылку госпожи Гоголь, а затем снова на варево в котле.

— И они приедут в такую даль ради стряпни? — спросила она.

— Конечно, — госпожа Гоголь присела. — Вы заходите к девушке в белом доме?

Тетушка Приятка кивнула.

— К юной Саженьке? — сказала она. — Да. Когда есть возможность. Когда Сестры уходят во дворец. Они ее совсем зашугали, госпожа Гоголь.

Она снова поглядела в котел, затем снова на госпожу Гоголь.

— А вы правда видите?..

— Кажется, вы собирались кое-что замариновать? — спросила госпожа Гоголь.

— Да. Да, — тетушка Приятка неохотно попятилась. Затем взяла себя в руки. Ее нелегко было поколебать, если только она сама того не хотела.

— Эта тетка, Лилит, говорит, что может увидеть весь мир в зеркалах, — сказала она слегка неодобрительно.

Госпожа Гоголь покачала головой.

— В зеркале любой увидит лишь себя, — сказала она. — А в хорошем супе гамбо можно найти *что угодно*.

Тетушка Приятка кивнула. Общеизвестный факт. С этим не поспоришь.

Госпожа Гоголь печально покачала головой, когда кухарка ушла. Гадалка прибегала ко всякого рода приемам, чтобы казаться знающей, но ей все-таки было немного неловко обманывать честную женщину, заставляя ее думать, что можно увидеть будущее в котле с супом гамбо. Ведь единственное, что можно увидеть в гамбо госпожи Гоголь, — это что в будущем ее ждет сытный обед.

На самом деле она все это увидела в рагу джамбалая, которое приготовила ранее.

Маграт лежала с палочкой под подушкой. Ее бросало то в сон, то в явь.

Ну конечно, она лучше всего подходила для палочки. В этом не могло быть сомнений. Порой — хоть она и редко дерзала давать этой мысли ход, особенно находясь под одной крышей с Матушкой Ветровоск, — она сомневалась, занимаются ли ведьмовством ее спутницы. Большую часть времени им, похоже, было *наплевать*.

Взять, к примеру, знахарство. Маграт не сомне-

валась, что разбирается в травах куда лучше, чем они. Она унаследовала несколько толстых книг по этой теме от Душеньки Вемпер, ее предшественницы по хижине, и сама составила несколько подробных перечней. Она могла столько интересного рассказать о применении Дьяволовой Чесотки, что слушатель не удержался бы и сбежал — видимо, чтобы пересказать другим. Она умела проводить перегонку и двойную перегонку и делать всякие штуки, для которых нужно было всю ночь следить за цветом пламени под колбой. Она над этим *работала*.

А тем временем Нянюшка просто клала на все горячие припарки и советовала пациенту выпить большую кружечку его любимого напитка. Дескать, если все равно будешь болеть, то почему бы не получать от этого удовольствие. (Маграт запрещала пациентам алкоголь, поскольку он дурно влиял на печень; если же они не знали, что он делает с печенью, она подробно объясняла им.)

А Матушка… она просто давала людям бутылочку подкрашенной воды и говорила, что им становится лучше.

И что самое возмутительное, им и правда становилось лучше.

Но какое же это ведьмовство?

Что ж, теперь у нее есть палочка, и дела пойдут по-другому. С палочкой можно больше помогать людям. Магия нужна, чтобы облегчать жизнь. Маграт верила в это в глубине трепетного розового будуара своего сердца.

Она снова погрузилась в объятья сна.

А сон был весьма необычным. Она никогда не рассказывала никому о нем, потому что, знаете, о таких вещах не говорят.

Но ей показалось, что среди ночи она проснулась от тишины и встала, чтобы подышать свежим воздухом. И, проходя мимо зеркала, заметила в нем движение.

Там было не ее лицо. Оно, скорее, походило на лицо Матушки Ветровоск. Лицо ей улыбнулось — гораздо любезнее и дружелюбнее, чем когда-либо улыбалась Матушка, как отметила Маграт, — а затем исчезло, и серебристая поверхность сомкнулась за ним.

Она метнулась обратно в постель и проснулась от рева звукового оркестра, игравшего триумфальный марш. Люди кричали и смеялись.

Маграт поспешно оделась, вышла в коридор и постучалась к старшим ведьмам. Ответа не было. Она дернула ручку.

Подергав ее несколько раз, она услышала гро-

хот — это рухнул стул, подсунутый под ручку с той стороны и призванный остановить разбойников, воров и прочих незваных ночных гостей.

Башмаки Матушки Ветровоск торчали из-под одеял с одного края постели. Босые ноги Нянюшки Ягг высовывались из-под них — Нянюшка много ворочалась во сне. От глухого похрапывания дрожала крышка на умывальнике; то был уже не рев во всю мощь ноздрей для легкой получасовой дремоты, а размеренный рокот, рассчитанный на целую ночь.

Маграт постучала по подошве Матушки.

— Эй, просыпайтесь! Что-то происходит.

Пробуждение Матушки Ветровоск было зрелищем впечатляющим, которое мало кто видел.

Большинство людей, просыпаясь, в панике проводят быструю проверку перед приходом в сознание: кто я, где я, кто он/она, господи, почему я обнимаю каску полицейского, *что мы делали прошлой ночью?*

Все потому, что людей терзают Сомнения. Это двигатель, который тянет их по жизни, как пружина — модельку самолета, и они подолгу заводят эту пружину, пока она не запутается. Сильнее всего сомнения ранним утром — в тот краткий миг паники, когда вы пытаетесь понять,

не унесло ли вас за ночь и не занял ли ваше место кто-то другой. Но с Матушкой Ветровоск такого не бывало. Она сразу переходила от глубокого сна к работе на всех парах. Ей никогда не приходилось искать себя, поскольку она всегда знала, кто занимается этими поисками.

Она принюхалась.

— Что-то жгут, — сказала она.

— У них там еще и костер, — сказала Маграт.

Матушка снова принюхалась.

— Они жгут *чеснок*? — спросила она.

— Ага. Не представляю зачем. А еще они срывают с окон ставни, жгут их на площади и пляшут вокруг огня.

Матушка Ветровоск резко ткнула Нянюшку Ягг локтем.

— Просыпайся давай!

— Мм… шта?

— Я глаз не сомкнула всю ночь, — проворчала Матушка, — из-за ее храпа.

Нянюшка Ягг осторожно приоткрыла веки.

— Слишком раннее утро даже для раннего утра, — сказала она.

— Давай-давай, — сказала Матушка. — Нам нужны твои познания в языках.

Трактирщик сперва махал руками вверх-вниз

и бегал кругами. Затем он указал на замок, нависавший над лесом. Затем яростно присосался к своему запястью. Затем упал навзничь. А затем выжидательно посмотрел на Нянюшку Ягг. За его спиной весело пылал костер из чеснока, кольев и тяжелых оконных ставней.

— Нет, — подумав, сказала Нянюшка. — Все равно донт андыстенд, майный хер.

Тот поднялся и стряхнул пыль с кожаных штанов.

— Думаю, он хочет сказать, что кто-то умер, — сказала Маграт. — В этом замке.

— Ну, должна заметить, похоже, что все этому только рады, — процедила Матушка Ветровоск.

В свете новогодняя деревня выглядела куда веселее. Все вокруг радостно кивали ведьмам.

— Небось там жил домовладелец, у которого они все арендовали жилье, — сказала Нянюшка Ягг. — Вот они и говорят: мол, тот еще был кровосос.

— Ага. Тогда все логично. — Матушка потерла руки и с интересом оглядела стол для завтрака, который вытащили на свежий воздух. — Ну, главное, что еда стала получше. Передай-ка мне хлеб, Маграт.

— Все улыбаются и машут нам, — заметила

Маграт. — И только поглядите на еду!

— Этого следовало ожидать, — сказала Матушка с набитым ртом. — Мы у них всего одну ночь, а они уже понимают, как *полезно* угодить ведьмам. А помоги-ка мне открыть банку с медом.

Под столом сидел Грибо и умывался. Время от времени он сыто рыгал.

Вампиры могут восстать из мертвых, из могил и из склепов, но никто еще не восставал из кота.

Дорогому Джейсону и всем из дома № 21, № 34, № 15, № 85 и № 61, но не из № 18 пока она не вернет таз который брала а теперь не признаетца.

Ну шо же, далеко мы задрались, тока не спрашивай МЕНЯ про тыквы, все ровно никто не пострадал. Я тут рисую на картинке где мы давеча ночевали и ставлю Х на той комнате, где наша комната. Погода…

— Что ты тут копаешься, Гита? Нам пора двигаться дальше.

Нянюшка Ягг подняла голову, ее лицо все еще морщилось от мук сочинения.

— Думаю, здорово будет отправить что-нибудь нашему Джейсону. Знаешь, ну чтобы не волновался. Так что я нарисовала это заведение на карточке, а этот Майный Хер отдаст ее кому-нибудь, кто едет в наши края. Кто знает, вдруг она

даже доберется!

…все так же Хорошая.

Нянюшка Ягг сунула в рот кончик карандаша. Уже не в первый раз в истории вселенной та, кому обычное общение давалось легче легкого, лишалась вдохновения, когда нужно написать пару слов на открытке.

Ну и на этом все пока, еще снова надпишу скоро МАМА. P. S. Кот выглядит очень Грусным, наверно он скучает по Дому.

— Ты идешь, Гита? Маграт уже заводит мою метлу.

P.P.S. Матушка передавала шо вас любит.

Нянюшка Ягг откинулась на скамейке, довольная своей работой[13].

Маграт добежала до края центральной площади и остановилась передохнуть.

Поглазеть на женщину с ногами собралась целая толпа. Они были весьма вежливы. Почему-то от этого было только хуже.

— Эта штука не взлетает, пока не разбежишься, — объяснила она, понимая при этом, как глупо звучит, особенно для публики, не понимающей

[13] Примечания: 13

Нянюшка Ягг отправила немало открыток своей семье, но ни одна из них не опередила ее на обратном пути. Это обычное дело — такая традиция поддерживается во всей вселенной.

ее языка. — Думаю, это называется старт с забега.

Она глубоко вдохнула, сосредоточенно нахмурилась и снова бросилась бежать.

На сей раз метла завелась. Ручка дернулась у нее в руках. Прутья хрустнули. Она успела переключиться на нейтралку, прежде чем метла унесла ее от земли. Такая уж была проблема с метлой Матушки Ветровоск. То была очень старомодная метла, созданная во времена, когда метлы делали на совесть, чтобы не разваливались от короедов лет через десять. Заводить ее приходилось подолгу, зато когда заведешь, то не удержишь.

Маграт одно время хотела объяснить Матушке Ветровоск символизм ведьминых метел, но решила воздержаться. Они бы поссорились хуже, чем после истории с символизмом майских шестов.

Отъезд занял некоторое время. Местные жители обязательно хотели угостить их на дорогу. Нянюшка Ягг произнесла речь, которую никто не понял, но все радостно похлопали. Грибо, продолжая икать, устроился на привычном месте между прутьев Нянюшкиной метлы.

Когда они взлетели над лесом, над замком поднялась струйка дыма. А затем загорелся пожар.

— Глядите, там пляшут люди, — сказала Маграт.

— Аренда недвижимости — опасное занятие, — сказала Матушка Ветровоск. — Полагаю, он не торопился чинить крыши, делать ремонт ну и всякое такое. Люди подобного не прощают. Мой домовладелец даже гвоздя не забил в моем домике с тех пор, как я там живу, — добавила она. — Просто позор. А ведь я женщина пожилая.

— Мне казалось, это ваш собственный домик, — сказала Маграт, когда метлы понеслись над лесом.

— Она просто не платит за аренду уже шестьдесят лет, — сказала Нянюшка Ягг.

— А кто в этом виноват? — спросила Матушка Ветровоск. — Уж точно *не я*. Я всегда готова заплатить, — она медленно и самоуверенно улыбнулась. — Ему надо только *попросить*, — добавила она.

Вот он, Плоский мир, вид сверху: облака движутся по кругу, рисуя длинные причудливые ленты узоров.

Из-под облачной завесы вынырнули три точки.

— Теперь я понимаю, почему путешествия так непопулярны. По мне, так скука смертная. Все леса и леса час за часом.

— Верно, Матушка, но по воздуху добираешься

до места быстрей.

— И как долго мы уже летим?

— Ты десять минут назад об этом спрашивала, Эсме.

— Вот видите? *Скука!*

— Мне больше надоедает на метле сидеть. Я считаю, должна существовать специальная метла для дальних путешествий. Такая, знаете, на которой можно прикорнуть и подремать.

Они задумались над этим.

— И чтобы обед подавали, — добавила Нянюшка. — В смысле, полный обед, сытный. Не просто бутерброды всякие. — Эксперимент по воздушной кулинарии на маленькой масляной горелке Нянюшке пришлось прервать, когда пламя чуть не охватило всю ее метлу.

— Думаю, можно так сделать, если взять очень *большую* метлу, — сказала Маграт. — Размером, пожалуй, с дерево. Тогда кто-то один мог бы ею управлять, а другой — готовить.

— Ну, этому не бывать, — сказала Нянюшка Ягг. — Ты же понимаешь, гномы сдерут целое состояние за помело такого размера.

— Да, но можно сделать вот как, — продолжила Маграт, загоревшаяся идеей, — можно возить людей за деньги. Наверняка полно тех, кто устал от

разбойников и… морской болезни и всего такого.

— Как тебе идея, Эсме? — сказала Нянюшка Ягг. — Я бы повела, а Маграт занялась бы готовкой.

— А *мне* что делать? — насторожилась Матушка Ветровоск.

— Эм-м… ну… должен же кто-то, знаешь, приветствовать людей на метле и разносить им обеды, — сказала Маграт. — И говорить им, что делать, если чары рассеются, например.

— Если чары рассеются, все грохнутся наземь и умрут, — отметила Матушка.

— Да, но надо же объяснить им, как это делается, — Нянюшка Ягг подмигнула Маграт. — Они же ничего не умеют, у них нет опыта полетов.

— Мы могли бы называться… — она помедлила. Плоский мир находился на самой грани нереальности, и порой крохотные частицы реальности проникали в него, когда чей-то разум был нужным образом настроен. Как раз теперь это и случилось.

— …«Ведьмы Авиа», — сказала она. — Каково?

— «Аэрометлы», — сказала Маграт. — Или «Панавиа»…

— Не тащи в это дело богов, — поморщилась Матушка.

Нянюшка Ягг лукаво покосилась на Матушку, затем на Маграт.

— А *еще* можно назваться «Девс… — начала она.

Порыв ветра подхватил три метлы и подбросил их. Ведьмы переполошились, но сумели совладать с ними.

— Чепуха все это, — пробормотала Матушка.

— Зато помогает убивать время, — сказала Нянюшка.

Матушка хмуро оглядела зелень внизу.

— Люди бы ни за что не согласились летать, — проворчала она. — Чепуха все это.

Дорогому Джейсону и семейству.

На обороте на другой стороне погляди это рисунок места где умер какой-то король и был похоронен, уж не знаю зачем. Это в какой-то диревне, где мы ночевали вчера. Там была закуска такая вкусная, низашто не угадаешь, мы ели улиток, и оченно даже ничево, и даже Эсме не догадалась и взяла три добавки а потом ругалась с поваром, а Маграт мутило всю ночь от одной мысли об этом и жутко тошнило. Думаю о тебе люблю МАМА. P.S. сортиры тут просто УЖАСТЬ, они прямо В ДОМАХ, ну вообще не смыслиют в ГЫ-ГИЕНЕ!

Прошло несколько дней.

В тихой маленькой таверне в крохотной стране Матушка Ветровоск сидела и изучала еду с глубочайшей подозрительностью. Трактирщик хлопотал над ней с выражением отчаяния на лице: такое бывает у людей, которые заранее знают, что ничего хорошего их не ждет.

— Простая домашняя еда, — сказала Матушка. — Вот все, что мне нужно. Вы меня знаете. Я не привередлива. Никто не может сказать, что я привередлива. Я просто хочу обычной еды. Без кучи масла и всяких штучек. А то бывает, найдешь у себя в салате что-то не то, а тебе говорят, что именно это ты и заказывала.

Нянюшка Ягг повязала салфетку на грудь и промолчала.

— Как в тот раз, вчера, — сказала Матушка. — Вроде кажется, что уж с бутербродами нельзя промахнуться. В смысле… бутерброды? Самая простая еда во всем мире. Казалось бы, даже в заграницe не могут есть бутерброды неправильно. Ха!

— А они и не называют это бутербродами, Матушка, — уточнила Маграт, следя глазами за сковородой трактирщика. — Они это называют… кажется, как-то вроде «сэнт-витч».

— Мне понравилось, — сказала Нянюшка Ягг. — Люблю я соленую селедочку.

— Они, небось, за дурочек нас приняли. Думали, мы не заметим, что горбушку-то они себе оставили! — торжествующе произнесла Матушка. — Ничего, уж я им сказала пару ласковых! В следующий раз пусть хорошенько подумают, прежде чем лишать людей куска хлеба, принадлежащего им по праву!

— Да уж, подумают, — процедила Маграт.

— И я не выношу, когда блюдам дают всякие странные названия, чтобы люди не понимали, что именно едят, — Матушка решила полностью раскрыть тему недостатков заграничной кухни. — Я предпочитаю блюда, от которых ясно, чего ждать, например картошка в мундире, селедка под шубой или… или…

— Ром-баба, — мимоходом добавила Нянюшка. Она с нетерпением следила за тем, как жарятся блинчики.

— Вот-вот. Добротная и честная еда. А возьмите, к примеру, то, что мы ели в обед. Не могу сказать, что было невкусно, — смилостивилась Матушка. — По заграничным меркам, конечно. Но называлось это «кис де грязнуль», и кто его поймет, что это значит?

— Лягушачьи лапки, — не подумав, перевела Нянюшка.

В воцарившейся тишине Матушка Ветровоск судорожно вдохнула, а лицо Маграт начало приобретать зеленоватый оттенок. Нянюшке Ягг пришлось соображать быстрее, чем когда-либо.

— Нет-нет, не *настоящие* лягушачьи лапки, — поспешно добавила она. — Ну то есть, глазунья же не из глаз делается, например. Просто название забавное.

— Не вижу в этом ничего забавного, — сказала Матушка и обернулась на блинчики. — По крайней мере, уж блины они ничем не могут испортить, — сказала она. — Как они тут их называют?

— Крепь-сосетт, кажется, — сказала Нянюшка.

Матушка воздержалась от замечаний. Но с мрачным удовлетворением наблюдала, как трактирщик закончил готовку и с надеждой улыбнулся ей.

— Нет, вы только поглядите: он думает, что мы это съедим, — сказала она. — Взял, значит, поджег блины, а теперь мы должны это есть!

Маршрут ведьм по континенту проще всего было бы отследить демографическим исследованием. Много лет спустя в тихих кухнях,

увешанных луковицами, в заштатных деревеньках, приютившихся в теплых холмах, было не так-то просто найти поваров, которые не пытались спрятаться за дверью, когда на кухню заходил незнакомец.

Милый Джейсон

Тут уже явно более теплее, Маграт говорит это пущо мы удаляемся от Пупа, а еще забавно шо деньги тут вообще не такие. Приходитца менять наши деньги на местные, они все разново размера и как по мне вообще не деньги какие-то. Обычно мы это поручаем Эсме она добиваетца оч. выгодново обмена просто чудо. Маграт хочет написать книгу «Путешействие на один доллар в день» где доллар всегда один и тот же. Эсме учитца вести себя как заграничная дама, вчера она даже сняла шаль, так глядишь завтра спляшет на столе. Вот те картинка каково-то моста вроде даже знаменитово. Люблю-целую, МАМА.

Солнце жарило мощеную улицу, а в особенности двор маленькой таверны.

— Трудно поверить, — сказала Маграт, — что дома у нас сейчас осень.

— Гарцон? Мачо вино авек цай, морси на боку.

Трактирщик не понял ни слова, но это был человек добрый по своей природе, не заслужива-

ющий, чтоб его обзывали «гарцоном», а потому он улыбнулся Нянюшке. Он улыбнулся бы любому, кто был способен пить так безостановочно.

— Я только не понимаю, зачем вытаскивать столы на улицу, — сказала Матушка Ветровоск, правда, не слишком строго. Погода была теплой и приятной. Не то чтобы она не любила осень, она всегда с нетерпением ждала это время года, но в нынешнем возрасте ей было приятно осознавать, что осень происходит где-то в сотнях миль от нее.

Под столом валялся на спине Грибо, задрав лапы кверху. Изредка он подергивался, будто дрался с волками во сне.

— В записках Дезидераты сказано, — Маграт осторожно перелистнула жесткие страницы, — что в конце лета тут проводят особую традиционную церемонию, при которой по улицам прогоняют стадо быков.

— Вот это зрелище, — сказала Матушка Ветровоск. — А зачем они так делают?

— Чтобы юноши могли за ними гоняться, показывая свою отвагу, — сказала Маграт. — Похоже, они срывают с быков бантики.

По морщинистому лицу Нянюшки Ягг пробежало несколько разных выражений, будто на

вулканической пустоши менялась погода.

— Звучит как-то странно, — сказала она наконец. — А зачем они это делают?

— Тут не очень понятно описано, — сказала Маграт. Она перевернула страницу и прочитала ее, беззвучно шевеля губами. — А что такое «тестикулы»?

Ведьмы пожали плечами.

— Эй, не налегай на это пойло, — сказала Матушка, когда слуга поставил перед Нянюшкой Ягг очередную бутылку. — Я бы не доверяла выпивке зеленого цвета.

— Да это не то чтобы выпивка, — ответила Нянюшка. — На этикетке сказано, что это из трав. А из одних трав серьезной выпивки не сваришь. На, попробуй капельку.

Матушка понюхала открытую бутыль.

— Пахнет анисом, — сказала она.

— На бутылке написано «Абсент», — сказала Нянюшка.

— Ой, так это просто другое название полыни, — сказала Маграт, которая смыслила в травах. — В моем травнике сказано, что полынь «зело полезна при желудочных недугах и снимает тяжесть в животе после обеда».

— Ну вот я и говорю, — сказала Нянюшка. —

Травы. Это практически лекарство. — Она щедро плеснула двум другим ведьмам. — Попробуй, Маграт. Зело знатное зелье!

Незаметно для остальных Матушка Ветровоск расшнуровала себе ботинки. Она обдумывала, не снять ли нижнюю рубашку. Пожалуй, ей уже не нужны все три.

— Пора бы нам двигаться дальше, — сказала она.

— Ой, хватит с меня метел, — сказала Нянюшка. — Еще пара часов на помеле, и я натру себе мозоль на весь афедрон.

Она выжидательно оглядела спутниц.

— Так по-заграничному будет задница, — добавила она. — И вот что еще забавно, в некоторых заграницах задницу называют сракой, а в других сракой называют сорочку, а в третьих задницей зовется наследство. Слова — забавная штука.

— Одна история уморительнее другой, — проворчала Матушка.

— Тут река довольно широкая, — сказала Маграт. — И есть паромы. Я никогда не плавала на настоящих кораблях. Ну, знаете, на таких, которые почти никогда не тонут?

— Ведьмам пристойнее летать на метлах, — сказала Матушка, но не очень уверенно. Она

не владела международным анатомическим словарем Нянюшки Ягг, но та ее часть, название которой она отказывалась даже вспоминать, определенно давала о себе знать.

— Видала я их корабли, — сказала Нянюшка. — Похожи на огромные плоты с домами. Ты вообще даже не заметишь, что плывешь на корабле, Эсме. Эй, что это он делает?

Трактирщик выбежал наружу и начал затаскивать миленькие столики обратно в помещение. Он кивнул Нянюшке и что-то встревоженно сказал.

— Кажется, он просит нас зайти внутрь, — сказала Маграт.

— А мне нравится снаружи, — сказала Матушка. — СПАСИБО, МНЕ И СНАРУЖИ ХОРОШО! — повторила она. Метод интернационального общения Матушки Ветровоск заключался в том, чтобы повторять все медленно и громко.

— Эй, не вздумай забирать у нас столик! — рассердилась Нянюшка и шлепнула его по рукам.

Трактирщик что-то нервно произнес и указал на улицу.

Матушка и Маграт посмотрели на Нянюшку Ягг с надеждой. Та пожала плечами.

— Ни слова не поняла, — призналась она.

— МЫ ОСТАНЕМСЯ ТУТ, СПАСИБО, — сказала Матушка. Она встретилась глазами с трактирщиком. Тот сдался, обреченно махнул рукой и ушел внутрь.

— Такие думают, что с тобой можно не считаться, если ты женщина, — сказала Маграт. Она незаметно одолела отрыжку и снова потянулась к зеленой бутылочке. Животу ее уже стало куда легче.

— Вот именно. Ты представляешь? — сказала Нянюшка Ягг. — Я на ночь забаррикадировалась у себя в номере, так этот мужлан *даже не попытался* вломиться!

— Гита Ягг, ты иногда… — Матушка осеклась, заметив что-то за плечом Нянюшки.

— Кажется, по улице бежит куча *коров*, — сказала она.

Нянюшка развернула свой стул.

— Наверное, это то, о чем Маграт говорила, — сказала она. — Должно быть, знатное зрелище.

Маграт подняла глаза. Вдоль всей улицы из каждого окна второго этажа глазели люди. А по улице неслась туча из рогов, копыт и вспененных боков.

— Кажется, эти люди наверху над нами *смеются*, — возмутилась она.

Грибо под столом заворочался и перевернулся. Он открыл единственный глаз, сфокусировал его на несущихся быках и сел. Похоже, приближалось веселье.

— Смеются? — Матушка подняла голову. Свесившиеся из окон люди действительно, похоже, отпускали шутки на их счет.

Она сузила глаза.

— Что ж, продолжаем вести себя будто ничего не происходит, — объявила она.

— Но быки довольно крупные, — нервно сказала Маграт.

– *Мы* тут *ни при чем*, — сказала Матушка. — Если кучка иноземцев хочет развлекаться, *нас* это не касается. Лучше передай-ка мне это травяное вино.

Позже трактирщик Лагро те Кабона вспоминал события того дня примерно так.

Настало время Того Самого с Быками. А чокнутые бабы все сидели на улице и хлестали абсент, как воду! Он пытался зазвать их внутрь, но старуха — та, тощая, — наорала на него. Так что он оставил их на улице, но дверь не запирал — обычно до людей быстро доходит, что к чему, когда по улице скачут быки, а за ними гонятся местные парни. Тот, кто сорвет большой красный

бант с рогов самого здоровенного быка, получит почетное место на вечернем пиру, а еще — Ларго улыбнулся каким-то воспоминаниям сорокалетней давности — неформальную, но очень приятную благодарность деревенских девушек после пира…

А чокнутые бабы все сидели.

Главный бык был немного смущен этим. Обычно стоило ему взреветь и слегка топнуть копытом оземь, и препятствия забавным образом разбегались. Его разум просто не мог уяснить подобное презрение. Но главная проблема была не в этом. Главной проблемой были двадцать других быков, скакавших за ним.

И даже это перестало быть главной проблемой, когда страшная бабка, одетая во все черное, встала, что-то пробормотала и треснула его промеж глаз. Затем страшная толстая бабка, чей живот не уступал крепостью и емкостью стальному водонапорному баку, повалилась от хохота со стула, а молодая — в смысле, та, что помоложе двух других, — принялась махать и шикать на быков, как на уток.

А затем на улице стало полно разъяренных, сбитых с курса быков и вопящих от ужаса парней. Одно дело — гнать перепуганных быков, и

совсем другое — обнаружить, что быки внезапно решили бежать в обратную сторону.

Наблюдая в безопасности из окна спальни, трактирщик слышал, как страшные тетки кричали что-то друг другу. Толстуха продолжала хохотать и выкрикивать какой-то боевой клич — «ЭсмеДавайЛошадиноеСлово!» А младшая протолкалась сквозь стадо так, будто смерть от рогов и копыт — это то, что бывает с другими, нашла главного быка и сняла с него *тот самый* бант с таким спокойствием, с каким старушка вынула бы занозу из лапки кота. Она держала бант так, будто не понимала, что это и что с этим делать…

Воцарившаяся тишина захватила даже быков. Их крохотные, налитые кровью мозги поняли: тут что-то не так. Быки были в смятении.

К счастью, тем же вечером страшные тетки уехали на пароме. Но сперва одна из них забрала своего кота, который, загнав в угол сконфуженного быка весом в полтора центнера, пытался подбросить его в воздух и поиграть с ним.

Тем вечером Лагро те Кабона поклялся себе очень, очень хорошо вести себя со своей пожилой матушкой.

В следующем году деревня провела фестиваль цветов, а о Том Самом с Быками больше никогда

никто не заикался.

По крайней мере, в присутствии мужчин.

Реку, похожую на густой бурый суп, месило огромное гребное колесо. В движение его приводили несколько десятков троллей, шагавших по нескончаемой ленте под навесом. На далеких берегах в ветвях пели птицы. Над водой струился запах гибискуса, почти заглушая запах самой реки — но, к сожалению, только почти.

— Вот теперь, — сказала Нянюшка Ягг, — больше похоже на дело.

Лежа в шезлонге, она потянулась и обернулась на Матушку Ветровоск. Та хмурила брови, сосредоточенно читая.

Губы Нянюшки расплылись в коварной ухмылке.

— Знаешь, как эта река называется? — спросила она.

— Нет.

— Ее зовут рекой Вие.

— И что?

— Знаешь, что это значит?

— Нет.

— СтарЫЙ река, мужского рода, — сказала Нянюшка.

— И что?

— Слова в заграницe меняют пол, представляешь? — с надеждой продолжила Нянюшка.

Матушка не дрогнула.

— Ничего удивительного, — пробормотала она. Нянюшка вздохнула.

— Это одна из книг Дезидераты, верно?

— Да, — ответила Матушка. Она аккуратно лизнула большой палец и перевернула страницу.

— А куда Маграт пошла?

— Прилегла в каюте, — сказала Матушка, не поднимая глаз.

— Животик у нее шалит?

— На сей раз голова. А теперь помолчи, Гита. Я пытаюсь читать.

— О чем? — бодро спросила Нянюшка.

Матушка Ветровоск вздохнула и заложила пальцем страницу, чтобы не забыть, где остановилась.

— О том месте, куда мы держим путь, — сказала она. — Об Орлее. Дезидерата пишет, что там живут декаденты.

Нянюшка Ягг продолжала улыбаться.

— Да ну? — сказала она. — Здорово, да? Ни разу еще не бывала в большом городе.

Матушка Ветровоск промолчала. Ей требовалось это обдумать. Она была не уверена, что

означает слово «декадент». Вариант «десятизубый» — по аналогии, Нянюшка Ягг была бы «унидентом» — она отмела. Но, что бы это ни было, Дезидерата посчитала важным об этом написать. Матушка Ветровоск обычно не доверяла книгам как источникам информации, но сейчас у нее не было выбора.

У нее было смутное представление, что «декаденты» как-то связаны с вечно занавешенными окнами.

— Еще пишет, что это город искусства, наук и культуры, — сказала Матушка.

— О, ну так нам там самое место, — уверенно заявила Нянюшка.

— И еще пишет, что он особенно славится красивыми женщинами.

— Тем более, мы отлично впишемся.

Матушка осторожно листала страницы. Дезидерата подробно писала о делах по всему Диску. К сожалению, все это она записывала для единственного читателя — себя, так что записки порой становились путаными. Это были скорее дневники для освежения воспоминаний, чем связные статьи.

Матушка зачитала:

— Теперь Л. правит городом как серый коорди-

нал, а Барона С. говорят убили, утопили в реке. Он злой был человек, тока думаю не такой злой как Л., говорят она хотит построить Волшебное Королевство, Щастливое и Мирное, а када люди такое говорят, жди Шпиков в кажном углу, и никто не смеит даже заикнуться, ибо хто дерзнет обличить Здло, творимое во имя Щастья и Мира? Улицы тут чистые, а топоры вострые. Девица С. в безопастности, но токмо на время, ведь у Л. на нее планы. А г-жа Г. у которой был с Бароном *лямур* прячется в болоте и отбиваится болотной магией, но так низашто не победить магию зеркал, когда везде Отрожения.

Матушка знала: феи-крестные всегда бывают парами. Так значит, это были Дезидерата и… и Л… но кто третья женщина в болоте?

— Гита? — сказала Матушка.

— Мшта? — переспросила задремавшая Нянюшка Ягг.

— Дезидерата пишет, что у кого-то был лемур.

— Видать, метафера, — сказала Матушка Ягг.

— Ага, — проворчала Матушка, — эти штучки.

— Но даже ей не остановить Марди-Гра, — прочитала она. — Ежели что и можно сделать, то токмо в Субботнюю Ночь Мертвых, последнюю ночь карнавала, когда сливаются миры Живых и

Мертвых, когда магия течет по улицам. Именно тогда Л. будет уезвима, ибо карнавал выплощает все, что она ненавидит…

Матушка Ветровоск надвинула шляпу на глаза, чтобы спрятаться от солнца.

— Тут написано, у них каждый год проводится грандиозный карнавал, — сказала она. — Называется Марди-Гра.

— Это значит Жирный Обед, — перевела непревзойденный лингвист Нянюшка Ягг. — Эй, гарцон! Эт сетера гросс малахито энд уно баночку арахиса, спер фавор!

Матушка Ветровоск захлопнула книгу.

Она бы никому в этом не призналась, конечно, тем более другим ведьмам, но по мере приближения к Орлее Матушка чувствовала себя все менее уверенно.

В Орлее ее ждала *она*. После стольких лет! Поглядела на нее из зеркала! И улыбнулась!

Солнце жарило. Она пыталась этого не замечать. Но рано или поздно ей придется сдаться. Придется снять еще одну рубашку.

Нянюшка Ягг еще посидела и порисовала открытки родне, а потом зевнула. Она была из тех ведьм, что предпочитают, когда вокруг шумно и людно. Теперь Нянюшка Ягг заскучала. Судно

было большим, прямо-таки плавучей таверной, и она не сомневалась, что на нем можно найти развлечения.

Она положила сумку на кресло и ушла на поиски. Тролли продолжали топать.

Солнце уже спускалось, становясь красным и жирным, когда Матушка Ветровоск проснулась. Из-под прикрытия полей шляпы она настороженно огляделась: не заметил ли кто-нибудь, что она уснула? Всем известно, что днем спят только старухи, а Матушка Ветровоск предпочитала быть старухой только тогда, когда ей это выгодно.

Единственным свидетелем оказался Грибо, свернувшийся клубком на кресле Нянюшки. Он сверлил Матушку единственным зрячим глазом, но это пугало меньше, чем молочно-белый взгляд слепого ока.

— Просто обдумываю нашу стратегию, — пробормотала она на всякий случай.

Она закрыла книгу и ушла в каюту. Каюта была небольшая. Встречались тут и номера попросторнее, но после травяного вина и всего прочего Матушке было не до того, чтобы с помощью Влияния выбивать себе такой.

Маграт и Нянюшка Ягг сидели на койке в мрачном безмолвии.

— Я что-то нагуляла аппетит, — сказала Матушка. — По пути сюда я учуяла рагу, давайте-ка зайдем и попробуем? Как вам идея?

Ее спутницы продолжали изучать пол.

— В конце концов, у нас всегда есть тыквы, — сказала Маграт. — И всегда есть гномий хлеб.

— Всегда есть гномий хлеб, — машинально повторила Нянюшка. Она подняла глаза с виноватым выражением на лице.

— Эм-м, Эсме… ну… ты знаешь, деньги…

— Деньги, которые мы поручили тебе хранить в панталонах ради безопасности? — спросила Матушка. Что-то в тоне этого разговора напоминало ей падение первых камушков перед страшным обвалом.

— Да, эти деньги, о которых речь… они…

— Деньги в большом кожаном кошельке, которые мы договорились тратить очень осторожно? — спросила Матушка.

— Понимаешь… деньги…

— Ага, эти деньги, — сказала Матушка.

— …их нет… — сказала Нянюшка.

— Украли?

— Она их *проиграла*, — сказала Маграт со злорадным ужасом в голосе. — Мужчинам!

— И вовсе я не проиграла! — огрызнулась Ня-

нюшка. — Я никогда не проигрываю! Да они в карты играть не умеют! Я у них все время выигрывала!

— Но все же *потеряла* деньги, — сказала Матушка.

Нянюшка Ягг снова потупила взор и что-то пробормотала.

— Что? — переспросила Матушка.

— Говорю, я выиграла почти все партии, — сказала Нянюшка. — А потом подумала, ну, нам бы пригодилось побольше денег на траты в городе, а я всегда хорошо играла в «Обдери господина Луковицу»...

— И ты решила сыграть на все, — сказала Матушка.

— Как ты догадалась?

— Предчувствие, — вздохнула Матушка. — И внезапно остальным начало везти, верно?

— Безумие какое-то, — сказала Нянюшка.

— Хм-м.

— Ну, это не *проигрыш*, — сказала Нянюшка. — Я не считаю, что проиграла. Они продували, как младенцы, в начале игры. По количеству побед счет в мою пользу.

— В том кошельке было почти четырнадцать долларов, — сказала Маграт, — не считая загра-

ничных денег.

— Хм-м.

Матушка Ветровоск села на койку и побарабанила пальцами по спинке. Ее глаза блуждали где-то далеко. Слово «шулер» не встречалось по их сторону Овцепиков — люди тут были дружелюбны и просты, а если встречали профессонального карточного жулика, то просто и дружелюбно прибивали ему руку гвоздями к столу, не уточняя, как он называет свое ремесло. Но человеческая природа всюду одинакова.

— Ты же не сердишься, да, Эсме? — осторожно спросила Нянюшка.

— Хм-м.

— А новую метлу я куплю, когда домой приедем.

— Хм… *что*?

— Проиграв все деньги, она поставила свою метлу, — злорадно произнесла Маграт.

— У нас вообще деньги остались? — спросила Матушка.

Поиски по карманам и чулкам принесли сорок семь пенсов.

— Что ж, — сказала Матушка, сгребая их в кучу. — Этого должно хватить. По крайней мере, для начала. Где эти ваши мужчины?

— Что вы собираетесь делать? — спросила Маграт.

— Поиграть в карты, — сказала Матушка.

— Вы с ума сошли! — воскликнула Маграт, заметив, как блеснули глаза Матушки. — Вы собираетесь использовать магию в игре?! Нельзя использовать магию в игре! Нельзя влиять на теорию вероятности! Это *зло*!

Корабль представлял собой практически плавучий город, и жаркими ночами никто даже не думал оставаться в каютах. Плоская палуба была усеяна кучками гномов, троллей и людей, устроившихся между ящиками груза. Протолкавшись через толпу, Матушка подошла к длинному бару, тянувшемуся вдоль всей лодки. Изнутри доносились звуки веселья.

Паромы были самым быстрым и доступным видом транспорта на сотни верст вокруг. На них можно встретить, как сказала бы Матушка, любой сброд, а на тех, что шли вниз по реке, ближе к Жирному Обеду всегда было полно определенного типа проходимцев.

Она вошла в бар. Тому, кто следил бы за ней, могло показаться, что дверь в баре была заколдованной. Подходя к ней, Матушка Ветровоск шла своим обычным размашистым шагом. Но по ту

сторону она вдруг превратилась в сгорбленную ковыляющую старушку, чей вид растрогал бы самое черствое сердце.

Она подошла к стойке и остановилась. За стойкой висело самое здоровенное зеркало, какое Матушка только видела. Она пристально посмотрела в него, но зеркало, похоже, не представляло опасности. Что ж, придется рискнуть.

Она сгорбилась еще чуть посильней и обратилась к бармену.

— Искуси муа, молодой мусье, — начала она[14].

Бармен покосился на нее без интереса и продолжил полировать стаканы.

— Чего тебе, бабка? — сказал он.

Старческое слабоумие в глазах Матушки едва заметно дрогнуло.

— Батюшки… да ты меня понимаешь? — спросила она.

— Мы тут на реке всякий народ встречаем, — ответил бармен.

— Ну тогда будь добр, сынок, одолжи мне карты — как там говорится, колоду? — прокряхтела Матушка.

---

[14] Примечания: 14
С Нянюшкой поведешься — всякого наберешься.

— Хочешь сыграть в Старую Деву, да? — сказал бармен.

В глазах матушки снова мелькнул холодок, когда она сказала:

— Да нет, просто пасьянс разложу. Хочу попробовать научиться играть.

Он покопался под стойкой и швырнул ей потертую стопку карт.

Она цветасто поблагодарила его и отошла к столику в тени, раскидала карты по давно проспиртовавшейся столешнице и принялась разглядывать.

Не прошло и пары минут, как на ее плечо легла осторожная рука. Она подняла глаза и увидела добродушное лицо человека, которому любой одолжил бы денег. Мужчина произнес, сверкая золотым зубом:

— Извините, бабуся, — сказал он, — мы тут с друзьями, — он указал на таких же располагающих к себе людей, сидевших за соседним столом, — были бы очень рады, если бы вы присоединились к нам. В наши дни женщине опасно бывает путешествовать одной.

Матушка Ветровоск мило улыбнулась ему и неопределенно махнула на свои карты.

— Вот никак не могу запомнить, какие счита-

ются больше, какие меньше, чем картинки, — сказала она. — Ох, того и гляди собственную голову забуду!

Все рассмеялись. Матушка перебралась за другой столик. Она заняла свободный стул — он стоял так, что зеркало оказалось прямо у нее за плечом.

Улыбнувшись самой себе, она с нетерпением наклонилась вперед.

— А расскажите, — сказала она, — как играть-то в эти ваши карты?

Все ведьмы очень чутки на истории. Они способны ощущать истории так же, как купальщик в небольшом пруду ощущает проплывающую рыбешку.

Знать, как работают истории, — это уже половина победы.

К примеру, когда очевидный простак подсаживается к опытным шулерам и спрашивает: «Как играть-то?», кого-то скоро оберут до нитки.

Маграт и Нянюшка Ягг сидели бок о бок на узкой койке. Нянюшка нервно поглаживала Грибо по пузику, и тот мурлыкал.

— У нее будут большие неприятности, если она выиграет с помощью магии, — сказала Маграт. — А ты знаешь, как она ненавидит про-

игрывать, — добавила она.

Матушка Ветровоск и правда не умела проигрывать. С ее точки зрения, поражения могли случиться только с другими.

— Это все ее егго, — сказала Нянюшка Ягг. — У каждого оно есть, это егго. А у нее оно здоровенное. Ну, конечно, это часть ведьмовства — иметь егго побольше.

— Ей придется использовать магию, — сказала Маграт.

— Использовать магию в азартных играх — значит искушать Судьбу, — сказала Нянюшка Ягг. — Ну то есть жульничать — это нормально. Это, по сути, *честно*. В смысле, каждый может жульничать. Но вот использовать магию — это искушать Судьбу.

— Нет. Не Судьбу, — мрачно произнесла Маграт.

Нянюшка Ягг поежилась.

— Слушайте, — сказала Маграт. — Не можем же мы ей позволить…

— Это все егго, — вздохнула Нянюшка Ягг. — Страшная это вещь — большое егго.

— У меня, — сказала Матушка, — три картиночки с королями и всяким таким и еще три такие забавные с единичкой.

Трое мужчин просияли и подмигнули друг другу.

— Это же Тройная Луковица! — сказал тот, что позвал Матушку за стол; его, как оказалось, звали Господин Фрэнк.

— Это хорошо, да? — сказала Матушка.

— Это значит, вы снова выиграли, сударыня! — Он пододвинул к ней гору монет.

— Батюшки, — сказала Матушка. — Это значит, у меня… погоди-ка… почти пять долларов?

— Просто поразительно, — сказал Господин Фрэнк. — Должно быть, новичкам везет, да?

— Я скоро разорюсь, если так дальше пойдет, — сказал один из его товарищей.

— Она так с нас последнюю рубашку снимет, — добавил третий. — Ха-ха.

— Наверное, нам пора выходить из игры, — сказал Господин Фрэнк. — Ха-ха.

— Ха-ха.

— Ха-ха.

— Ой, а я так хотела еще поиграть, — Матушка взволнованно улыбнулась. — Я только-только освоилась.

— Ну, будет спортивно, если вы дадите нам немного отыграться, — сказал Господин Фрэнк. — Ха-ха.

— Ха-ха.

— Ха-ха.

— Ха-ха. Как насчет ставки в полдоллара? Ха-ха?

— Да нет, я полагаю, такая азартная дама захочет поставить целый доллар! — сказал третий.

— Ха-ха!

Матушка оглядела свою горку мелочи. Несколько мгновений она как будто колебалась, а затем до нее, очевидно, дошло: да разве можно много проиграть, если карта так идет?

— Да! — сказала она. — Ставлю доллар! — Она покраснела. — Так *азартно*, правда?

— Ага, — сказал Господин Фрэнк, собирая карты в колоду.

Раздался оглушительный грохот. Все трое уставились на барную стойку, за которой осколки зеркала осыпались на пол.

— Что случилось?

Матушка мило, по-старушачьи улыбнулась ему. Она даже не обернулась.

— Наверное, бармен стакан протирал, а он выпал из рук да и разбил зеркало, — сказала она. — Надеюсь, бедному мальчику не придется возмещать это из зарплаты.

Трое мужчин обменялись взглядами.

— Ну, давайте, — сказала Матушка. — Вот мой доллар.

Господин Фрэнк нервозно поглядел на пустую раму зеркала. Затем пожал плечами.

От этого движения что-то где-то сломалось. Раздался приглушенный щелчок, как будто мышеловка привела приговор в исполнение. Господин Фрэнк побледнел и схватился за свой рукав. Оттуда выпало маленькое металлическое устройство из пружин и каких-то загогулин. В нем был зажат мятый червовый туз.

— Опаньки, — сказала Матушка.

Маграт через окошко заглядывала в бар.

— Ну, что она там делает? — прошептала Нянюшка Ягг.

— Снова ухмыляется, — сказала Маграт.

Нянюшка Ягг покачала головой:

— Егго, — сказала она.

Манера игры Матушки Ветровоск способна приводить в неописуемую ярость профессиональных игроков по всей мультивселенной.

Она держала карты в горсти как можно ближе к лицу, так что торчали лишь краешки. Она глядела на них так, будто бросала им вызов. И кажется, вообще не сводила с них взгляда, кроме тех моментов, когда выкладывала.

И она подолгу тянула с ходом. И никогда, ни за что не рисковала.

Через двадцать пять минут она проиграла всего доллар, а Господин Фрэнк уже весь взмок. Матушка уже три раза услужливо поправляла его, когда он случайно сдавал карты с низа колоды, а еще попросила другие карты, потому что «глядите, на этой крапинки какие-то на обороте».

Все дело, конечно, было в ее глазах. Дважды он собирал идеальную Луковицу из трех карт, но оказывалось, что у нее на руке был чертов двойной Бублик. В третий раз, решив, что раскусил ее хитрости, он предложил вскрыться — и его приличный флеш был повержен Луковицей из пяти карт, которую старая кошелка, похоже, терпеливо собирала веками. А затем — его костяшки побелели — затем эта страшная, жуткая карга заявила: «Ой, я победила? Вот этими карточками? Мама дорогая, ну и везет же мне!»

А потом она принялась мычать себе мелодии под нос, когда смотрела в карты. Обычно трое шулеров подобному только радовались. Любители цыкать зубом, поднимать брови, потирать уши были такой же легкой добычей, как деньги под матрасом, для того, кто умел читать подобные знаки. Но это древнее чудовище было не про-

зрачнее каменного угля. А ее мотивчики были… навязчивы. Не замечаешь, как невольно повторяешь мелодию. Аж зубы дрожат. А потом раз — и ты мрачно наблюдаешь, как она выкладывает треклятый Сломаный Флеш на твою жалкую двойную Луковицу и говорит: «Ой, я опять выиграла, да?»

Господин Фрэнк отчаянно пытался вспомнить, как играть в карты без устройства в рукаве, удобного зеркала и меченой колоды. И под мычание, бесящее, как скрип ногтя по стеклу.

А что обиднее всего, эта сушеная старая вобла как будто даже не умела правильно играть.

Через час она уже вела в счете на четыре доллара, и когда она заявила: «Ну и *везучая* же я!» — Господин Фрэнк прокусил себе язык.

Но наконец ему сама собой пришла Великая Луковица. Великую Луковицу практически нельзя победить. Такое с людьми случается лишь раз или два в жизни.

И она спасовала! Старая стерва спасовала! Отдала один жалкий доллар и спасовала!

Маграт снова уставилась в окно.

— Что там происходит? — спросила Нянюшка.

— Они там злющие на вид.

Нянюшка сняла шляпу и достала трубку. Раску-

рила ее и бросила спичку за борт.

— Ясно. Помяни мое слово, она там напевает. У нашей Эсме жутко бесящая манера мычать под нос, — Нянюшка, похоже, была довольна. — А она в ухе еще не начала ковырять?

— Кажется, нет.

— Никто не ковыряет в ухе так, как Эсме.

Она ковыряла в ухе!

Делала она это с достоинством — чертова старая кошелка, видимо, даже сама не осознавала, что делает. Она просто продолжала совать мизинец себе в ухо и крутить им там. При этом издавая звук, с каким натирают мелом биллиардный кий.

Это просто нервный тик и ничто иное. Рано или поздно все они сдаются…

Она опять спасовала! А у него ушло пять чертовых минут, чтобы собрать чертову Луковицу!

— Помню, как-то раз, — сказала Нянюшка Ягг, — пришла она к нам домой на праздник по случаю коронации Веренса, и мы сыграли в «Загони соседа вверх по коридору» с детьми на мелочь. Так она заявила, что младшенький Джейсона жульничал, и еще неделю потом дулась.

— А он жульничал?

— Да уж наверняка, — с гордостью заявила Ня-

нюшка. — С Эсме вся беда в том, что она не умеет проигрывать. Ей в этом деле опыта не хватает.

— Лобсанг Достабль пишет, что иногда надо проиграть, чтобы победить, — сказала Маграт.

— Как-то по-дурацки звучит, — сказала Нянюшка. — Это часом не Дзынь-Буддизм?

— Нет. Эти говорят, что для победы нужно иметь много денег, — сказала Маграт[15]. — А на Пути Скорпиона достигаешь победы, проигрывая все битвы, кроме последней. Так ты используешь силу противника против него же.

— Погоди, надо заставить его избить самого себя, так, что ли? — сказала Нянюшка. — Звучит как-то дурацки.

Маграт вспыхнула.

— Да что вы в этом смыслите? — выпалила она с непривычной резкостью.

— Что?

— Как меня достало все это! — выкрикнула Маграт. — Я хотя бы стараюсь научиться чему-то новому! А не просто стращаю всех вокруг и срываюсь на людях!

---

[15] Примечания: 15

Дзынь-Буддисты — самая богатая религиозная секта во вселенной. Их доктрина гласит, что накопление денег — величайшее зло, отягощающее душу. А потому, презирая опасность для себя, они исполняют тяжкий долг — накопить как можно больше денег, чтобы побольше невинных избежало этой угрозы.

Нянюшка вынула трубку изо рта.

— Ни на ком я не срываюсь, — мягко возразила она.

— Я не о вас говорю!

— Ой, да у Эсме всегда был дурной нрав, — сказала Нянюшка. — Это у нее от природы.

— И она почти не колдует по-настоящему. Какой смысл быть ведьмой, если не творишь магию? Почему она не колдует, чтобы помочь людям?

Нянюшка изучала ее сквозь табачный дым.

— Полагаю, она понимает, что у нее выйдет слишком хорошо, — сказала она. — Слушай, я давно ее знаю. И всю ее семью знала. Все Ветровоски владеют магией, даже мужчины. У них у всех такая магическая жилка. Своего рода проклятье. В общем… она считает, что магией людям помочь нельзя. *По-настоящему* помочь. И в чем-то она права.

— Тогда какой смысл…

Нянюшка поковырялась в трубке спичкой.

— Кажется, припоминаю, как она пришла тебе на помощь, когда в твоей деревне была вспышка чумы, — сказала она. — Помнится, она трудилась круглые сутки. Никогда она не отказывала в помощи больному, даже тем, кто весь слизью

сочился. Когда старый громила-тролль из-под Сломанной горы спустился за помощью, потому что у него заболела жена, и все в него бросали камни, помнится, именно Эсме отправилась с ним и приняла роды. Ха… а потом старик Цыплетень Хопкинс бросил камнем в *Эсме*, и вскоре все его хлева загадочным образом что-то раздавило среди ночи. Она всегда говорила, что нельзя помочь людям магией, но можно помочь им своей шкурой. В смысле, делая что-то настоящее.

— Я не отрицаю, что она в целом добрая… — начала Маграт.

— Ха! Зато *я* отрицаю. Да на день пути вокруг не найдешь никого противнее Эсме, — сказала Нянюшка Ягг, — и это говорю тебе *я*, не кто-нибудь. Она отлично знает, какова она. Она рождена быть доброй, и ей это не нравится.

Нянюшка выбила трубку о фальшборт и обернулась на бар.

— Девочка моя, чего ты не понимаешь насчет Эсме, — сказала она, — так это что в придачу к большому егго у нее есть психолология. Как же славно, что у меня ее нет.

Матушка выиграла уже двенадцать долларов. Все остальные в баре замерли. Слышался только плеск колес и крики боцмана вдали.

Еще пять долларов матушка выиграла тройной Луковицей.

— Что значит «психолология»? — спросила Маграт. — Вы что, книги читали?

Нянюшка не ответила.

— Теперь надо следить, — сказала она, — когда она начнет тихонько цыкать: тц, тц, тц. Это у нее после чистки ушей. Обычно это значит, что она чой-то задумала.

Господин Фрэнк побарабанил пальцами по столу, с ужасом осознал, что сделал это, и добрал еще три карты, чтобы скрыть смущение. Старая кошелка, похоже, ничего не заметила.

Он вгляделся в свои карты.

Поставил еще два доллара и добрал одну карту.

Снова вгляделся.

«Это один шанс из… скольких?» — подумал он. Второй раз за день у него на руке оказалась Великая Луковица.

Главное теперь было не паниковать.

— Кажется, — услышал он собственный голос, — я могу рискнуть еще парой долларов.

Он обменялся с товарищами взглядами. Те послушно спасовали один за другим.

— Ну, даже не знаю, — Матушка как будто

разговаривала со своими картами. Она снова почистила ухо. — Тц-тц-тц. Как это называется, когда хочешь вложить больше денег, ну, вот это все?

— Называется «повысить ставки», — сказал Господин Фрэнк, у которого уже костяшки побелели.

— Вот да, хочу повесить подставки. Долларов на пять, думаю.

Господин Фрэнк стиснул колени.

— Поддерживаю и повышаю на десять долларов, — решительно ответил он.

— Тогда я тоже, — сказала Матушка.

— Я могу повысить еще на двадцать долларов.

— А я… — Матушка опустила глаза, внезапно потеряв задор. — А у меня… есть метла.

Тревожный звоночек забренчал где-то в глубине сознания Господина Фрэнка, но поздно: он галопом несся к победе.

— Отлично!

Он раскрыл карты.

Толпа охнула.

Он начал сгребать деньги со стола.

На запястье ему легла рука Матушки.

— Я еще не раскрыла *свои* карты, — лукаво сказала она.

— А вам и не надо, — огрызнулся Господин Фрэнк. — Вы никак не сможете побить мои, дамочка.

— Смогу, если ободрать их, — сказала Матушка. — Игра же поэтому зовется «Обдери господина Луковицу», не так ли?

Он помедлил.

— Но… но это возможно, только если собрать идеальную подборку из девяти карт, — пробормотал он, глядя в бездну ее глаз.

Матушка откинулась на стуле.

— А знаете, — спокойно сказала она, — мне *кажется*, у меня очень много вот таких черных остреньких. Это же хорошо, да?

Она раскрыла карты. Толпа одновременно ахнула в унисон.

Господин Фрэнк затравленно огляделся.

— Ого, отличный ход, леди, — сказал пожилой господин. В толпе вежливо захлопали. В толпе, которая, как некстати, собралась изрядная.

— Эм-м… да, — сказал Господин Фрэнк. — Да. Хороший ход. Вы очень быстро учитесь, не так ли?

— Да уж быстрее вашего. Вы мне должны пятьдесят пять долларов и метлу, — сказала Матушка.

На выходе ее ждали Маграт и Нянюшка Ягг.

— Вот твоя метла, — проворчала она. — И надеюсь, вы уже собрали вещи, потому что мы отбываем.

— Почему? — спросила Маграт.

— Потому что, когда все стихнет, нас будет кое-кто искать.

Они поспешили к своей комнатушке.

— Вы не колдовали? — спросила Маграт.

— Нет.

— И не жульничала? — уточнила Нянюшка Ягг.

— Нет. Просто головология, — ответила Матушка.

— Где это ты научилась так играть? — поинтересовалась Нянюшка.

Матушка резко остановилась, и они врезались в нее.

— Помнишь, прошлой зимой Старая Мать Дисмасс совсем поплохела и я приходила посидеть с ней каждую ночь почти месяц?

— Да?

— Если сидеть каждую ночь, играя в «Обдери господина Луковицу» с провидицей, у которой на третьем глазе сетчатка отслоилась, быстренько научишься играть, — сказала Матушка.

Милый Джейсон и все-все-все!

Вот чо в заграницах хватает энто всяких запахов, я в них теперь разбираюсь. Эсме на всех орет, небось ей кажетца они ведут себя по-заграничному просто шоб Выбесить ее, уж не помню когда она раньше так развлекалась. Ежли чо я думаю им полезна небольшая Встряска, мы на обед остановились в одном месте, там поддавали стейк по-тартарски и ОЧЕННО косились, а я всевой-то поспросила шоб мой хорошо прожарили. Всех благ, МАМА

Луна была ближе отсюда.

Орбита луны Плоского мира проходила очень высоко над Овцепиками. Тут же, ближе к Краю, она стала крупнее. И оранжевее.

— Как тыква, — сказала Нянюшка Ягг.

— Мне казалось, мы договорились не упоминать тыквы, — сказала Маграт.

— Ну, ужина у нас не было, — сказала Нянюшка.

И это была не единственная проблема. Ведьмы не привыкли к теплым ночам, кроме как в середине лета. Это казалось неправильным — плыть под ярко-рыжей луной над листвой, в которой стрекочут и шуршат насекомые.

— Должно быть, мы уже далеко от реки, — сказала Маграт. — Можно мы приземлимся,

Матушка? Нас никто не мог преследовать!

Матушка Ветровоск опустила взгляд. Река в этой местности петляла широкими блестящими изгибами, тратя двадцать миль на расстояние в пять. Земля по берегам напоминала лоскутное одеяло из холмов и лесов. Вдали что-то мерцало — похоже, сама Орлея.

— Лететь на метле всю ночь — верный путь к боли в афедроне, — добавила Нянюшка.

— Ой, ну ладно.

— В той стороне какой-то городок, — сказала Маграт. — И замок.

— Ой, только не снова…

— Милый маленький замок, — добавила Маграт. — Может, попросимся на ночлег? Мне уже осточертели таверны.

Матушка посмотрела вниз. Она отлично видела в темноте.

— А ты уверена, что это замок? — спросила она.

— Я вижу башни и все такое, — сказала Маграт. — Разумеется, это замок.

— Хм-м. А я вижу не только башни, — сказала Матушка. — Думаю, Гита, нам стоит на это взглянуть.

В спящем замке никогда не бывало шума, разве

что в конце лета, когда с лоз осыпался спелый виноград, тихо лопаясь об пол. Изредка птицы пытались свить гнездо в зарослях терна, которые заполонили тронный зал с пола до потолка, но не успевали далеко забраться и тоже засыпали. В остальное время требовался очень острый слух, чтобы услышать, как растут побеги и раскрываются почки.

Так продолжалось уже десять лет. Ни единого звука в…

— Эй, открывайте!

— Мы пели гримы, дайте нам ревизии!

…ни единого звука в…

— Подсади-ка, Маграт. Давай, скорей…

Зазвенело разбитое стекло.

— Вы им окно разбили!

…*ни единого* звука в…

— Вам придется за него заплатить, понимаете?

Ворота замка медленно распахнулись. За ними стояла Нянюшка Ягг, выдергивая колючки и чертополох из волос.

— Здесь полнейший раздрай, — сказала она. — Люди спят по всему зданию, их даже паутиной затянуло. Ты была права, Эсме. Тут творится какое-то колдовство.

Ведьмы продрались сквозь заросли в замок.

Ковры были покрыты пылью и опавшими листьями. Молодые побеги изо всех сил пытались завоевать двор. Все стены были увиты лозами винограда.

Матушка Ветровоск подняла на ноги дремлющего солдата. С его одежды поднялись клубы пыли.

— Просыпайся, — приказала она.

— Фжтфт, — промычал солдат и снова опал.

— И вот так везде, — сказала Маграт, пробиваясь сквозь заросли папоротника, разросшиеся в районе кухни. — Там храпят повара, а в котлах одна плесень! Даже мыши в кладовой спят!

— Хм-м, — сказала Матушка. — В этом деле обнаружится веретено, помяните мое слово.

— Работа Черной Алиссы? — спросила Нянюшка.

— Похоже на то, — сказала Матушка. И добавила вполголоса: — Или кого-то вроде нее.

— Вот *эта* ведьма и правда понимала, как работают сказки, — сказала Нянюшка. — Она порой оказывалась сразу в трех одновременно.

Даже Маграт слышала о Черной Алиссе. Говорят, то была величайшая ведьма в истории — не то чтобы *злая*, но столь могущественная, что разницу бывало трудно заметить. Усыпить дворец

на столетие или заставить принцессу прясть из соломы Золто[16] — никто не умел это делать так, как Черная Алисса.

— Я с ней как-то раз встречалась, — сказала Нянюшка, поднимаясь по центральной лестнице дворца, которая теперь представляла собой водопад вьющихся лоз. — Старушка Делирия Скиббли водила меня к ней в детстве. Конечно, к тому времени она стала очень… эксцентричной. Пряничные домики и все такое, — она произнесла это с такой печалью, с какой говорят о пожилом родственнике, который начал носить белье поверх одежды.

— А потом те двое детишек заперли ее в собственной печи? — спросила Маграт, отцепляя от колючек рукав.

— Да. Грустно, конечно. В смысле, она же никого на самом деле не ела, — сказала Нянюшка. — Ну, как правило. В смысле, слухи ходили, но…

— Так всегда бывает, — сказала Матушка. — Втянешься в сказки и запутаешься. Уже не понимаешь, что реально, а что нет. А потом они тебя настигают. Делают всякое с твоей головой. Не люблю я сказки. Они нереальны. А я не люблю

---

[16] Примечания: 16

У Черной Алиссы тоже бывали проблемы со словами. Им пришлось как следует заплатить ей, чтобы она ушла и не устраивала сцен.

всякие нереальные штуки.

Она толкнула дверь.

— Ага. Покои, — хмуро произнесла она. — Может, даже будуар.

— Ну и быстро же тут все растет! — сказала Маграт.

— Это часть заклинания времени, — сказала Матушка. — Ага. Вот и она. Так и знала, что она тут будет.

В кровати среди кустов роз лежала фигура.

— А вот и веретено, — сказала Нянюшка, указав на предмет, почти скрывшийся в зарослях плюща.

— Не трогай! — велела Матушка.

— Да не бойся, я его веточкой подцеплю и выкину в окошко.

— Откуда вы все это знаете? — спросила Маграт.

— А это деревенский миф, — сказала Нянюшка. — Уже сто раз такое случалось.

Матушка Ветровоск и Маграт оглядели спящую девушку лет тринадцати, посеребренную пылью и цветочной пыльцой.

— Такая красивая, — растроганно вздохнула Маграт.

Сзади раздался стук веретена о дворовые бу-

лыжники, а затем появилась Нянюшка Ягг, потирающая руки.

— С дюжину раз такое видела, — сказала она.

— А вот и нет, — сказала Матушка.

— Ну как минимум один, — не смутилась Нянюшка. — И слышала еще кучу раз. Да все слышали. Я же говорю, деревенский миф. Каждый слышал, что это якобы случилось в деревне соседа друга двоюродного брата.

— Потому что так и случалось, — сказала Матушка.

Она взяла девушку за запястье.

— Она спит, потому что у нее… — сказала Нянюшка.

Матушка обернулась.

— Знаю, знаю. Не меньше твоего знаю, ясно? Думаешь, не знаю? — Она согнула безвольную ручку девушки. — Это же работа феи-крестной, — добавила она скорее самой себе. — Всегда все делай *впечатляюще*. Всегда вмешивайся, всегда пытайся все контролировать! Ха! Кто-то слегка отравился? Всех погрузи в сон на сто лет! Выбирай *легкий* способ. И все это из-за одного укола. Как будто это конец света, — она помедлила. Нянюшка Ягг стояла позади нее и никак не могла разглядеть выражение ее лица. — Гита?

— Да, Эсме? — невинно откликнулась Нянюшка Ягг.

— Я же чую, как ты ухмыляешься. Приберегисвою грошовую психолологию для тех, кому онанужнее.

Матушка закрыла глаза и пробормотала пару слов.

— Может, палочкой? — неуверенно предложила Маграт.

— Даже не вздумай, — отрезала Матушка и продолжила бормотать.

Нянюшка кивнула.

— Она капельку порозовела, это точно, — сказала она.

Через несколько минут девушка открыла глаза и подняла мутный взор на Матушку Ветровоск.

— Пора вставать, — сказала Матушка неожиданно бодрым голосом, — а то проспишь лучшие годы.

Девушка попыталась разглядеть Нянюшку, затем Маграт, а затем снова посмотрела на Матушку.

— Вы? — спросила она.

Матушка приподняла брови и оглядела спутниц.

— Я?

— Вы до сих пор здесь?

— До сих пор? — спросила Матушка. — В жизни тут прежде не бывала, милочка.

— Но… — девушка была потрясена. И испугана, как показалось Маграт.

— Девочка моя, я тоже поутру ничего не соображаю, — сказала Нянюшка Ягг, взяла девушку за другую руку и похлопала по ней. — Сама не своя, пока не выпью чашечку чаю. Думаю, остальные тоже проснутся с минуты на минуту. Конечно, им еще надо сперва вычистить крысиные гнезда из чайников… Эсме?

Матушка уставилась на покрытый пылью силуэт на стене.

— Вмешивайся… — прошептала она.

— Что там, Эсме?

Матушка Ветровоск перешла комнату и стерла пыль с огромного изукрашенного зеркала.

— Ха! — сказала она и резко обернулась. — А теперь нам пора.

— Мне казалось, мы собирались отдохнуть. В смысле, уже светает, — сказала Маграт.

— Не стоит злоупотреблять гостеприимством, — сказала Матушка и вышла из палаты.

— Но мы даже не *начинали*… — заикнулась было Маграт. Она поглядела в зеркало. Большое,

овальное, в золоченой раме. Выглядело оно совершенно нормальным. Не могла же Матушка Ветровоск испугаться собственного отражения!

— Она снова не в духе, — сказала Нянюшка Ягг. — Да ладно, пойдем. Нечего тут задерживаться, — она потрепала ошеломленную принцессу по макушке. — Не вешай нос, милочка. Пара недель с метлой и топором в руках — и твой старый замок будет как новенький.

— Она как будто узнала Матушку, — сказала Маграт, спускаясь по лестнице вслед за резкой, торопливой фигурой Эсме Ветровоск.

— Но мы же понимаем, что это не так, верно? — сказала Нянюшка Ягг. — Эсме в этих заграницах в жизни не бывала.

— И все равно я не понимаю, зачем так срочно уходить, — настаивала Маграт. — Я думаю, люди будут рады и благодарны нам, что мы сняли проклятие, и все такое.

Остальной дворец пробуждался. Они прошли мимо стражников, с изумлением разглядывающих паутину на своих мундирах и растущие всюду ветви. Пересекая поросший лесом двор, они наткнулись на старика в выцветшей мантии, который вывалился из дверного проема и прислонился к стене, пытаясь прийти в себя. И

тут он увидел ускоряющийся силуэт Матушки Ветровоск.

— Ты? — крикнул он, а затем: — Стража!

Нянюшка Ягг не медлила ни секунды. Она схватила Маграт за локоть и бросилась бежать. Матушку Ветровоск они догнали у ворот замка. Стражник, который, видимо, раньше был «жаворонком» и просыпался лучше прочих, попытался преградить им путь пикой, но Матушка просто оттолкнула ее в сторону и аккуратно обошла его.

Наконец они вышли наружу и бросились бежать к метлам, прислоненным к подходящему дереву. Матушка схватила свою на бегу, и в кои-то веки та завелась почти с первой же попытки.

Стрела просвистела мимо ее шляпы и ударила в ветку.

— Вот это неблагодарность! — сказала Маграт, когда метлы взмыли над деревьями.

— Многие люди спросонья бывают не в духе, — заметила Нянюшка.

— Похоже, они все вас узнали, Матушка.

Матушкина метла дрогнула на ветру.

— А вот и нет! — крикнула она. — Никогда они меня не видели, ясно?

Какое-то время они летели в неловкой тишине.

Затем Маграт, обладавшая, по выражению Нянюшки Ягг, талантом невинно наступать на больные мозоли, сказала:

— Я вот думаю, правильно ли мы поступили? Мне кажется, это была работа для прекрасного принца.

— Ха! — воскликнула Матушка, летевшая впереди. — А что в том хорошего? Если проломился через пару кустов — значит, будет хорошим мужем, что ли? Это мышление феи-крестной, вот что! Ходишь туда-сюда, причиняешь людям счастливые концы, хотят они того или нет, да?

— А что плохого в счастливых концах? — жарко возразила Маграт.

— Знаешь, счастливый конец — это славно, если он *получился* счастливым, — сказала Матушка, глядя в небеса. — Но нельзя навязывать их людям. Это все равно что сделать брак счастливым до самой смерти, отрубив молодоженам головы сразу после свадьбы, ясно? Нельзя навязать счастье…

Матушка Ветровоск поглядела на город вдалеке.

— Единственное, что из этого выйдет, — сказала она, — это конец.

Позавтракали они на лесной поляне. Печеной

тыквой. Они и гномий хлеб достали для изучения. Но гномий хлеб обладал чудесным свойством: все дружно становились не так уж голодны, когда требовалось избежать гномьего хлеба. Достаточно взглянуть на него, и на ум сразу приходили десятки других вещей, которые вы предпочли бы съесть взамен. Собственные башмаки, например. Горы. Сырую овцу. Собственные ноги.

Затем они попытались поспать — по крайней мере, Нянюшка и Маграт. Но все свелось к тому, что они лежали и слушали, как Матушка Ветровоск что-то бормочет вполголоса. Они никогда не видели ее в таком раздрае.

Затем Нянюшка предложила им немного прогуляться. Отличный денек, сказала она. И лес тут интересный, сказала она, в нем много новых трав, на которые стоит поглядеть. Любому будет лучше от прогулки по лесу, сказала она. Это поднимает настроение.

А лес был и вправду приятный. Примерно через полчаса прогулки даже Матушка Ветровоск была готова признать, что во многих аспектах он не такой уж заграничный и убогий. Маграт то и дело сходила с тропы, чтобы нарвать цветов. Нянюшка даже спела пару куплетов песни «На волшебном посохе нехилый набалдашник», и спутницы

лишь пару раз возмутились для порядка.

И все же что-то было не так. Нянюшка Ягг и Маграт ощущали, как между ними и Матушкой Ветровоск будто выросла психологическая стена, как Матушка сознательно умалчивает о чем-то важном. Ведьмы обычно не хранили секретов друг от друга, хотя и в основном потому, что при их привычке лезть не в свое дело секреты было *невозможно* сохранить. Молчание пугало.

Наконец они обошли рощу громадных дубов и наткнулись на девочку в красной шапочке.

Она вприпрыжку бежала по тропе, распевая песенку — куда более простую и безобидную, чем репертуар Нянюшки Ягг. Ведьм она не заметила, пока не поравнялась с ними. Тогда она остановилась и невинно улыбнулась.

— Здравствуйте, бабушки, — сказала она.

— Кхм! — поперхнулась Маграт.

Матушка Ветровоск наклонилась.

— Что ты делаешь в лесу совсем одна, юная леди?

— Несу бабушке корзинку с гостинцами, — ответила девочка.

Матушка выпрямилась, ее взгляд блуждал где-то далеко.

— Эсме, — насторожилась Нянюшка Ягг.

— Знаю, знаю, — сказала Матушка.

Маграт наклонилась и изобразила на лице то выражение, какое делают взрослые, которые пытаются поладить с детьми, не имея на то ни малейшего шанса:

— Эм-м… Скажи-ка, милая… а мама не говорила тебе остерегаться злых волков, которые водятся в этой местности?

— Говорила.

— А твоя бабушка… — продолжила Нянюшка Ягг, — полагаю, она больна и лежит в постели, да?

— Потому я и несу ей корзину с гостинцами… — начала девочка.

— Так я и думала.

— А вы знаете мою бабушку? — спросила девочка.

— М-м-м, да, — сказала Матушка Ветровоск. — Можно и так сказать.

— Помню, случилось такое на дороге в Скунд, когда я еще была маленькой, — прошептала Нянюшка Ягг. — Они так и не нашли бабуш…

— А где домик твоей бабушки, девочка? — громко сказала Матушка Ветровоск, резко ткнув Нянюшку под ребра.

Девочка указала на ответвляющуюся тропин-

ку.

— А вы не злые ведьмы, нет? — спросила она.

Нянюшка Ягг закашлялась.

— Мы? Нет. Мы эти… ну… — начала Матушка.

— Феи, — закончила Маграт.

Челюсть Матушки Ветровоск отвисла. Такое определение ей в голову не приходило.

— А то маменька велела мне еще опасаться злых ведьм, — сказала девочка и пристально оглядела Маграт. — А какие вы феи?

— Эм-м… Цветочные? — сказала Маграт. — Смотри, у меня волшебная палочка…

— Какие именно?

— Что?

— Каких цветов?

— Эм-м… — сказала Маграт. — Ну, я… Фея Тюльпан, а это… — она старалась не смотреть на Матушку, — Фея… Ромашка… а это…

— Фея Ежик, — заявила Нянюшка Ягг.

Такое дополнение к магическому пантеону требовало должного осмысления.

— Ты не можешь быть Феей Ежик, — сказала девочка после раздумий. — Ежик — это не цветок.

— А с чего ты взяла?

— У него колючки!

— Как и у розы. *А еще* у чертополоха.

— А-а…

— А у меня есть волшебная палочка, — вставила Маграт. Только теперь она рискнула поднять глаза на Фею Ромашку.

— Чувствую, мы подружимся, — сказала Матушка Ветровоск. — Побудь тут с этой, как ее, Феей Тюльпан, а мы сходим проверим, как там твоя бабушка. Ладно?

— Спорим, это не настоящая волшебная палочка, — сказала девочка, не обращая на нее внимания. Она обрушила на Маграт свою детскую способность безошибочно находить слабое звено в любой логической цепочке. — И не может превращать всякие штуки в другие штуки…

— Ну… — начала Маграт.

— А вот *спорим*, — продолжила девочка, — *спорим*, что ты вот этот пенек не можешь превратить в… в… в *тыкву!* Ха-ха, спорнем, что ты так не можешь? На триллион долларов спорим, что не превратишь этот пенек в тыкву!

— Вижу, вы двое отлично поладите, — сказала Фея Ежик. — Мы скоро вернемся.

Над лесной тропинкой скользили две метлы.

— Может быть, просто совпадение, — сказала Нянюшка Ягг.

— А вот и нет, — сказала Матушка. — На девоч-

ке даже красная шапочка есть!

— Я тоже носила красную шапочку лет в пятнадцать, — сказала Нянюшка.

— Да, но у тебя бабушка жила через дорогу. Тебе не приходилось беспокоиться о волках, когда ты ходила к ней в гости, — возразила Матушка.

— Кроме старого Сумпкинса, который комнату снимал?

— Да, но это просто совпадение.

Впереди среди деревьев вился голубой дымок. Где-то в другой стороне раздался звук падающего дерева.

— Лесорубы! — сказала Нянюшка. — Если тут лесорубы, все в порядке. Один из них придет на…

— Так только детям рассказывают, — перебила Матушка, ускоряя метлу. — И вообще, бабушке-то это чем поможет? Ее уже съели!

— Всегда ненавидела эту сказку, — сказала Нянюшка. — Всем плевать, что случится с бедной беззащитной старушкой.

Дорожка внезапно оборвалась, выведя их на поляну. В окружении деревьев приютился скромный огородик, на котором пара жалких побегов боролась за редкие лучи солнца. Посреди огорода стояло нечто вроде соломенной хижины — ну, или кто-то очень неумело сложил стог.

Они соскочили с метел, оставили их парить на месте в кустах и заколотили в дверь хижины.

— А вдруг мы опоздали? — волновалась Нянюшка. — Вдруг волк уже…

Но через некоторое время из домика раздались звуки — кто-то дошаркал до двери и приоткрыл ее на щелочку. В полумраке виднелся настороженный глаз.

— Чего вам? — спросил дрожащий голосок обладателя глаза.

— Вы бабушка? — требовательно спросила Матушка Ветровоск.

— А вы сборщики податей, что ли?

— Нет, сударыня, мы…

— Феи, — быстро вставила Фея Ежик.

— Я, милочка, не открываю двери незнакомым, — ответил голос и сварливо добавил: — Особенно тем, кто никогда не моет полы, хотя я им оставляю мисочку почти свежего молока.

— Мы хотели бы поговорить с вами пару минут, — сказала Фея Ромашка.

— Да? А у вас документы есть, милочка?

— Я *так и знала*, это та самая бабушка, — сказала Фея Ежик. — Фамильное сходство налицо. У нее большие уши.

— Так это не у *нее* должны быть большие

уши, — шикнула на нее Фея Ромашка. — Это у волка большие уши. В этом вся суть. Ты чем сказку слушала?

Бабушка наблюдала за ними с интересом. Она всю жизнь верила в фей, но лишь теперь впервые увидела их — и набиралась впечатлений. Матушка Ветровоск заметила ее озадаченный взгляд.

— Вот что, сударыня, — сказала она подавляюще рассудительным тоном, — как бы вам понравилось, если бы вас съел волк?

— Нет уж, милочка, думаю, мне бы это не понравилось, — ответила незримая бабушка.

— У вас на выбор или это, или мы, — сказала Матушка.

— Охо-хонюшки! А вы уверены?

— Честное фейское, — сказала Фея Ежик.

— Ой. Правда? Ну ладно. Заходите. Только без этих ваших фокусов. И не забудьте помыть пол. А у вас горшочков с золотом нет?

— Это у лепреконов же.

— Нет, эти в колодцах живут. Она про гоблинов.

— Не говори ерунды. Гоблины живут под мостами.

— Это тролли! Все знают, что под мостами — тролли.

— В любом случае это не мы.

— Ой, — сказала бабушка. — Я так и подумала.

Маграт нравилось считать, что она ладит с детьми, но она боялась, что это не так. Да она и не любила их особо — и это ее тоже волновало. Нянюшке Ягг как будто без усилий удавалось поладить с детьми, раздавая им то конфетки, то затрещины, а Матушка Ветровоск большую часть времени просто не обращала на них внимания, и это, как ни странно, тоже работало. Но Маграт-то *заботилась* о них. Это было нечестно.

— Спорим на миллион триллионов триллиардов долларов, что ты *вот этот* куст не превратишь в тыкву! — сказала девочка.

— Но ведь все предыдущие превратились, — напомнила ей Маграт.

— Ну, должно же это когда-нибудь не сработать, — спокойно ответила девочка.

Маграт беспомощно посмотрела на волшебную палочку. Она перепробовала все: загадывала желания, шептала их и даже, когда другие ведьмы были за пределами слышимости, стучала ею о предметы и кричала: «Что угодно, кроме тыкв!»

— Ты же не знаешь, как это делается, правда? — заявила девочка.

— Поясни-ка вот что, — сказала Маграт. — Ты

говорила, что маменька знает про страшного серого волка в лесу, так?

— Верно.

— И *все равно* она послала тебя одну отнести гостинцы бабушке?

— Да. А что?

— Ничего. Просто подумалось. Кстати, ты должна мне миллион триллионов триллиардов долларов.

Общество ведьм чем-то напоминает масонскую ложу, с той разницей, что для вступления не надо стоять на одной ноге или произносить всякие клятвы. Попав в хижину и поставив чайник на огонь, Нянюшка Ягг ощутила себя как дома. Грибо растянулся перед слабым огоньком в очаге и задремал, пока ведьмы пытались объясниться.

— Не представляю, как волк мог бы сюда забраться, милочка, — мягко заявила бабушка. — В смысле, это же волк. Волки не умеют открывать двери.

Матушка Ветровоск отодвинула ветхую занавеску и оглядела поляну.

— Мы знаем, — сказала она.

Нянюшка Ягг кивнула на кроватку в нише у очага.

— Вы тут всегда спите? — спросила она.

— Когда плохо себя чувствую, милочка. А в остальное время я сплю на чердаке.

— На вашем месте я бы поднялась туда. И, будьте добры, прихватите моего котика. Не хватало еще, чтобы он лез под ноги.

— А, теперь вы уберетесь тут и перемоете все за блюдечко молока? — с надеждой спросила бабушка.

— Может, и так. Кто знает?

— Забавно, милочка. А я думала, вы поменьше ростом…

— Часто бываем на свежем воздухе, вот и подросли, — пояснила Нянюшка. — А теперь вам пора.

Ведьмы остались одни. Матушка Ветровоск оглядела комнату, похожую на пещеру. Солому на полу давно пора было отправить в компост. Паутина на потолке потемнела от сажи.

Прибраться в этом доме можно было разве что лопатой — или уж сразу спичкой для простоты.

— Кстати, забавно, — сказала Нянюшка, когда старушка поднялась по скрипучей лестнице. — Она же младше меня. Вот что значит физические упражнения.

— Да ты в жизни даже зарядки не сделала, — возразила Матушка, продолжая вглядываться

в кусты. — Ты никогда не делала того, чего не хочешь.

— О том и речь, — весело ответила Нянюшка. — Слушай, Эсме, я все-таки думаю, что это может быть просто…

— А вот и нет! Я *чую* сказку. Кто-то воплощает сказки в реальность в этих краях, я чую.

— И ты знаешь, кто это. Верно, Эсме? — лукаво спросила Нянюшка.

Она увидела, как Матушка затравленно огляделa покосившиеся стены.

— Полагаю, бедняжка не может позволить себе зеркало, — сказала Нянюшка. — Эсме, я ж не слепая. И я знаю, что зеркала и феи-крестные связаны. Так что тут творится?

— Я лучше промолчу. Не хочу выглядеть дурой, если ошибусь. Я не собираюсь… что-то происходит!

Нянюшка Ягг прижалась носом к грязному окну.

— Ни черта не вижу.

— Кусты шевельнулись. Ложись в кровать!

— Я? Я думала, это ты ляжешь в кровать!

— Понятия не имею, с чего ты так подумала.

— Ага. Честно говоря, я и сама не знаю, — вздохнула Нянюшка. Она сняла ночной чепчик со

спинки кровати, надела его и залезла под лоскутное одеяло.

— Черт, у нее матрас набит соломой!

— Тебе на нем недолго лежать.

— Он колется! И по-моему, в нем что-то *живое*.

Что-то ударилось в стену хижины. Ведьмы притихли.

У черного хода кто-то принюхался.

— Знаешь, — прошептала Нянюшка, пока они ждали, — мыть дом будет просто ужас. Дров нет. Еды почти нет. А вон в том кувшине молоко уже почти заговорило…

Матушка быстро скользнула через комнату к очагу, а затем снова к своему посту у передней двери.

Через мгновение по щеколде поскреблись — будто кто-то не умел обращаться либо с дверьми, либо с пальцами.

Дверь медленно, со скрипом, отворилась.

Дом наполнил густой запах псины.

Неуверенные шаги пересекли комнату, направляясь к фигуре, свернувшейся под одеялом.

Нянюшка приподняла чепчик ровно настолько, чтобы посмотреть.

— Ой, штой-та, — сказала она и добавила: — Ух ты, батюшки, я и не замечала, *какие* у тебя боль-

шие зубы…

Матушка Ветровоск захлопнула дверь и резко шагнула вперед. Волк резко обернулся и заслонился лапой.

— Ниииееееет!

Матушка помедлила мгновение, а затем со всей силы огрела его чугунной сковородой.

Волк рухнул.

Нянюшка Ягг спустила ноги с кровати.

— Когда такое случилось под Скундом, все говорили, мол, это оборотень или что-то такое, а я подумала: нет, оборотни же не такие, — сказала она. — Я и подумать не могла, что это настоящий волк. Напугал меня до икоты.

— Настоящие волки не ходят на задних лапах и не открывают двери, — сказала Матушка Ветровоск. — Ладно, помоги мне его вытащить.

— Жуткое дело: гляжу, а на меня движется такая здоровая мохнатая тварь с зубищами, — сказала Нянюшка, подбирая оглушенного зверя за ноги. — Ты знала старого Сумпкинса?

Волк действительно выглядел как обыкновенный, только тощее обычного. Под кожей виднелись ребра, а мех был всклокочен. Матушка набрала ведерко мутной воды из колодца у нужника и вылила ему на голову.

Затем она села на пенек и принялась его разглядывать. Высоко в ветвях пели птички.

— Он разговаривал, — сказала она. — Пытался сказать «нет».

— Я тоже так подумала, — сказала Нянюшка. — Но решила, что мне почудилось.

— Нечему тут чудиться, — сказала Матушка. — Дела и без того плохи.

Волк застонал. Матушка передала сковороду Нянюшке Ягг.

Помолчав, она сказала:

— Думаю, мне придется заглянуть ему в голову.

Нянюшка Ягг покачала головой:

— На твоем месте я бы этого не делала.

— Но на моем месте — я, а мне нужно знать. Так что стой рядом и держи сковородку.

Нянюшка пожала плечами.

Матушка сосредоточилась.

Человеческие мысли читать очень сложно. Большинство людей думает о стольких вещах одновременно, что практически невозможно вычленить одну струйку из потока.

Мысли зверей — другое дело. Они куда менее запутанны. Самые простые — у хищников, особенно голодных. В мире их разума нет цветов, но,

если бы были, разум голодного хищника был бы горячим, лиловым и острым, как стрела. Мысли травоядных тоже простые — сжатые кольца серебристых пружин, готовых к бегству.

Но тут не было нормального разума. Тут их было два.

Матушка порой читала мысли охотников в лесу, сидя тихим вечерком и отпуская разум на волю. Лишь изредка в их головах творилось такое — или хотя бы что-то отдаленно похожее. Лишь изредка, когда охотник собирался убить, поток случайных мыслей сливался воедино. Но тут все было не так. Тут все было наоборот — разум был расколот, и идеальное острие инстинктов хищника расщеплялось на неуклюжие порывы осмысления. Разум этого хищника пытался *думать*.

Неудивительно, что он свихнулся.

Она открыла глаза.

Нянюшка Ягг держала сковороду над головой. Рука у нее дрожала.

— Ну, — сказала она, — и кто там?

— Мне бы стакан воды, — сказала Матушка. Из хаоса в ее голове всплыл инстинкт самосохранения: — Только не из этого колодца, пожалуйста.

Нянюшка слегка успокоилась. Когда ведьма

начинает копаться в чужом разуме, никогда не знаешь, кто именно вернется. Но Матушка Ветровоск была в этом лучшей. Маграт вечно пыталась найти себя, но Матушка даже не понимала, что такое искать. Если когда-нибудь она не сможет найти дорогу обратно в свою голову, значит, дороги просто нет.

— Есть еще то молоко в хижине, — напомнила Нянюшка.

— А какого оно там цвета?

— Ну… пока еще довольно белое.

— Ладно.

Убедившись, что Нянюшка Ягг уже точно не смотрит, Матушка позволила себе слегка вздрогнуть.

Она глядела на волка, гадая, что может для него сделать. Нормальный волк не вошел бы в хижину, даже если сумел бы открыть дверь. Волки вообще не подходят к людскому жилью, если только их не целая стая, а на дворе не конец особо лютой зимы. И дело не в том, что они большие, злые и страшные, а в том, что они волки.

А этот волк пытался вести себя как человек.

Возможно, это неизлечимо.

— Вот твое молочко, — сказала Нянюшка Ягг.

Матушка протянула руку и взяла кувшин не

глядя.

— Кто-то заставил этого волка считать себя человеком, — сказала она. — Его заставили считать себя человеком и больше о нем не вспоминали. Это случилось несколько лет назад.

— Как ты узнала?

— У меня… его воспоминания, — сказала Матушка. «А еще инстинкты», — подумала она. Теперь пройдет несколько дней, прежде чем ее покинет желание гоняться за санями по снегу.

— Ого.

— Он завис между двумя видами. У себя в голове.

— Можем мы ему помочь? — спросила Нянюшка.

Матушка покачала головой.

— Он пробыл таким слишком долго. Теперь он к этому привык. И оголодал. Ни в одну сторону не может, ни в другую. Не может вести себя как волк, но и не справляется с тем, чтобы стать человеком. Так не может больше продолжаться.

Она подняла глаза на Нянюшку в первый раз. Нянюшка отшатнулась.

— Ты представить себе не можешь, что он чувствует, — сказала она. — Бродит по лесу годами. Не умеет вести себя как человек, но и волком

быть не может. Ты просто не представляешь, каково это.

— Кажется, представляю, — сказала Нянюшка. — По твоему лицу. Могу догадаться. Кто же такое с бедняжкой сделал?

— У меня есть подозрения.

Они обернулись.

К ним приближались Маграт и девочка. За ними шел один из лесорубов.

— Ха! — сказала Матушка. — Ну да. Конечно. Всегда должен быть, — она процедила это с презрением, — «счастливый конец».

Лапа попыталась сжать ее лодыжку.

Матушка Ветровоск поглядела в морду волку.

— Пжаааалста, — прохрипел он. — Кхонееец? Щщщасс?

Она опустилась на колени и взяла его за лапу.

— Точно? — спросила она.

— Дхаааааа!

Она встала с властным видом и обратилась к подошедшей троице:

— Господин лесоруб? — сказала она. — Тут для вас работенка…

Лесоруб так и не понял, почему волк сам с готовностью положил голову на пенек.

И почему старуха, в которой гнев клокотал, как

перловка в котле, заставила его похоронить зверя с честью, а не освежевать и выбросить в кусты. Она на этом твердо настаивала.

Таков был конец злого и страшного серого волка.

Прошел час. В хижину явились еще несколько лесорубов, понявших, что тут происходит что-то интересное. А рубка леса — такая работа, где разнообразие лишним не бывает.

Маграт мыла пол, прибегая к скромной магической помощи ведра с мыльной водой и щетки. Даже Нянюшка Ягг, которая потеряла остатки интереса к роли домохозяйки, как только ее старшая дочь достаточно подросла, чтобы держать швабру, взялась мыть стены. Старая бабушка, не вполне понимая, что происходит, с нетерпением ходила за ними с блюдечком молока. Пауки, унаследовавшие потолок от многих поколений предков, были вежливо, но твердо выставлены за дверь.

А Матушка Ветровоск бродила по поляне с главным лесорубом — молодым верзилой, который напрасно считал, что круто смотрится в клепаных кожаных напульсниках.

— Он тут годами бродил, ага, — сказал он. — Шастал за околицей, угу.

— А вы не пытались поговорить с ним? — спросила Матушка.

— Поговорить с кем? Это же *волк*, ага? С *волками* не разговаривают. Звери говорить не умеют.

— Хм-м. Понимаю. А что насчет бабушки? Тут у вас целая толпа лесорубов. Вы хоть иногда, не знаю, заглядывали к ней?

— Э-э? Не, ни в жисть.

— Почему?

Главный лесоруб заговорщицки склонился к ней.

— Ну, знаете, поговаривают, что она ведьма, ага?

— Правда? — удивилась Матушка. — А откуда вы знаете?

— Все приметы налицо, ага?

— Это какие же?

Лесоруб вдруг слегка поежился.

— Ну… она… она живет одна в лесу, ага?

— Так?

— И… и… и у нее нос крючком, и про себя что-то бормочет…

— Так?..

— И зубов у нее нет, ага?

— Страсти-то какие, — сказала Матушка. — Кажется, я понимаю: вы не хотите иметь дело с

такими, как она, ага?

— Ага! — облегченно выдохнул лесоруб.

— А то ведь она вас может превратить во что угодно одним только взглядом, ага? — Матушка сунула палец в ухо и задумчиво поковыряла.

— Они такое умеют, знаете ли.

— Да уж наверняка. Уж наверняка, — сказала Матушка. — Хорошо, что рядом со мной такие крепкие здоровые парни. Тц-тц. Хм-м. Можно взглянуть на твой колун, юноша?

Он передал ей топор. Матушка театрально согнулась под его тяжестью. На лезвии еще остались следы волчьей крови.

— Охо-хонюшки, какой же он здоровенный, — сказала она. — А ты, небось, ловко с ним обращаешься.

— Два года подряд завоевывал серебряный пояс на лесных играх, — с гордостью заявил лесоруб.

— Два года подряд? Два года подряд? Батюшки! Вот *это* здорово. Это *очень* здорово. А мне его и поднять-то тяжко, — Матушка взяла топор одной рукой и неловко махнула им. Лесоруб отскочил: лезвие просвистело мимо его лица и на четверть дюйма погрузилось в ствол дерева.

— Ой, прости, — сказала Матушка Ветровоск. — Вот же я глупая старуха! Не владею я этой вашей

техникой!

Он усмехнулся в ответ и попытался выдернуть топор.

Затем осел на колени, внезапно побледнев.

Матушка наклонилась к его уху.

— Вы могли бы навещать старушку, — прошептала она. — Могли поговорить с волком. Но не стали, ага?

Он попытался ответить, но зубы упорно не хотели разжиматься.

— Вижу, ты об этом очень сожалеешь, — сказала она. — Вижу, что ты осознал неправедность путей своих. Держу пари, что тебе не терпится починить ей хижину, навести порядок в огороде и проследить, чтобы у нее каждый день было свежее молоко и достаточно дров, ага? Пожалуй, я даже не удивлюсь, если ты великодушно построишь ей *новый* домик, с хорошим колодцем и всем таким. Где-нибудь поближе к деревне, чтобы ей не приходилось жить одной, ага? Знаешь, я порой предвижу будущее, и я точно *знаю*, что это сбудется, *ага*?

По его лицу катил пот. Теперь и легкие отказывались работать.

— И я уверена, что ты сдержишь свое слово, и я так этим довольна, что прослежу, чтобы тебе

всегда везло, — продолжала Матушка все тем же ласковым тоном. — Знаю, лес рубить — работенка-то опасная. Люди на ней калечатся. Бывает, деревья на них падают или свой же топор отскочит, да и отрубит голову, — лесоруба пробил озноб, а Матушка продолжала: — Так вот, я сотворю небольшое заклинаньице, чтобы ничего такого с тобой не случилось. Потому что я так тебе благодарна. За то, что помогаешь старушке. Ага? Просто кивни.

Ему удалось еле заметно двинуть головой. Матушка Ветровоск улыбнулась.

— Вот! — сказала она, выпрямилась и стряхнула с платья палые листья. — Не правда ли, жизнь может быть очень славной, если все будут друг другу помогать?

К обеду ведьмы отправились в путь. К тому времени огород бабушки был полон народу, а воздух дрожал от шума пил и молотков. Новости о Матушке Ветровоск разносятся быстро. Трое лесорубов вскапывали грядки, еще двое с трудом вычищали дымоход, а четверо с поразительной скоростью копали новый колодец.

Бабушка-старушка была из тех, кто держится за одну идею, пока другая силой ее не вытеснит, а потому блюдечки для молока у нее уже кон-

чались.

Ведьмы ускользнули под шумок.

— Вот, — сказала Маграт, шагая с остальными по тропе, — видите, как люди готовы прийти на помощь, стоит только подать им пример. Не обязательно, знаете ли, все время их запугивать.

Нянюшка Ягг покосилась на Матушку.

— Я вижу, ты потолковала с главным лесорубом, — сказала она. — О чем вы там беседовали?

— Про опилки, — ответила Матушка.

— Да ну?

— А *мне* один лесоруб сказал, — вставила Маграт, — что в этом лесу и другие странности творятся. Говорят, звери ведут себя как люди. Тут неподалеку одно время жила семья медведей.

— Ничего удивительного, что медведи живут семьей, — сказала Нянюшка. — Они общественные животные.

— В домике?

– *Вот это* уже странно.

— О том и речь, — сказала Маграт.

— Да уж, неловко им было ходить по соседям, чтобы одолжить чашечку сахару, — сказала Нянюшка. — Думаю, соседи бы им сказали пару ласковых.

— Да, — сказала Маграт. — Они сказали «хрю-

хрю».

— С чего бы это они сказали «хрю-хрю»?

— Просто ничего другого они сказать не могли. Свиньи они были.

— У нас были такие соседи, когда мы жили в… — начала было Нянюшка.

— В смысле *свиньи*. Хрюшки. Ну, знаете, четыре копыта? Хвост колечком? То, чем был бекон при жизни? Свиньи.

— Не представляю, кто пустил свиней жить в дом, — сказала Матушка.

— А он и не сказал, что их пустили. Они сами построили домик. Их было трое. Поросят.

— И куда они делись? — спросила Нянюшка.

— Волк их съел. Видимо, это были единственные достаточно тупые животные, чтобы подпустить его к себе. От них ничего не осталось, кроме строительных мастерков.

— Ужас какой.

— Лесоруб, кстати, сказал, что дома они строили из рук вон плохие.

— Ну, а чего от них ожидать? У них же копытца и все такое, — сказала Нянюшка.

— Говорит, крыша ужасно текла прямо у него над кроватью.

Какое-то время ведьмы шли молча.

— Помню, как-то раз слышала, — сказала Нянюшка, осторожно косясь на Матушку Ветровоск, — про одну чародейку в стародавние времена, которая жила на острове, а когда на берег выбрасывало моряков после кораблекрушений, она их превращала в свиней.

— Кошмар, как так можно делать, — сказала Маграт в тон ей.

— Думаю, она пыталась раскрыть, кто они *на самом деле* внутри, — сказала Нянюшка. — В смысле, вы только взгляните на Грибо! — Грибо урчал, обвив ее плечи как вонючая горжетка. — Он почти как человек.

— Какую чепуху ты мелешь, Гита, — сказала Матушка Ветровоск.

— А все потому, что некоторые не рассказывают, что тут на самом деле творится, — проворчала Нянюшка Ягг.

— Я же сказала, я не уверена, — ответила Матушка.

— Ты заглянула в разум волка.

— Да. Так и есть.

— Ну и…

Матушка вздохнула:

— Кто-то побывал в нем до нас. Прошел сквозь него. Кто-то, кто знает силу сказок и пользуется

ей. И эти сказки как бы… пустили корни. Они так делают, если их питать…

— Зачем так делать? — сказала Нянюшка.

— Для тренировки, — сказала Матушка.

— Тренировки? Чего? — сказала Маграт.

— Полагаю, мы скоро сами узнаем, — загадочно ответила Матушка.

— Вы должны рассказать мне, что думаете, — потребовала Маграт. — *Я* здесь официальная фея-крестная, вообще-то. Меня нужно держать в курсе. Вы должны мне все рассказать.

Нянюшку Ягг пробил озноб. Они ступили на ту эмоциональную территорию, которая ей, как главе семейства Яггов, была слишком хорошо знакома. Такие заявления в такие моменты были как крошечный комочек снега, который упал с верхушки дерева высоко в горах во время оттепели. Именно такого рода вещи запускали цепочку событий, в результате которой дюжина деревень окажется погребена под снегом. Целые ветви семейства Яггов перестали разговаривать с другими ветвями Яггов из-за слов «*Спасибо большое!*», сказанных не тем тоном не в тот момент. А тут дело было куда хуже.

— Слушайте, — поспешно вставила она, — а что, если нам…

— Я никому ничего не обязана объяснять, — сказала Матушка Ветровоск.

— Но мы же вроде как три ведьмы, — сказала Маграт. — Если, конечно, считать нас ведьмами, — добавила она.

— Что ты хочешь этим сказать, любезная? — сказала Матушка.

«Любезная», — подумала Нянюшка. Кто-то использовал слово «любезная»? Это все равно что дать по морде перчаткой, а потом бросить ее на пол. Когда дело дошло до «любезных», пути к отступлению нет. Но она все же попыталась.

— А давайте мы просто…

Но Маграт ринулась напролом с отчаянной отвагой — так пляшут в свете горящих мостов.

— Что ж, — сказала она, — *мне* кажется…

— Так-так? — сказала Матушка.

– *Мне* кажется, — снова начала Маграт, — что вся *магия*, которую мы творим, это просто головология. Не то, что остальные называют магией. Мы просто пялимся на людей и морочим им головы. Пользуемся их доверчивостью. Я не этого ожидала, когда *я* решила стать ведьмой…

— А кто тебе сказал, — медленно и с расстановкой сказала Матушка Ветровоск, — что ты уже стала ведьмой?

— Слушайте, тут такой ветер поднимается, может, нам стоит… — вставила Нянюшка Ягг.

– *Что* вы сказали? — опешила Маграт.

Нянюшка Ягг закрыла рукой лицо. Просить кого-то повторить возмутительную фразу, которую вы отлично расслышали — это на языке перебранки равносильно объявлению ядерной войны.

— Мне кажется, я говорила достаточно внятно, — сказала Матушка. — Меня удивляет, что ты меня не расслышала. *Мне* все было слышно очень четко.

— Кажется, буря собирается, может, мы…

— Что ж, видимо, я оказалась недостаточно самодовольной, сварливой и равнодушной, чтобы считаться ведьмой, — сказала Маграт. — Это же все, что нужно, не так ли?

— Равнодушная? *Я*?

— Вам просто нравится, когда людям нужна помощь, потому что в этот момент они слабы, и, помогая им, вы ощущаете себя *сильной*! Ну что плохого в капельке магии?

— Потому что капелькой дело никогда не ограничивается, глупая девчонка!

Маграт отпрянула, покраснев до кончиков волос. Она пошарила в сумке и вытянула тонкий

томик, который держала как оружие.

— Может, и глупая, — огрызнулась она, — но я хотя бы учусь новому! Представляете, сколько пользы могла бы принести людям магия? Магия, а не просто иллюзии и угрозы! Вот книга про людей, которые умеют… умеют… ходить по горячим углям и совать руки в огонь и не обжигаться!

— Дешевые фокусы! — отрезала Матушка.

— Они правда так умеют!

— Невозможно. Никто так не может.

— Там сказано, что они умеют управлять вещами! Магия не должна ограничиваться только тем, что много знаешь и манипулируешь людьми!

— Да ну? А что нужно, загадывать желания под звездами и сыпать блестящей пыльцой, да? *Причинять* людям счастье?

— Должно быть и такое! А иначе какой смысл *во всем этом*? И вообще… когда я пришла в домик Дезидераты, вы же искали палочку, верно?

— Чтобы она не попала в дурные руки!

— То есть в любые руки, кроме ваших, не так ли!

Они уставились друг на друга.

— Есть у вас в душе хоть немного романтики? — с жалостью произнесла Маграт.

— Нет, — отрезала Матушка. — Ни капли. И

звездам плевать на твои желания, и магия не делает жизнь лучше, и, если кто-то сунет руку в огонь, он обожжется. Если хочешь хоть чего-то добиться как ведьма, Маграт Чесногк, надо знать три вещи. Что реально, что нереально и в чем между ними разница…

— И уточнять имя и адрес юноши, — добавила Нянюшка. — Мне это всегда помогало. Шучу, шучу, — осеклась она, когда обе спутницы уставились на нее.

На опушке в самом деле поднимался ветер. В воздухе кружили травинки и листья.

— Но главное, мы правильно идем, — сказала Нянюшка, отчаянно пытаясь отвлечь их чем-то. — Гляньте. На указателе написано «Орлея».

И верно, на опушке леса стоял старый, поеденный червями указатель. Стрелка на нем была вырезана в форме указующего перста.

— И дорога мощеная, — продолжала ворковать Нянюшка. Ссора немного улеглась хотя бы потому, что участницы друг с другом больше не разговаривали. Не просто не обменивались устными сообщениями — это было бы просто отсутствие разговора. Нет, они пошли куда дальше — за грань, в тот жуткий край, что зовется «Мы Друг С Другом Не Разговариваем».

— Желтыми кирпичами, — продолжила Нянюшка. — Ну, где это слыхано, чтобы дорогу мостили желтыми кирпичами?

Маграт и Матушка Ветровоск продолжали смотреть в противоположные стороны, скрестив руки на груди.

— Видать, чтобы поярче и повеселее было, — сказала Нянюшка. На горизонте среди зеленых кущ мерцала Орлея. Впереди дорога спускалась в широкую долину, испещренную деревушками. Между ними петляла река, направляясь к городу.

Ветер трепал их юбки.

— При такой буре нам ни за что не полететь, — сказала Нянюшка, по женской натуре пытаясь поддерживать разговор за троих. — Так что придется пешочком, да? — сказала она и добавила, поскольку даже в невинной душе Нянюшки Ягг есть место злорадству: — Заодно споем по дороге, а?

— Полагаю, не моего ума дело, что там решат другие, — сказала Матушка. — Это меня не касается. Тут у *некоторых* и палочки, и гениальные идеи — может, им есть что сказать.

— Хо! — фыркнула Маграт.

Они отправились по кирпичной дороге к горо-

ду вдали — нестройной колонной с Нянюшкой Ягг в роли буферного государства в центре.

— Некоторым, — сказала Маграт вселенной в целом, — не помешало бы иметь сердце.

— Некоторым, — сказала Матушка Ветровоск грозовым небесам, — не помешало бы иметь мозги.

И тут же схватилась за шляпу, которую чуть не сдул ветер.

«А что *мне* не помешало бы, — отчаянно подумала Нянюшка Ягг, — так это выпить».

Через три минуты ей на голову рухнул домик.

К тому времени ведьмы уже прилично отошли друг от друга. Матушка Ветровоск шагала впереди, Маграт тащилась в арьергарде, а Нянюшка шла посередине.

Позже она утверждала, что даже практически не пела. Просто в один миг на дороге была низенькая пухлая ведьма, а в следующий — развалины деревянного домика.

Матушка Ветровоск обернулась — и уткнулась в ветхую некрашеную переднюю дверь. Маграт с разбегу чуть не врезалась в заднюю дверь из таких же выцветших серых досок.

Не было ни звука, кроме треска оседающих бревен.

— Гита? — сказала Матушка.

— Нянюшка? — сказала Маграт.

Обе распахнули каждая свою дверь.

Домик был устроен очень просто: две комнаты внизу, разделенные коридором от парадного до черного хода. Посреди коридора в окружении сломанных, изъеденных термитами половиц, в острой шляпе, съехавшей до самого подбородка, сидела Нянюшка Ягг. От Грибо не было ни следа.

— Чой-то было? — спросила она. — Чой-то было?

— Вам на голову упал домик, — подсказала Маграт.

— А, ясно, бывает, — неопределенно сказала Нянюшка.

Матушка схватила ее за плечи.

— Гита! Сколько пальцев я показываю? — поспешно спросила она.

— Ш-шо, каких пальцев? Тут темнотища же.

Маграт и Матушка схватились за поля Нянюшкиной шляпы и сняли — или, скорее, свинтили ее с головы. Нянюшка уставилась на них, моргая.

— Это все ивовый каркас, — сказала она, а остроконечная шляпа со скрипом приняла прежнюю форму, словно воскресший зонтик. Нянюшку слегка пошатывало. — Шляпа с таким каркасом

даже удар молотом выдержит. Вот, гляньте: эти прутики распределяют нагрузку. Надо бы написать господину Вернисажу.

Потрясенная Маграт оглядывала домик.

— Он рухнул прямо с неба! — сказала она.

— Наверное, где-то был смерч или что-то такое, — сказала Нянюшка Ягг. — Подхватил домик, понес, потом ветер ослаб, и он хлоп на землю. Удивительные дела бывают при сильном ветре. Помнишь, в прошлом году буря была? Так у меня после этого курочка снесла одно и то же яйцо четырежды.

— Она бредит, — сказала Маграт.

— Вот и нет, я всегда так разговариваю, — возразила Нянюшка.

Матушка Ветровоск заглянула в одну из комнат:

— Подозреваю, что в этом доме не найдется еды или питья? — сказала она.

— Думаю, я могла бы запихнуть в себя стопочку коньяку, — поспешно добавила Нянюшка.

Маграт поднялась по лестнице.

— Ау-у, — окликнула она сдавленным голосом человека, который хочет, чтобы его услышали, но считает неприличным повышать голос. — Есть тут кто?

Нянюшка же заглянула под лестницу. В уголке мохнатым шариком свернулся Грибо. Она взяла его за шкирку и слегка растерянно погладила. Несмотря на шляпный шедевр господина Вернисажа, несмотря на проеденный термитами пол и даже несмотря на прославленные крепкие черепа Яггов, она чувствовала, что до полного блеска ей не хватает нескольких искорок. Ее неизменно бойкий дух впервые столкнулся с тоской по дому. Дома ее никто не бил по голове летающими домиками.

— Знаешь, Грибо, — сказала она, — похоже, мы уже не в Ланкре.

— Я нашла повидло, — крикнула Матушка Ветровоск из кухни.

Нянюшке Ягг требовалось немного, чтобы поднять дух.

— Прекрасно, — откликнулась она. — Можем намазать его на гномий хлеб.

В комнату вошла Маграт.

— Не уверена, что мы вправе отбирать чужую провизию, — сказала она. — В смысле, домик же кому-то принадлежит.

— Ой. Кто-то что-то сказал, Гита? — лукаво протянула Матушка Ветровоск.

Нянюшка закатила глаза.

— Я просто говорю, Нянюшка, — продолжила Маграт, — что это не наша собственность.

— Она говорит, это не наше, Эсме, — сказала Нянюшка.

— Скажи тем, кто готов тебя слушать, Гита, что это как обломки кораблекрушения, — сказала Матушка.

— Она говорит: что нашел, то мое, Маграт, — сказала Нянюшка.

Что-то мелькнуло в окне. Маграт подошла и выглянула в грязное стекло.

— Странно. Там вокруг домика пляшет целая толпа гномов, — сказала она.

— Да ну? — сказала Нянюшка, открывая буфет.

Матушка напряглась:

— А они… в смысле, спроси ее, поют ли они.

— Они поют, Маграт?

— Я что-то слышу, — сказала Маграт. — Звучит как «динь-дон, динь-дон».

— Все верно, типичная гномья песня, — сказала Нянюшка. — Только этот народ и может до вечера тянуть одно и то же «хай-хо».

— Они, похоже, очень довольны, — с удивлением отметила Маграт.

— Наверное, это был их домик, и они рады, что он вернулся.

В заднюю дверь заколотили. Маграт открыла. Толпа ярко одетых и смущенных гномов резко отступила, разглядывая ее.

— Эм-м, — сказал один из них, по-видимому, вожак, — это… а старая ведьма умерла?

— Которая из старых ведьм? — уточнила Маграт.

Гном уставился на нее с разинутым ртом. Затем отвернулся и шепотом посоветовался с товарищами. Затем снова повернулся.

— А их много?

— Есть две на выбор, — сказала Маграт. Она была не в духе и не настроена поддерживать разговор сверх необходимого. Но непривычная язвительность вынудила ее добавить: — К вашим услугам.

— Ой, — гном задумался. — Та ведьма, на которую упал домик?

— Нянюшка? Нет, она жива. Просто немножко в шоке. Но спасибо, что беспокоитесь, — сказала Маграт. — Очень мило с вашей стороны.

Это, похоже, смутило гномов. Они снова собрались в кружок и принялись спорить шепотом.

Затем главный гном вновь обернулся на Маграт. Он снял каску и нервно вертел ее в руках снова и снова.

— Эм-м, — сказал он, — а можно, мы заберем ее башмачки?

— Что?

— Ее башмачки. — Гном покраснел. — Можно нам забрать их?

— Зачем вам ее башмаки?

Гном поглядел на нее. Затем отвернулся и снова пошушукался с товарищами. Снова обернулся на Маграт.

— Ну, просто… у нас такое чувство… что нам нужно взять ее башмачки.

Он стоял, глупо моргая.

— Что ж, я схожу спрошу, — ответила Маграт. — Но не думаю, что она согласится.

Она пошла обратно к двери, а гном все вертел каску в руках.

— Они рубинового цвета, верно? — спросил он.

— Ну, они красные, — сказала Маграт. — Красные подойдут?

— Да, должны быть красные, — остальные гномы закивали. — Плохо, если они не красные.

Маграт недоуменно взглянула на него и закрыла дверь.

— Нянюшка, — медленно сказала она, вернувшись на кухню, — тут снаружи гномы просят ваши башмаки.

Нянюшка подняла глаза. Она нашла в буфете черствую буханку и теперь усердно ее жевала. Поразительно, чего только не съешь, если единственная альтернатива — гномий хлеб.

— И зачем это им? — спросила она.

— Не сказали. Говорят, у них такое чувство, что им нужны ваши башмаки.

— Как по мне, звучит крайне подозрительно, — сказала Матушка.

— Старик Тряскер Свистли из Рыбьих Ручьев был прямо помешан на башмаках, — сказала Нянюшка, откладывая нож для хлеба. — Особенно с черными пуговицами. Он их коллекционировал. Как пройдешь мимо него в обновке, так его ноги не держали, уходил прилечь.

— Полагаю, это чересчур *изощренно* для гномов, — сказала Матушка.

— А может, они из них пить собрались, — сказала Нянюшка.

— В смысле, как это — пить из них? — удивилась Маграт.

— Ой, ну ты знаешь, они так делают в заграницe, — сказала Нянюшка. — Пьют игристое вино из дамских туфелек.

Все трое поглядели на Нянюшкины башмаки.

Даже сама Нянюшка не могла представить, кто

вздумал бы пить из них и что бы с ним после этого стало.

— Ну ладно. Это еще изощреннее, чем со старым Свистли, — разумно признала Нянюшка.

— Они и сами как будто этим удивлены, — отметила Маграт.

— Да уж наверняка. Нечасто у людей возникает чувство, что им надо куда-то пойти и стащить башмаки у почтенной ведьмы. Опять попахивает какой-то сказкой. Думаю, — сказала Матушка Ветровоск, — нам надо пойти и поговорить с этими гномами.

Она вышла в коридор и открыла дверь.

— Итак? — вопросила она.

Гномы отпрянули при виде нее. Они долго шушукались и толкали друг друга локтями, из кружка доносились сдавленные шепотки на тему «Нет, ты» и «Я в прошлый раз спрашивал». Наконец из толпы вытолкнули одного гнома. Может, даже того же самого. Гномов трудно различать.

— Эм-м, — сказал он. — Эм-м. Башмачки?

— Зачем? — сказала Матушка.

Гном почесал голову.

— Провалиться мне, если знаю, — сказал он. — Мы сами над этим голову ломаем, если начистоту. Шли мы, значит, со смены в угольной шахте

полчаса назад, увидели, как домик упал на… на ведьму, и… вот…

— И вы *сразу поняли*, что надо подбежать и украсть у нее башмаки? — сказала Матушка.

Гном облегченно расплылся в улыбке.

— Вот именно! — сказал он. — И еще петь «дин-дон». Только ее должно было раздавить. Вы уж извините, — поспешно добавил он.

— Это все ивовый каркас, — раздался голос из-за Матушкиной спины. — Такой ценится на вес золта.

Матушка поразглядывала их, а затем улыбнулась.

— Знаете что, парни, заходите-ка в дом, — сказала она. — Хочу вас кое о чем расспросить.

Гномы колебались.

— Эм-м, — сказал гном-делегат.

— Боитесь входить в домик с ведьмами? — спросила Матушка Ветровоск.

Делегат кивнул и густо покраснел. Маграт и Нянюшка Ягг переглянулись за спиной Матушки. Что-то где-то явно пошло не так. В горах гномы не боялись ведьм. Труднее всего было помешать им копать у тебя в подвале.

— Похоже, вы давненько не были в горах, — сказала Матушка.

— Да уж очень богатые тут, в долине, залежи угля, — пробормотал гном-делегат, вертя в руках каску.

— А значит, давненько не пробовали хорошего гномьего хлеба, — сказала Матушка.

Очи делегата заволокла слеза.

— Испеченного из мельчайшей каменной пыли, прямо как матушка делала, — продолжила Матушка.

Гномы издали нечто вроде коллективного вздоха.

— Тут в низинах такого не делают, — сказал гном-делегат, глядя в землю. — То ли вода не та, то ли что. Рассыпается всего через несколько лет.

— Они в него *муку* кладут, — хмуро сказал кто-то сзади.

— Хуже того. Пекари в Орлее в него сухофрукты суют, — добавил другой гном.

— Что ж, — сказала Матушка, сложив руки. — В этом я вам могу помочь. У нас найдется лишний гномий хлебушек.

— Не-е. Откуда у вас настоящий гномий хлеб? — проворчал делегат. — Настоящий гномий хлеб надо ронять в реку и высушивать, сидеть на нем, бросать его, глядеть на него каждый день и откладывать в сторону. Такого тут не встретишь.

— В таком случае, — сказала Матушка Ветровоск, — сегодня ваш счастливый день.

— Честно говоря, — добавила Нянюшка Ягг, — кажется, на него котик пописал.

Гном-делегат с восторгом поднял горящие глаза.

— Да чтоб меня!

Милый Джейсон и все-все-все.

Жисть у нас тут кипит всякое происходит, говорячие волки там всякие, девушки спят в замках, вообщем как приеду понарасскажу вам интересново. Токмо про домики меня не спрашивайте, и кстати пошлите кого-нить к г-ну Вернисажу в Ломоть и передайте комплюменты от г-жи Ягг за отличные шляпы, он может на них писать «Одобрено Нянюшкой Ягг отраждает 100 % падающих домиков». А еще ежли людям писать какой у них хороший товар, они иногда дают ево задаром, а вдруг новая шляпка для меня найдетца, так шо не забудь.

Лилит вышла из своей зеркальной палаты. Призрачные копии ее образа тянулись за ней, медленно угасая.

Ведьм должно было раздавить, когда на них упал домик. Лилит в этом не сомневалась. Раздавить в лепешку, чтобы только башмаки торчали.

Порой она приходила в отчаяние. Люди как будто не умели правильно играть свои роли.

Она задумалась, есть ли противоположность у феи-крестной. В конце концов, у большинства вещей есть противоположность. В таком случае это не должна быть просто злая фея-крестная, поскольку это та же добрая фея-крестная, но с другой точки зрения.

Противоположностью будет тот, кто отравляет сказки, подумала Лилит, и это должно быть самое злобное существо в мире.

Что ж, тут в Орлее есть сказка, которую никому не остановить. Она уже набрала разгон. Дерзни остановить ее — и она тебя поглотит, сделает частью своего сюжета. Лилит даже делать ничего не надо — сказки все сделают за нее. Ее успокаивало осознание, что проиграть она никак не может. В конце концов, она тут добрая.

Она прошлась вдоль зубцов на стенах и спустилась по лестнице в свой будуар, где ее ждали две сестры. Они отлично умели ждать. Могли просидеть много часов, даже не моргнув.

Дож отказывался находиться с ними в одном помещении.

Их головы повернулись навстречу ей.

Она так и не дала им голосов. В этом не было

необходимости. Достаточно и того, что она сделала их красивыми и способными понимать.

— Теперь вам надо отправиться в дом, — сказала она. — Это очень важно. Слушайте внимательно. Эллу завтра посетят кое-какие люди. Не мешайте им в этом, поняли?

Они следили за ее губами. Они следили за всем, что двигалось.

— Они нам нужны для сказки. Она не сработает, как надо, если они не попытаются ее остановить. А потом… пожалуй, я дам вам голоса. Вам бы этого хотелось, не так ли?

Они переглянулись, затем посмотрели на нее. Затем на клетку в углу комнаты.

Лилит улыбнулась, сунула руку в клетку и достала двух белых мышек.

— Младшая ведьма вам наверняка понравится, — сказала она. — Надо посмотреть, что с ней можно сделать. А теперь… открывайте…

Метлы летели в полуденном небе.

В кои-то веки ведьмы больше не спорили.

Гномы ощутили вкус дома. У любого растаяло бы сердце от этого зрелища: они сидели и смотрели на гномий хлеб, словно пожирая его глазами — ведь это и есть лучший способ поглощать гномий хлеб. Та странная сила, что заставила

их искать башмачки рубинового цвета, похоже, выветрилась перед силой куда более осязаемой. По словам Матушки, во всем мире еще нужно поискать что-нибудь более осязаемое, чем гномий хлеб.

Затем она отошла поговорить с главным гномом.

Остальным она не раскрыла, что он ей сказал, а они не посмели спрашивать. Теперь она летела слегка впереди.

Изредка она бормотала под нос что-то вроде «Крестные!» или «Тренировка!»

Но даже Маграт, у которой подобного опыта не было, уже чуяла Орлею, как барометр чует атмосферное давление. В Орлее сказки оживали. В Орлее кто-то пытался воплотить в реальность грезы и сны.

Помните, что вам иногда снится?

Орлея расположилась в устье реки Вье, которая служила источником ее богатства. А Орлея была весьма богата. Некогда Орлея контролировала выход в море и собирала дань с купцов — и это не считалось пиратством, поскольку занимались этим городские власти, а значит, это просто экономика и совершенно нормально. А болота и озера в дельте кишели ползающими, плавающими и

летающими ингредиентами для блюд, которые прославились бы на весь мир, если бы, как уже было сказано, люди странствовали побольше.

Орлея была богатой, ленивой и безопасной и долгое время предавалась тем политическим интригам, какие обычно бывают в городах-государствах. К примеру, когда-то здесь процветала ветвь Гильдии Убийц из Анк-Морпорка: ее сотрудники бывали так заняты, что заказчикам и жертвам приходилось месяцами ждать своей очереди[17].

Но все гильдейские убийцы убрались отсюда много лет назад. Есть вещи, которых не терпят даже шакалы.

Город всегда потрясал. Издали он казался причудливой порослью белых кристаллов среди буро-зеленых болот.

Если подойти ближе, он встречал вас сперва внешним кольцом домов поменьше, затем внутренним кольцом потрясающих, огромных белых зданий и, наконец, в самом центре стоял дворец. Высокий, красивый, со множеством башенок, похожий на игрушку или причудливое творение

---

[17] Примечания: 17

При этом в самом Анк-Морпорке дела у гильдии порой шли так туго, что некоторым киллерам приходилось вешать на витрины рекламу типа «За двух зарезанных — один отравленный в подарок!»

кондитера. Казалось, в каждой высокой башне должно было томиться по принцессе.

Маграт пробил озноб. Но затем она вспомнила о палочке. У феи-крестной есть долг.

— Сразу вспомнила еще одну историю про Черную Алиссу, — сказала Матушка Ветровоск. — Помню, как-то раз она заперла девушку с длинными косами в такой вот башне. Румпельштильцхен ее звали, или как-то так.

— Но она же выбралась, — сказала Маграт.

— Да, девушке с длинными косичками бывает полезно *распуститься*, — сказала Нянюшка.

— Ха! Просто деревенские мифы, — сказала Матушка.

Они подлетели ближе к городским стенам, и Маграт спросила:

— Там у ворот стража. Перелетим поверху?

Матушка, прищурившись, оглядела самую высокую из башен.

— Нет, — сказала она. — Снижаемся и идем пешком. Не стоит пугать людей.

— Вон за теми деревьями как раз милая полянка, — сказала Маграт.

Матушка для пробы походила туда-сюда. Ее башмаки возмущенно чавкали и булькали.

— Слушайте, я же сказала, что извиняюсь, —

повторяла Маграт. — Полянка выглядела такой плоской!

— Вода тоже обычно плоская, — сказала Нянюшка, сидя на бревне и отжимая платье.

— Но даже вы не догадались, что это вода, — сказала Маграт. — Она была такая… такая травянистая из-за всех этих водорослей и плавучих штук.

— По-моему, земля и вода в этих краях не могут договориться, кто есть кто, — сказала Нянюшка, оглядывая зловонный пейзаж.

Из болота росли деревья. Они выглядели угловатыми, заграничными и, казалось, гнили прямо по ходу роста. Там, где виднелась вода, она напоминала чернила. Изредка на поверхность поднимались пузырьки, словно призраки гороха в банный день. А где-то вдали текла река — если можно быть хоть в чем-то уверенным в краях густой воды и земли, которая булькает, когда по ней ходишь.

Она моргнула.

— Странное дело, — сказала она.

— Что? — сказала Матушка.

— Показалось мне, что там… что-то пробежало, — пробормотала Нянюшка. — Вон в той стороне. Между деревьев.

— В таком-то месте? Наверное, утка.

— Оно было покрупней утки, — настаивала Нянюшка. — Самое странное, что оно было похоже на небольшой домик.

— О да, бежал себе, дымя трубой на ходу, не иначе, — процедила Матушка.

Нянюшка обрадовалась:

— Так ты тоже видела?

Матушка закатила глаза.

— Ну хватит, — сказала она. — Возвращаемся на дорогу.

— Эм-м, — протянула Маграт, — а как?

Они оглядели то, что номинально считалось землей между их относительно сухим убежищем и дорогой. Выглядело оно желтоватым. В нем плавали ветки и кочки с подозрительно зеленой травой. Нянюшка отломила ветку от упавшего дерева, на котором сидела, и бросила на пару ярдов. Ветка влажно шлепнулась и утонула со звуком, с каким обычно высасывают остатки молочного коктейля.

— Перелетим, конечно, — сказала Нянюшка.

— Вы двое перелетите, — сказала Матушка. — А мне тут негде разбежаться, чтобы завести мою метлу.

В итоге Маграт перевезла ее на своей метле, а

Нянюшка перелетела следом, ведя Матушкину непослушную метлу на буксире.

— Надеюсь только, что никто нас не видел, — сказала Матушка, когда они оказались на дороге, в относительной безопасности.

По мере приближения к городу в болотный большак вливались другие дороги. Тут было людно, а у ворот выстроилась длинная очередь.

С земли город поражал еще сильней. На фоне туманных болот он сиял, как полированный бриллиант. Цветастые флаги украшали стены.

— Смотрится очень веселенько, — сказала Нянюшка.

— И так *чисто*, — добавила Маграт.

— Он так выглядит только снаружи, — сказала Матушка, которая уже бывала в городе. — А как войдешь, кругом сплошные попрошайки, шум, гам, канавы, полные невесть чего, помяните мое слово.

— Они там далеко не всех пускают, — заметила Нянюшка.

— На корабле говорили, что многие приезжают сюда на Жирный Обед, — сказала Матушка. — Наверняка приходит немало таких людей, которым на празднике не рады.

Полдесятка стражников наблюдали за их при-

ближением.

— Как славно все обернулось, — сказала Матушка. — Вот это я и хотела увидеть. Не то что у нас дома.

На весь Ланкр было всего шесть кольчуг, сделанных на универсальный размер, который налезал далеко не на всех. Их приходилось подгонять струнами и проволокой, поскольку в Ланкре роль дворцового стражника обычно исполнял любой гражданин, которому как раз нечем больше заняться.

Эти же стражники были все ростом под два метра, и даже Матушка не могла поспорить, что в своих красно-синих мундирах они выглядели впечатляюще. До сих пор она видела настоящих стражников только в Анк-Морпорке, но вид анкморпоркской стражи заставлял умных людей задуматься, каким жалким должен быть враг, от которого она защитит. Смотреть там было не на что.

К ее изумлению, едва она ступила в ворота, две пики преградили ей путь.

— Мы не нападаем, если что, — сказала она.

Капрал отдал ей честь.

— Конечно нет, сударыня, — сказал он. — Но у нас приказ останавливать сомнительных по-

сетителей.

— Сомнительных? — спросила Нянюшка. — В чем это мы сомнительные?

Капрал сглотнул. Взгляд Матушки Ветровоск выдержит не каждый.

— Ну, — сказал он, — вы немного… грязные.

Воцарилась звенящая тишина. Матушка глубоко вдохнула.

— С нами произошел несчастный случай на болоте, — быстро вставила Маграт.

— Не сомневаюсь, что все будет в порядке, — проблеял капрал. — Скоро тут будет сам капитан. Просто, если мы впустим неподобающих людей, будут неприятности. Вы не поверите, какой тут народ бывает.

— Нельзя пускать неподобающих, — согласилась Нянюшка Ягг. — И правильно делаете, что не пускаете неподобающих. Я даже так скажу: мы бы как раз не хотели оказаться в таком городе, куда пускают неподобающих, верно, Эсме?

Маграт пнула ее в лодыжку.

— Хорошо, что сами мы подобающие, — заключила Нянюшка.

— Что происходит, капрал?

Капитан стражи вышел из дверцы в воротах и подошел к ведьмам.

— Тут… дамы хотят войти, сэр, — сказал капрал.

— И что?

— Они немного… знаете, не на сто процентов чистые, — закончил капрал, трепеща под взглядом Матушки. — А у одной волосы растрепаны…

— И что? — огрызнулась Маграт.

— …А еще одна, похоже, ругается.

— Что? — Улыбка Нянюшки испарилась. — Да я тебе покажу, маленький негодник!

— Но глядите, капрал, они с метлами, — сказал капитан. — Уж конечно, уборщицы не могут все время выглядеть чистыми.

— Уборщицы? — сказала Матушка.

— Не сомневаюсь, что им и самим не терпится привести себя в порядок, — добавил капитан.

— Извините! — сказала Матушка примерно таким тоном, каким обычно произносят слова «В атаку!» и «Убей!». — Извините, но вот эта остроконечная шляпа у меня на голове вам ни о чем не говорит?

Солдаты вежливо осмотрели ее.

— Может, подскажете? — наконец спросил капитан.

— Она означает, что…

— Ну ладно, мы пойдем уже, раз вам это ни о

чем не говорит, — сказала Нянюшка Ягг. — Надо еще много где убраться, — она взмахнула метлой. — Пойдемте, девочки.

Они с Маграт крепко схватили Матушку под локотки и протащили через ворота раньше, чем догорел фитилек ее терпения. Матушка Ветровоск всегда считала, что надо досчитать до десяти, прежде чем выйти из себя. Никто не знал зачем: это только нагнетало напряжение, и взрыв получался даже мощнее.

Ведьмы не останавливались, пока ворота не скрылись из виду.

— Вот что, Эсме, — попыталась успокоить ее Нянюшка, — не принимай это близко к сердцу. Да, мы немного изгваздались, надо признать. Мальчики просто делают свою работу, ладно? Договорились?

— Они с нами обращались как с обычными людьми, — потрясенно произнесла Матушка.

— Это же *заграница*, Матушка, — сказала Маграт. — И вы сами сказали, что на лодке тоже люди не узнали шляпу.

— Но я и не хотела, чтобы узнали, — сказала Матушка. — Это другое.

— Просто… такое случается, Матушка, — сказала Маграт. — Просто пара глупых солдат. Они

даже не знают, что такое натуральный стиль прически.

Нянюшка огляделась. Мимо них почти бесшумно шли толпы.

— И признай, все-таки это милый чистенький город, — сказала она.

Они изучили округу.

Это было явно самое чистое место, какое они видели. Даже булыжники мостовой казались отполированными.

— С такой мостовой можно хоть чай пить, — сказала Нянюшка, прогуливаясь по улице.

— Да, но все равно это будет чай с мостовой, — сказала Матушка.

— А я и не буду его допивать. Глянь-ка, даже канавы вычищены. Похоже, все Рено убирают[18].

— Гита!

— Ну ты *сама* так говорила в Анк-Морпорке…

— Тут тебе не там!

— Ни единого пятна, — сказала Маграт. — В таком месте хочется, чтобы сандалии были почище.

— Ага, — Нянюшка Ягг, прищурившись, огляделась улицу. — В таком месте вообще хочется быть

---

[18] Примечания: 18

Рено III, король Ланкра, считался весьма дурным монархом и вошел в историю только как шуточный эвфемизм того, с чем он рифмуется.

лучше.

— О чем это вы там шепчетесь? — спросила Матушка.

Она проследила за их взглядами. На углу улицы стоял стражник. Увидев, как на него смотрят, он отдал им честь и слегка улыбнулся.

— Даже стражники вежливые, — сказала Маграт.

— А еще их тут много, — заметила Матушка.

— Удивительно, зачем им столько стражи, если люди в городе такие тихие и чистые, — сказала Маграт.

— Наверное, тут столько добра, что для его распространения требуется много народу, — предположила Нянюшка Ягг.

Ведьмы гуляли по людным улицам.

— А дома очень милые, — отметила Маграт. — Все такие изукрашенные и старинные.

Матушка Ветровоск, жившая в домике столь старинном, что древнее только скальные породы, воздержалась от комментариев.

У Нянюшки Ягг начали ныть ноги.

— Надо где-нибудь остановиться на ночлег, — сказала она. — А девочку утром поищем. Всем нам не помешает как следует выспаться.

— И принять ванну, — сказала Маграт. — С

расслабляющими травами.

— Отличная идея. Я бы тоже попарилась в ванне, — сказала Нянюшка.

— Батюшки, как быстро осень подкралась, — процедила Матушка.

— Да ну? А когда *ты* в последний раз принимала ванну, Эсме?

— Что значит в *последний*?

— Вот видишь? Нечего тогда шутить про то, как часто я моюсь.

— Ванны — это негигиенично, — объявила Матушка. — Ты же знаешь, я не признаю ванн. Что это такое: сидишь в воде, а кругом твоя собственная грязь плавает.

— Как же вы тогда моетесь? — спросила Маграт.

— Просто моюсь, — сказала Матушка. — По частям. Как только для каждой части представляется возможность.

Больше они не удостоились сведений на тему возможностей, но их наверняка было больше, чем возможности найти ночлег в Орлее на Жирный Обед.

Все гостиницы и таверны были забиты доверху. Постепенно давление толпы вытеснило их с основных улиц в менее роскошные кварталы

города, но и здесь не нашлось ни комнаты для трех путниц.

Матушка Ветровоск решила, что хватит с нее.

— В следующем же заведении, какое встретим, — заявила она, сурово выпятив подбородок, — мы и остановимся. Что там за гостиница?

Нянюшка Ягг изучила вывеску.

— Отель… Комнат… Нет… — пробормотала она, а затем на нее снизошло озарение: — Отель Комм Натнет, — повторила Нянюшка. — По-заграничному это значит «как, эм-м, Натнет», — пояснила она.

— Сойдет, — решила Матушка.

Она толкнула дверь. Из-за стойки выглянул кругленький краснолицый трактирщик. Он был новеньким на этой работе и очень нервничал; его предшественник поплатился за то, что оказался недостаточно кругленьким и краснолицым.

Матушка времени зря не тратила.

— Видишь эту шляпу? — вопросила она. — Видишь эту метлу?

Мужчина оглядел ее, метлу и снова ее.

— Да, — сказал он. — А что это значит?

— Значит, нам нужны три комнаты на ночь, — сказала Матушка, оглядев спутниц с самодовольным видом.

— И колбаса, — добавила Нянюшка.

— И один вегетарианский ужин, — добавила Маграт.

Трактирщик оглядел всех трех. Затем подошел к двери.

— Вы дверь видели? А табличку на ней? — спросил он.

— Некогда нам читать всякие таблички, — заявила Матушка.

— Что ж, в таком случае, — сказал трактирщик, — я сдаюсь. Так что значат эти ваши шляпы и метлы?

— Они значат, что я ведьма, — сказала Матушка.

Он наклонил голову набок.

— И что это? — уточнил он. — Так у вас называют глупых старых баб?

Милый Джейсон и все-все-все! — писала Нянюшка Ягг. — *Ты ни представляешь, они тут не знают, шо такое ведьмы, вот жеж отсталые они в этих заграницах. Один малый Отшил Эсме, и она почти Вышла Из Себя, а нам с Маграт и мне пришлось схватить ее и вывести в наружу, ведь ежли она заставит ково поверить, шо он превратился, это всегда проблемы, тыж помнишь тот раз когда пришлось тебе рыть пруд, шоб г-ну*

Вилкинсу было где жить…

Им удалось найти себе столик в таверне. Тут было полно народу всех видов. Шум и гам приходилось перекрикивать, а в воздухе висел дым.

— Кончай там калякать, Гита Ягг. Это действует мне на нервы, — рубанула Матушка.

— У них тут должны быть ведьмы, — сказала Маграт. — Везде есть ведьмы. Должны быть и ведьмы за границей. Они везде встречаются.

— Как тараканы, — весело добавила Нянюшка.

— Зря не дали мне убедить его, что он лягушка, — пробормотала Матушка.

— Нельзя так делать, Эсме. Нельзя просто заставлять людей верить, что они всякие твари, только за то, что они тебя отшили и не знают, кто ты такая, — сказала Гита. — Иначе скоро проходу не будет от квакающих людей.

Несмотря на частые угрозы, Матушка Ветровоск на самом деле еще никого не превращала в лягушку. Она считала, что есть способ формально менее жестокий, экономичный и куда более остроумный. Можно оставить человека человеком, но заставить его *думать*, что он лягушка. Это заодно хорошо развлекало прохожих.

— Мне всегда было жаль господина Вилкинса, — сказала Маграт, хмуро разглядывая сто-

лешницу. — Так грустно было смотреть, как он пытается ловить мух языком.

— Надо было ему думать, что говорит, — сказала Матушка.

— В смысле, не говорить, что ты старая властная зануда? — невинно поинтересовалась Нянюшка.

— Я не против критики, — сказала Матушка. — Ты меня знаешь. Я не из тех, кто обижается на критику. Никто не может сказать, что я обижаюсь на критику…

— Точнее, не может сказать дважды, — сказала Нянюшка. — Во второй раз он пустит пузырьки.

— Чего я не выношу, так это несправедливости, — сказала Матушка. — И хватит ухмыляться! В общем, я не понимаю, из-за чего вы подняли такой шум. Проклятие все равно рассеялось через пару дней.

— А жена Вилкинса говорит, что он по сей день часто ходит поплавать, — сказала Нянюшка. — Говорит, у него появился в жизни новый интерес.

— Может, в городе есть другого рода ведьмы? — с надеждой спросила Маграт. — Может, они тут просто по-другому одеваются.

— Ведьмы бывают только одного рода, — сказала Матушка. — Такие, как мы.

Она оглядела зал. Конечно, подумала она, если не пускать сюда ведьм, люди про них и *не узнают*. Кому-то не хотелось, чтобы посторонние лезли в ее дела. Но нас она впустила…

— Ой, ладно, по крайней мере тут сухо, — сказала Нянюшка. Выпивоха, стоявший в толпе позади нее, расхохотался, запрокинув голову, и пролил пиво ей на спину.

Она что-то еле слышно прошептала.

Маграт увидела, как пьянчуга наклонился, чтобы снова глотнуть, и уставился круглыми глазами в кружку. Затем уронил ее и бросился прочь из зала, хватаясь за горло.

— Что вы сделали с его выпивкой? — спросила она.

— Мала еще такие вещи знать, — сказала Нянюшка.

У них дома, если ведьма хотела себе столик, это… случалось само собой. Хватало одного вида остроконечной шляпы. Люди вежливо расступались и время от времени подавали ей бесплатные напитки. Даже Маграт пользовалась уважением — не то чтобы перед ней трепетали, но отношение к ведьмам распространялось на всех, и никто не хотел, чтобы ему это пришла объяснять Матушка Ветровоск. Здесь же их *толкали*, как будто они

были *простыми людьми*. Лишь рука Нянюшки Ягг, вовремя ложащаяся на плечо Матушки Ветровоск, уберегала добрый десяток бурных выпивох от повадок амфибий, но и обычно мягкий нрав самой Нянюшки был уже на пределе. Она всегда гордилась тем, что проста, как навоз, но простые простым рознь. Взять хоть принца Какеготам из вечерней сказки, который любил бродить по своему королевству, переодевшись простолюдином; она всегда в глубине души подозревала, что этот извращенец заранее давал людям понять, кто он такой, чтобы с ним не обращались слишком уж по-простецки. Это все равно что испачкаться. Одно дело — пачкаться, когда тебя ждет славная горячая ванна, это даже весело; совсем другое — когда впереди тебя ждет только еще больше грязи и никакого веселья. Наконец она нашла выход.

— Эй, а почему бы нам не выпить? — бодро сказала Нянюшка Ягг. — Нам всем станет лучше, если выпьем.

— Ой, нет, — ответила Матушка. — Я уже повелась в прошлый раз на эту твою травяную настойку. А в ней явно все-таки было спиртное. Меня начало пошатывать после шестого стакана. Больше я заграничное пойло не пью.

— Вам же надо что-нибудь пить, — сказала

Маграт успокаивающе. — Да и у меня в горле пересохло. — Она оглядела переполненный бар. — Может, они делают фруктовый коктейль или что-то в этом духе.

— Что-нибудь да найдется, — сказала Нянюшка Ягг. Она встала, глянула на бар и как бы невзначай вынула шпильку из шляпы. — Погодите минутку.

Две другие ведьмы остались наедине со своим унынием. Матушка сидела, глядя в одну точку перед собой.

— И правда, не стоит принимать так близко к сердцу, что люди не оказывают вам почтения, — сказала Маграт, пытаясь смягчить маслом тлеющий огонь. — Мне они никогда большого почтения не оказывали. В этом нет проблемы.

— Без уважения ты никто, — отстраненно сказала Матушка.

— Ой, ну не знаю. Мне всегда удавалось ладить с людьми, — сказала Маграт.

— Это потому что ты мокрая клуша, Маграт Чесногк, — сказала Матушка.

Воцарилась жаркая тишина. В ней звенели слова, которые не должны были вырваться, да пара криков болезненного удивления со стороны бара.

«Я всегда знала, что она так считает, — сказала себе Маграт, пылая от возмущения. — Но не думала, что когда-нибудь это скажет. А ведь она никогда не извиняется, потому что на такое не способна. Она считает, что люди должны просто забывать такие вещи. Я пыталась с ней снова подружиться. А были ли у нее хоть раз настоящие друзья?»

— Ну вот и я, — сказала Нянюшка Ягг, выплывая из толпы с подносом. — Фруктовые напитки.

Она села и оглядела спутниц.

— Банановые, — сказала она, надеясь вызвать искру интереса хоть у одной из них. — Помню, мой Шейн как-то раз привозил домой банан. Ой, ну и посмеялись мы тогда. Я ему говорю: «Ну, из каких фруктов там напитки делают?», а он дает мне вот это. Из бананов, значит. Банановый напиток. Вам понравится. Тут все такое пьют. В нем там бананы.

— Вкус определенно очень… насыщенный, — сказала Маграт, осторожно пригубив свой стакан. — А они туда и сахар кладут?

— Похоже на то, — сказала Нянюшка. Она быстро глянула в отрешенно-хмурое лицо Матушки, а затем взяла карандаш и с профессиональным видом лизнула кончик.

И кстати чо тут хорошо это оч. дешевые напитки, есть один называетца Банановое поддай-кири, это по сути Ром с бананами[19]*. Прямо чувствую как мне с нево хорошеет. Тут оч. сыро. Надеюсь мы найдем где заночевать, думаю да ведь Эсме завсегда падает на четыре ноги, хоть и не всегда на свои. Я тут нарисовала картинку с банананановым поддай-кирей, как видишь он пустой до самово донышка. Люблю, МАМА ЧМОК ЧМОК*

В итоге они нашли хлев. Здесь, как бодро заметила Нянюшка Ягг, было, пожалуй, теплее и гигиеничнее, чем в большинстве гостиниц, и вообще, в заграницах миллионы людей правую руку бы отдали за такое уютное сухое место для ночлега.

Это раскололо лед не лучше, чем кирка из мыла.

Ведьмам немного надо, чтобы поссориться.

Маграт лежала без сна, подсунув под голову сверток одежды и слушая, как теплый дождь барабанит по крыше.

«Все пошло не так еще до начала, — подумала она. — И зачем я взяла их с собой? Я бы и сама от-

---

[19] Примечания: 19

Нянюшка знала, как начинается слово «банан», но не знала, когда его пора закончить.

лично справилась, а они относятся ко мне как к… к мокрой клуше. Не понимаю, почему это я должна все время терпеть *ее* капризы и замечания. Что в ней такого особенного? Она почти не творит никакой магии, что бы там ни говорила Нянюшка. Все, что она *делает* — много кричит и угнетает людей. Что до Нянюшки, она желает добра, но не имеет представления об ответственности. Я думала, что *умру*, когда она запела "Песню про ежика" в таверне. Могу только молиться, чтобы местные жители не поняли, о чем в ней поется».

«*Я* тут фея-крестная. Мы больше не дома. Нужно действовать по-другому, когда ты в заграница».

Встала она с рассветом. Ее спутницы еще спали — впрочем, «спали» это слишком слабое определение для тех звуков, что издавала Матушка Ветровоск.

Маграт надела свое лучшее платье — зеленое шелковое и, к сожалению, теперь безобразно мятое. Она достала свертки упаковочной бумаги и медленно развернула свои оккультные украшения; Маграт скупала их, чтобы на время забыть, что она Маграт. У нее уже было три коробки этого добра, а она все еще оставалась собой.

Она постаралась извлечь все до единой соломинки из волос. Затем развернула волшебную

палочку.

Жаль, что у нее не было зеркала, чтобы рассмотреть себя.

— У меня есть палочка, — сказала она вполголоса. — С чего бы мне требовалась помощь? Дезидерата *сказала*, чтобы я велела им не помогать.

Ей пришло в голову, что в этом случае Дезидерата просчиталась. Все знали: если велеть Матушке Ветровоск и Нянюшке Ягг не помогать, они ринутся на помощь хотя бы из чувства противоречия. Маграт казалось странным, что такая умная ведьма, как Дезидерата, упустила столь важный момент. Видать, у нее тоже были проблемы с психолологией, *что* бы это ни значило.

Тихонько, чтобы не разбудить остальных, она открыла дверь и вышла навстречу сырому утру. С палочкой наперевес она отправилась дать миру всего, чего он желает.

Хорошо бы он желал тыкв, конечно.

Нянюшка Ягг открыла один глаз, когда дверь со скрипом закрылась.

Она села, зевнула и почесалась. Пошарила у себя в шляпе и достала трубку. Затем ткнула Матушку Ветровоск под ребра.

— Я и не сплю, — заявила Матушка.

— Маграт куда-то ушла.

— Ха!

— Я тоже пойду, поищу чего-нибудь на завтрак, — пробормотала Нянюшка. Без толку говорить с Эсме, пока она в таком настроении.

Когда она вышла наружу, Грибо ловко соскочил с балки и приземлился ей на плечо.

Нянюшка Ягг, одна из величайших в мире оптимисток, отправилась навстречу всему, что уготовало ей будущее.

Желательно, конечно, чтобы там были ром и бананы.

Дом было найти нетрудно. Дезидерата оставила очень точные инструкции.

Взор Маграт уперся в высокие белые стены и витые балконные решетки. Она постаралась разгладить пару складок на мятом платье, вытащила несколько упрямых соломинок из волос, а затем прошла по дорожке к двери и постучала.

Дверной молоток сломался у нее в руке.

Маграт нервно оглянулась — не заметил ли кто этот вандализм? — и попыталась прикрутить его на место. Он снова отвалился, заодно отколов часть мраморной ступени.

Наконец она осторожно постучала кулачком. Облако засохшей краски поднялось с двери и

осело на землю. Больше никакой реакции она не дождалась.

Маграт задумалась, что делать дальше. Она была твердо уверена, что феи-крестные не оставляют под дверями карточек с надписями типа «Приходила к вам сегодня, но вас не было, пожалуйста, свяжитесь с администрацией для изменения даты приема». И в любом случае подобные дома никогда не пустуют; в таком месте должно водиться десятка два слуг.

Она прошла по хрустящему гравию и заглянула за угол дома. Может, тут есть другой вход… ведьмы как-то больше привыкли к черным ходам…

Нянюшка Ягг уж точно привыкла. Она направлялась к черному ходу не чего-нибудь, а дворца. Попасть в него было нетрудно; то был не один из замков у них на родине, построенных с четким пониманием, что внутри, а что снаружи, и призванных эти вещи разделять. Это был, скажем так, сказочный замок, сплошь из сахарно-глазурных зубцов и крошечных башенок. И уж подавно никто не обращал внимания на старушек. Старушки по определению безвредны, хотя теперь в целом ряде деревень континента эту теорию подвергали пересмотру.

Замки, по опыту Нянюшки Ягг, похожи на ле-

бедей. Выглядят так, будто царственно плывут по реке Времени, но на самом деле под этим прикрытием кипит бурная деятельность. Всегда есть целый лабиринт кладовых, кухонь, прачечных, конюшен, пивоварен — ей понравилась мысль о пивоварнях. Люди в таком месте ни за что не обратят внимания на очередную старую бабку, жующую дармовую закуску с барского стола.

А кроме того, тут есть сплетни. Нянюшка Ягг тоже любила сплетничать.

Матушка Ветровоск хмуро бродила по чистым улицам. Двух своих спутниц она вовсе не искала. В этом она была уверена. Конечно, она могла случайно наткнуться на них, по чистому совпадению, и выразительно на них посмотреть. Но искать их — это уж точно нет.

В конце улицы собралась толпа. Логически рассудив, что в ее центре может находиться Нянюшка Ягг, Матушка Ветровоск подошла ближе.

Нянюшки там не было. Зато была приподнятая платформа. И человечек в цепях. И стражники в ярких мундирах. Один из них держал топор.

Не нужно быть великим путешественником, чтобы понять: тут собрались не затем, чтобы поздравить этого человечка грамотой и конвертом с деньгами, на которые скидывались всем офисом.

Матушка ткнула одного зеваку под ребра.

— Что тут происходит?

Тот покосился на нее.

— Стражники поймали его на воровстве, — сказал он.

— Ага. Что ж, он и правда выглядит виновным, — сказала Матушка. Впрочем, в цепях все люди кажутся виновными. — И что они с ним сделают?

— Преподадут ему урок.

— Это как, интересно?

— Топор видите?

Матушка не спускала с него глаз все это время. Но теперь она позволила себе переключить внимание на толпу, выискивая обрывки мыслей.

Разум муравья прочитать легче легкого. Это стройный поток простых мыслей: Неси, Неси, Кусай, Залезай в бутерброд, Неси, Ешь. Мысли какой-нибудь собаки уже посложнее: она может думать о нескольких вещах одновременно. Ну а человеческий разум — это огромная, искрящаяся молниями туча мыслей, каждая из которых отнимает у мозга определенное время на обработку. Выяснить, о чем обладатель *считает, что думает*, да еще в тумане предрассудков, воспоминаний, тревог, надежд и страхов, почти

невозможно.

Но когда много людей одновременно думают одну мысль, ее можно услышать, и Матушка Ветровоск почуяла страх.

— Похоже, этот урок он не скоро забудет, — пробормотала она.

— Да нет, у него это сразу из головы вылетит, — сказал зевака, а затем бочком отодвинулся от Матушки, так же как люди отодвигаются от громоотводов в грозу.

Именно в этот момент Матушка уловила фальшивую ноту в оркестре мыслей. Где-то в толпе находились два нечеловеческих разума.

Они были просты, чисты и целеустремленны, как обнаженные клинки. Прежде она встречала подобные разумы, и всякий раз встреча не была приятной.

Она осмотрела толпу и нашла обладателей этих разумов. Они, не мигая, следили за фигурами на платформе.

Эти двое были женщинами, по крайней мере, имели облик женщин; выше нее, тощие, как палки, в широких шляпах с вуалями, скрывавшими их лица. Их платья мерцали в лучах солнца — то ли синим, то ли желтым, то ли зеленым. То ли разноцветным узором. Трудно было понять. Ма-

лейшее движение меняло их цвет.

Их лиц она не смогла разглядеть.

Что ж, в Орлее все-таки были ведьмы. Как минимум одна.

Звук с платформы заставил ее обернуться.

И тут она поняла, почему в Орлее все такие тихие и милые.

Матушка слыхала, что в заграницах есть страны, где ворам отрубают руки, чтобы те не могли больше воровать. Ей этот метод никогда не нравился.

В Орлее так не делали. Здесь ворам отрубали головы, чтобы те не могли даже *подумать* о краже.

Матушка поняла, где искать в Орлее ведьм.

Они тут правили.

Маграт подошла к задней двери дома. Та была нараспашку.

Она снова взяла себя в руки.

Вежливо и робко постучала в дверь.

— Эй, — окликнула она.

И тут в лицо ей обрушилось ведро грязной воды. Сквозь рокот течения в ушах, полных мыльной пены, она услышала голос:

— Ой, простите, пожалуйста. Я не знала, что тут кто-то стоит.

Маграт протерла глаза от воды и попыталась разглядеть мутную фигуру, стоявшую перед ней. В ее голове начало складываться что-то вроде сюжетной логики.

— Тебя зовут Элла? — сказала она.

— Верно. А вы кто?

Маграт оглядела новоявленную крестную дочь с головы до ног. Это была самая красивая девушка, какую Маграт доводилось видеть: кожа смуглая, как орех, а волосы такие светлые, что почти белые. Не такое уж редкое сочетание в столь открытом городе, каким некогда была Орлея.

Что полагается сказать в такой момент?

Она сняла с носа картофельную кожуру.

— Я твоя фея-крестная, — сказала она. — Забавно, это так глупо звучит теперь, когда произносишь вслух…

Элла уставилась на нее.

— Вы?

— Эм-м. Да. У меня и палочка есть, если что, — Маграт помахала палочкой, надеясь, что это поможет. Не помогло.

Элла склонила голову набок.

— Мне казалось, вам, феям, положено являться под салют из маленьких светляков и с таким искристым звоном, — сказала она с подозрением.

— Слушай, мне только палочку дали, — отчаялась Маграт. — Нам не дают целой книги с инструкциями.

Элла еще раз внимательно ее осмотрела. Затем сказала:

— Что ж, тогда вам лучше зайти. Вы как раз вовремя. Я как раз собиралась заваривать чай.

Переливающиеся женщины сели в карету с открытым верхом. Матушка отметила, что при всей их красоте ходили они неуклюже.

Что и неудивительно. К ногам они не привыкли.

Она также заметила, что люди не смотрят на карету. Не то чтобы они ее совсем не видели. Просто не задерживали на ней взгляд, будто понимали, что это может накликать на них неприятности.

Еще она обратила внимание на лошадей. У них было чутье поострее человеческого. Они прекрасно понимали, кого везут, и им это совсем не нравилось.

Лошади трусили по улице, прижав уши и дико вращая глазами. Она следила за каретой, пока та не свернула к большому заброшенному дому возле дворца.

Матушка укрылась у стены, подмечая интересные детали. Со стен дома осыпалась штукатурка,

даже дверной молоточек был сорван с двери.

Матушка Ветровоск не верила в «атмосферу».

Не верила она и в психические ауры. Она считала так: чтобы быть ведьмой, надо во много всего *не верить*. Но она готова была поверить, что в доме находилось нечто весьма неприятное. Не *злое*. Эти две не-совсем-женщины не были злыми, так же как не злы кинжал или отвесный утес. Чтобы быть злым, надо иметь возможность выбирать. А вот рука, держащая кинжал или толкающая с утеса, вполне может быть злой. И здесь творилось именно что-то подобное.

Ей очень хотелось ошибаться, но она знала, кто за этим стоит.

Такие люди, как Нянюшка Ягг, встречаются везде. Кажется, будто какой-то особый генератор производит старушек, которые любят посмеяться и выпить, особенно те напитки, что обычно подают в маленьких стопках. Вы таких встретите в любом месте, обычно парами[20].

Они, похоже, притягивают себе подобных. Может, они посылают бесшумные сигналы, означающие, что здесь есть человек, готовый повосклицать «Ути-пути», разглядывая фотографии

---

[20] Примечания: 20

И они непременно стоят перед вами в любой очереди, к слову.

чужих внуков.

Нянюшка Ягг нашла себе подругу. Ее звали тетушка Приятка, она была поварихой и первой чернокожей, с которой Нянюшке довелось общаться[21]. К тому же поварихой она была не простой — того важного сорта, что большую часть времени руководят готовкой из кресла в центре кухни, будто бы даже не обращая внимания на суету вокруг.

Изредка она давала указания. Они и требовались лишь изредка, поскольку она за долгие годы добилась, чтобы люди работали так, как ей надо, или не работали здесь вообще. Разок-другой она торжественно вставала, дегустировала что-нибудь и порой добавляла щепотку соли.

Такие люди всегда готовы поболтать с бродячими торговцами, травниками или старушками с котами на плечах. Грибо ездил на плече матушки, будто только что сожрал попугая.

— Вы ведь на Жирный Обед приехали, верно? — спросила тетушка Приятка.

— Подруге кое с чем помогаю, — сказала Ня-

[21] Примечания: 21

В Плоском мире нет проблемы расизма, ведь там, где есть тролли, гномы и иже с ними, куда интереснее предаваться видизму. Чернокожие и белокожие тут сосуществуют в дивной гармонии и дружно травят зеленокожих.

нюшка. — Батюшки, какие вкусные печенья.

— Хочу сказать, я по вашим глазам вижу, — сказала тетушка Приятка, пододвигая ей тарелку поближе, — что вы из кругов магических.

— Значит, вы зрите глубже, чем большинство людей в этих краях, — сказала Нянюшка. — А знаете, эти печеньки стали бы еще в сто раз лучше, если их во что-нибудь макать, как считаете?

— Как насчет чего-нибудь бананового?

— Бананы — это самое оно, — обрадовалась Нянюшка. Тетушка Приятка махнула одной из своих поварих, и та принялась за работу.

Нянюшка уселась в кресло, болтая пухлыми ногами и с интересом озирая кухню. Два десятка поваров трудились со слаженностью артиллерийского расчета, ведущего обстрел. Сооружались гигантские торты. На очагах жарились целые туши зверей; вертела вращали собаки, бегавшие в колесах. Лысый здоровяк со шрамом поперек лица терпеливо втыкал зубочистки в колбаски.

Нянюшка еще не завтракала. Грибо, правда, *перехватил* кое-чего, но это дела не меняло. Они оба словно подвергались изысканной кулинарной пытке.

Вместе они следили, будто завороженные, как пара поварих пошатывается под весом подноса

с канапе.

— Вижу, вы женщина наблюдательная, госпожа Ягг, — сказала тетушка Приятка.

— Самую крошечку, — без раздумий ответила Нянюшка.

— Я также заметила, — сказала, подумав, тетушка Приятка, — что у вас кот необычной породы на плече.

— Это вы правы.

— Знаю.

Перед Нянюшкой вырос стакан, полный до краев желтой пены. Она задумчиво поглядела на него и попыталась вернуться к теме разговора.

— Так что, — сказала она, — как думаете, куда бы мне пойти, чтобы узнать, как вы тут колдуете в…

— А не хотите ли перекусить чем-нибудь? — предложила тетушка Приятка.

— Правда? А давайте!

Тетушка Приятка закатила глаза.

— Только не здешнего. Я все это не ем, — хмуро сказала она.

Улыбка Нянюшки пожухла.

— Но вы же это готовите, — отметила она.

— Только потому, что мне *велят*. Вот старый барон умел знатно покушать. А это все? Сплошь

свинина, говядина, ягнятина — всякая дребедень для тех, кто лучшего не пробовал. Единственная четвероногая тварь, которую стоит есть, это аллигатор. Я про *настоящую* еду.

Тетушка Приятка оглядела кухню.

— Сара! — крикнула она.

Одна из ее подмастерий обернулась.

— Да, тетушка?

— Мы с этой дамой выйдем ненадолго. Последи тут за всем, ладно?

— Хорошо, тетушка.

Тетушка Приятка встала и со значением кивнула Нянюшке Ягг.

— У стен есть уши, — сказала она.

— Ой. Да ладно?

— Нам пора немного прогуляться.

Теперь Нянюшке Ягг казалось, что в Орлее скрывается два города. Один — белый, сплошь из новых домов и дворцов с синими крышами, а за ним и даже под ним — старый. Новому не нравилось делить место со старым, но без него он обойтись не мог. Кто-то где-то должен ведь готовить еду.

Нянюшка Ягг готовить любила, конечно, если было на кого свалить всякие мелочи — нарезать овощи или помыть тарелки после еды. Ей всегда

казалось, что она умеет сделать с куском говядины такое, чего бык и вообразить не мог. Но теперь она поняла, что все это была не готовка. Совсем не то, что в Орлее. Здесь, по сути, выживали, научившись получать от этого максимум удовольствия. За пределами Орлеи готовка сводилась к тому, что части тел зверей, птиц и рыб и всякие овощи нагревали до тех пор, пока те не станут коричневыми.

Самое удивительное, что повара в Орлее никогда не готовили из чего-то съедобного — по крайней мере, из того, что Нянюшка назвала бы едой. В ее представлении еда имела четыре лапы, или пару ног и пару крыльев. Или хотя бы плавники. Сама мысль, что у еды может быть более четырех ног, захватывала дух, как у ры… у некого плавучего существа, которое выдернули из воды.

Здесь, в Орлее, не из чего особо готовить. А потому здесь готовили из *всего*. Нянюшка прежде и не слышала о креветках, крабах и омарах; ей показалось, что жители Орлеи просто сгребли все, что нашлось на дне реки, и сварили.

Говорят, хороший немецкий повар может взять горсть грязи, пару сухих листьев и щепотку-другую трав с непроизносимыми названиями и сварить из этого обед, от которого гурманы

разрыдаются в восторге и поклянутся быть праведниками до конца дней своих, если только им дадут еще тарелочку.

Нянюшка Ягг рысила вслед за тетушкой Прияткой по рынку, изумленно глазея на клетки со змеями и стойки с загадочными усатыми растениями. Она потрогала лотки с моллюсками. Остановилась поболтать с дамами Нянюшкиного телосложения, которые за пару пенни продавали странные похлебки и булочки с устрицами. Все перепробовала. Она наслаждалась без конца. Орлея, город поваров, наконец обрел достойный его аппетит.

Она доела тарелку рыбы и обменялась кивками и улыбками со старушкой, торговавшей за рыбным прилавком.

— Что ж, все это… — начала она, обернувшись к тетушке Приятке.

Тетушки Приятки не было.

Другой на ее месте бросился бы на поиски в толпу, но Нянюшка Ягг просто стояла и размышляла.

«Я спросила ее о магии, — подумала она, — и она привела меня сюда и ушла. Потому что у стен есть уши, видимо. Выходит, дальше мне надо искать самой».

Она огляделась по сторонам. В стороне от прилавков у реки стоял потрепанный шатер. На нем не было вывески, но рядом на костре слегка побулькивал котел. Рядом с котлом были сложены простые глиняные плошки. Время от времени кто-нибудь выходил из толпы, наливал себе плошку варева из котла и бросал горсть монет в тарелку перед шатром.

Нянюшка подошла и заглянула в котел. Ингредиенты всплывали и снова тонули. В целом варево было бурым. На нем появлялись пузыри, росли и лопались с густым звуком «блоп». В таком котле могло твориться все что угодно. Возможно, тут самозарождалась жизнь.

Нянюшка Ягг была готова разочек попробовать что угодно. Некоторые вещи она была готова пробовать тысячи раз.

Она взяла половник и плошку и налила себе порцию.

А затем откинула полог шатра и заглянула в черноту внутри.

В полумраке сидела, скрестив ноги, фигура и курила трубочку.

— Не против, если я зайду? — спросила Нянюшка.

Фигура кивнула.

Нянюшка присела внутри. После внушительной паузы она достала собственную трубку.

— Полагаю, тетушка Приятка — ваша подруга.

— Она меня знает.

— А-а.

Снаружи изредка доносилось звяканье — другие клиенты тоже пробовали варево.

Сизый дымок вился из трубки Нянюшки Ягг.

— Не замечала, — сказала она, — чтобы кто-нибудь ушел, не заплатив.

— Нет.

После очередной паузы Нянюшка Ягг продолжила:

— Небось, иные норовят заплатить золотом, самоцветами и всякими там благо-воняниями, верно?

— Нет.

— Ну и дела.

Какое-то время Нянюшка Ягг посидела молча, прислушиваясь к шуму рынка вдали и собираясь с силами.

— Как это называется?

— Гамбо.

— Вкусно.

— Знаю.

— Полагаю, кто приготовил такое, тот с чем

угодно справится, — Нянюшка Ягг сосредоточилась. — Госпожа… Гоголь.

Она выждала.

— Почти в точку, госпожа Ягг.

Две женщины уставились на темные силуэты друг друга, как заговорщики, которые обменялись паролем и отзывом и теперь ждут, что будет дальше.

— Там, откуда я родом, такое зовется ведьмовством, — прошептала Нянюшка.

— Там, откуда я родом, такое зовется вуду, — откликнулась госпожа Гоголь.

Нянюшка наморщила и без того морщинистый лоб.

— А это разве не всякие фокусы с куклами, покойниками и прочим? — сказала она.

— А ведьмы разве не бегают нагишом и не втыкают в людей иголки? — ответила госпожа Гоголь ей в тон.

— А-а, — сказала Нянюшка. — Понимаю, о чем вы.

Она смущенно поежилась. Она была женщиной от природы честной.

— Впрочем, должна признать… — добавила она, — иногда… может, одну иголочку…

Госпожа Гоголь угрюмо кивнула.

— Ну ладно. Иногда… может, одного зомби, — сказала она.

— Но только когда нет другого выбора.

— Верно. Когда нет выбора.

— Когда… ну, знаете… люди не выказывают почтения.

— Когда надо дом покрасить.

Нянюшка улыбнулась во весь один зуб. Госпожа Гоголь улыбнулась в ответ на все тридцать два.

— Мое полное имя — Гита Ягг, — сказала Нянюшка. — Но все называют меня Нянюшкой.

— Мое полное имя — Эрзулия Гоголь, — сказала госпожа Гоголь. — Но все называют меня госпожа Гоголь.

— Я так считаю, — сказала Нянюшка, — раз тут заграница, может, у вас и магия *другого рода*. Логично же. Деревья тут другие, люди другие, напитки другие и с бананами к тому же, так чего бы магии не быть другой. И я подумала… Гита, девочка моя, никогда не поздно учиться.

— Несомненно.

— С этим городом что-то не так. Я это почуяла, как только мы вошли сюда.

Госпожа Гоголь кивнула.

Какое-то время царила тишина, нарушаемая лишь редким пыханьем трубок.

Затем снаружи донесся звон, а за ним многозначительная пауза.

Раздался голос:

— Гита Ягг? Я знаю, что ты там.

Силуэт госпожи Гоголь вынул трубочку изо рта.

— Славно, — сказала она. — У нее хорошее чутье.

Полог шатра распахнулся.

— Приветики, Эсме, — сказала Нянюшка Ягг.

— Мир вашему… шатру, — сказала Матушка Ветровоск, вглядываясь в полумрак.

— Это вот госпожа Гоголь, — сказала Нянюшка. — Она, кстати, вудуистка. Так в этих краях зовут ведьм.

— В *этих* краях есть и другие ведьмы, — сказала Матушка.

— Госпоже Гоголь очень понравилось, как ты вычислила, что я в шатре, — сказала Нянюшка.

— Это было несложно, — сказала Матушка. — Я заметила, как Грибо умывается у входа, ну а дальше — чистая дедукция.

В полумраке шатра Нянюшка мысленно представляла госпожу Гоголь старухой. К ее изумлению, когда вудуистка вышла наружу, она оказалась привлекательной женщиной сред-

них лет, ростом выше Матушки. Госпожа Гоголь носила тяжелые золотые серьги, белую блузу и длинную красную юбку с оборками. Нянюшка ощутила возмущение Матушки Ветровоск. О женщинах в красных юбках явно говорили даже хуже, чем о женщинах в красных башмаках, чем бы это *хуже* ни было.

Госпожа Гоголь остановилась и подняла руку. Раздался шелест крыльев.

Грибо, который подобострастно терся о ногу Нянюшки, поднял голову и зашипел. Самый большой и самый черный петух, какого Нянюшка видела в жизни, сел на плечо госпожи Гоголь. Он смерил ее самым разумным взглядом, какой она только встречала у птиц.

— Батюшки, — сказала она, отпрянув. — В жизни не встречала такого петушару, а уж я их в жизни повидала.

Госпожа Гоголь осуждающе приподняла бровь.

— Воспитания ей не хватает, — сказала Матушка.

— Я говорю, у нас рядом с домом птичник, так там всякие птицы водятся, — поправилась Нянюшка.

— Это Легба, темный и опасный дух, — сказала госпожа Гоголь. Она наклонилась поближе и

зашептала самым краешком рта. — Между нами, он просто черный петушок. Но вы сами знаете, как дела делаются.

— Полезно для рекламы, — согласилась Нянюшка. — А это Грибо. Между нами, он демон из ада.

— Конечно, он же кот, — охотно согласилась госпожа Гоголь. — Чего еще от них ждать?

Милый Джейсон и все-все-все.

Просто паразительно какие вещи случаютца, когда их не ждешь, вот например мы встретили г-жу Гоголь, днем она работает кукухаркой, но она вуду-ведьма, ты тока не верь во всякое там про чорную магию и тыды, это Брехня, она как мы токмо другая. Насчет зомби еще правда, но это не то шо ты думаешь…

«Орлея — странный город», — подумала Нянюшка. Сверни с главных улиц, пройди по переулку, выйди за калитку — и вот уже вокруг тебя деревья, на них растут мох и всякие там ливаны, а земля под ногами начинает чавкать и становится болотом. А по обе стороны тропы — темные омуты, в которых тут и там среди кувшинок плавают подозрительные бревна, каких ведьмы еще не видали.

— Здоровые у вас тут ящерицы, — сказала она.

— Это аллигаторы.

— Божечки мои. Жрут, должно быть, много.

— О да!

Домик госпожи Гоголь, крытый мхом и стоящий прямо над болотом на четырех широких сваях, выглядел как плод любви выловленных из реки деревяшек. Отсюда было так близко к центру города, что до Нянюшки доносились крики с улиц и цоканье копыт, но сама хижина на собственном маленьком болотце была окутана безмолвием.

— Вас тут люди не беспокоят? — спросила Нянюшка.

— Здесь не бывает тех, кого я не жду, — листья кувшинок шелохнулись. По ближайшему пруду пошли зигзаги волн.

— Самодостаточность, — одобрила Матушка. — Это всегда важно.

Нянюшка оглядела рептилий оценивающим взглядом. Они попытались ответить ей тем же, но сдались, когда у них заслезились глаза.

— Думается, мне бы дома парочка таких пригодилась, — задумчиво сказала она, когда они вновь уплыли. — Мой Джейсон может вырыть еще один прудик, это запросто. А что, говорите, они едят?

— Все, что захотят.

— Слыхала я анекдот про аллигаторов, — сказала Матушка таким тоном, каким объявляют великую мрачную истину.

— Да ладно? — удивилась Нянюшка Ягг. — В жизни от тебя ни анекдота не слыхала.

— То, что я их не рассказываю, не значит, что я их не знаю, — заносчиво ответила Матушка. — Заходит как-то мужик…

— Какой мужик? — спросила Нянюшка.

– *Один мужик* заходит в таверну. Да. Это была таверна. И видит он табличку. На ней написано: «Мы подаем все виды бутербродов». И вот он говорит: «Подайте-ка мне бутерброд с аллигатором, да порезвей!»

Они молча глядели на нее.

Нянюшка Ягг повернулась к госпоже Гоголь.

— Так значит… вы одна тут живете? — весело спросила она. — Ни единой живой души вокруг?

— В каком-то смысле, — сказала госпожа Гоголь.

— Юмор в том, что аллигатора ему… — громко начала Матушка и осеклась.

Дверь хижины распахнулась.

Здесь кухня тоже была большой[22]. Давным-

[22] Примечания: 22

Дезидерата говаривала, что феи-крестные вообще тесно связаны с кухнями.

давно она могла трудоустроить полдесятка поваров. Теперь она напоминала пещеру: тени в дальних углах, висящие сковородки и супницы покрыты пылью. Большие столы сдвинули в сторону и почти до потолка завалили старинной посудой; печи, такие большие, что в них можно зажарить целую корову и приготовить обед на целую армию, стояли холодные.

Посреди этой серой пустоши кто-то поставил небольшой столик у очага. Стоял он на цветастом квадратном коврике. В банке из-под варенья стояли цветы, подобранные изысканным способом «нарвать и запихнуть». Все это создавало крохотную зону веселенького цвета среди общего уныния.

Элла отчаянно попыталась кое-что переставить, но застыла, глядя на Маграт с обезоруживающе скромной улыбкой.

— Ой, что это я. Вы, наверное, к таким вещам привыкли, — сказала она.

— Эм-м. Да. О да. Все время такое встречаю, — сказала Маграт.

— Я просто думала, что вы будете немного… старше? Вы, наверное, были на моих крестинах?

— М-м… да? — сказала Маграт. — Понимаешь, такое дело…

— Наверное, вы способны выглядеть так, как захотите, — подсказала Элла.

— Эм. Да. Хм.

Элла на миг смутилась, будто пытаясь понять: если Маграт может выглядеть так, как захочет, с чего это она захотела выглядеть как Маграт.

— Что ж, — сказала она. — Что нам дальше делать?

— Ты упоминала чай, — Маграт попыталась выиграть время.

— Ой, точно, — Элла бросилась к очагу, на котором висел почерневший котел над огнем, который Матушка Ветровоск назвала бы «оптимистичным»[23].

— Как вас зовут? — спросила она через плечо.

— Маграт, — ответила Маграт, присаживаясь.

— Очень… милое имя, — вежливо сказала Элла. — Ну а мое вы, конечно, знаете. А представляете, я столько вожусь с этим всем барахлом, что тетушка Приятка зовет меня Саженькой. Такое дурацкое имя, правда?

«Саженька, — подумала Маграт. — Дожили, я фея-крестная девушки с именем, к которому хочется добавить „косая“».

---

[23] Примечания: 23
Два полена и немного надежды.

— Могло быть и лучше, — признала она.

— Мне не хватило духу так ей сказать, а она считает это забавным, — сказала Элла. — *По мне*, звучит как слово, к которому хочется добавить «косая».

— Ой, ну я бы так не сказала, — ответила Маграт. — Эм-м. А тетушка Приятка — это кто?

— Кухарка из дворца. Она заходит подбодрить меня в свободное время…

Элла развернулась, держа почерневший чайник, как оружие.

— Я *не пойду* на этот бал! — прошипела она. — И ни за что *не выйду* замуж за принца! Вам ясно?

Слова прозвенели, как стальные пластины.

— Хорошо! Хорошо! — Маграт аж отпрянула от такого напора.

— Он на вид какой-то липкий. От него мурашки по коже, — мрачно сказала Саженька. — Говорят, у него глаза странные. И все знают, что он делает по ночам!

«Все, кроме меня, — подумала Маграт. — Мне почему-то о таком не рассказывают».

Вслух она сказала:

— Ну, это будет несложно устроить. В смысле, обычно труднее *выйти* замуж за принца.

— Только у меня все не так, — сказала Сажень-

ка. — Все *заранее* устроено. Моя другая крестная говорит, что я должна. Говорит, такова моя судьба.

— Другая крестная? — удивилась Маграт.

— Их всегда по две, — сказала Элла. — Добрая и злая. Вы же *знаете*. А вы какая?

Маграт лихорадочно размышляла.

— Ой, я добрая, — сказала она. — Определенно.

— Знаете, что забавно? — сказала Элла. — Другая мне говорила то же самое.

Матушка Ветровоск сидела в своей особой позе, позволявшей ей как можно меньше контактировать с окружающим миром: колени вместе, локти к бокам.

— Божечки, как вкусно, — сказала Нянюшка Ягг, вытирая чем-то тарелку. Матушка надеялась, что хлебом. — Попробуй тоже хоть ложечку, Эсме.

— Еще порцию, госпожа Ягг? — спросила госпожа Гоголь.

— Если вас не затруднит, госпожа Гоголь, — Нянюшка ткнула Матушку под ребра. — Правда же вкусно, Эсме. Прямо как рагу.

Госпожа Гоголь покосилась на Матушку, склонив голову набок.

— Полагаю, госпожу Ветровоск смущает не

еда, — сказала она. — Полагаю, госпожу Ветровоск смущает обслуга.

На Нянюшку Ягг упала тень. Серая рука забрала ее пустую тарелку.

Матушка Ветровоск слегка кашлянула.

— Я ничего не имею *против* покойников, — сказала она. — Многие из моих лучших друзей — уже покойники. Мне лишь кажется неправильным, когда покойники вот так разгуливают.

Нянюшка Ягг подняла глаза на фигуру, которая уже наливала ей в тарелку третью порцию загадочной жидкости.

— А *вы* что думаете, господин Зомби?

— Жизнь хороша, госпожа Ягг, — сказал зомби.

— Вот. Видишь, Эсме? Он не против. Все лучше, чем лежать в тесном гробу целыми днями.

Матушка оглядела зомби. Он был — *раньше*, при жизни — высоким и красивым мужчиной. Высоким он был и сейчас, но выглядел так, будто прошел через комнату, полную паутины.

— Как тебя зовут, покойный? — спросила она.

— Меня называют Субботой.

— Суббота — женская забота, а? — сказала Нянюшка Ягг.

— Нет. Я просто Суббота, госпожа Ягг. Просто Суббота.

Матушка Ветровоск заглянула ему в глаза. Они были разумнее, чем большинство глаз, которые она видела у людей технически куда более живых.

Она в целом представляла, что с покойником можно кое-что сделать и превратить его в зомби, но эту область магии она предпочла бы не исследовать. И все же для этого требовалось куда больше, чем куча рыбьей требухи и заграничных корешков — нужно, чтобы человек *желал* вернуться. Требовалась какая-то безумная мечта, желание или долг, которые дали бы им сбежать из могилы…

Глаза Субботы *пылали*.

Она пришла к решению. И протянула руку.

— Очень приятно с вами познакомиться, господин Суббота, — сказала она. — И я не откажусь попробовать ваше прекрасное рагу.

— Называется «гамбо», — сказала Нянюшка. — В нем есть дамские пальчики.

— Я отлично знаю, что «дамские пальчики» — это такое растение, спасибо, — сказала Матушка. — Я не настолько тупа.

— Ладно, только не забудь добавить побольше змеиных голов, — сказала Нянюшка Ягг. — Они вкуснее всего.

— А «змеиные головы» — это что за растение?

— Ты лучше кушай, просто кушай, — сказала Нянюшка.

Они сидели на плетеной веранде, выходившей на болото позади хижины госпожи Гоголь. В зелени жужжали незримые существа. И то тут, то там в воде поднимались незаметные зигзаги волн.

— Думаю, тут особенно уютно после захода солнца, — сказала Нянюшка.

Суббота протопал в хижину, вернулся с самодельной удочкой, прикрепил наживку и перекинул через ограду. После этого он почти что отключился: никто не сравнится с зомби в терпеливости.

Госпожа Гоголь откинулась в кресле-качалке и раскурила трубочку.

— Когда-то это был великий старый город, — сказала она.

— И что с ним случилось? — спросила Нянюшка.

У Грибо возникла куча проблем с петухом Легбой.

Впервые на его памяти птица отказывалась приходить в ужас. Грибо умел приводить в ужас большинство тварей, обитавших в Плоском мире, даже тех, что формально крупнее и сильнее его.

И все же ни одна из его проверенных тактик не сработала: ни зевание, ни пристальный взгляд, ни даже медленная ухмылка. Легба просто смотрел на него сверху вниз и делал вид, что скребет землю, лишний раз демонстрируя свои двухдюймовые шпоры.

Оставался только прыжок с налета. Это работало практически на всех. Мало какое животное оставалось спокойным, увидев разъяренный шар острых когтей, летящий ему в морду. В случае с этой птицей Грибо подозревал, что дело может кончиться превращением его самого в пушистый шашлык.

Но так это было оставлять нельзя. Иначе целые поколения котов будут над ним смеяться.

Кот и птица кружили по болоту, делая вид, что они друг другу глубоко безразличны.

В деревьях жужжали другие твари. Маленькие разноцветные птички кружили в воздухе. Грибо покосился на них. С ними он разберется позже.

И тут петух исчез.

Грибо прижал уши.

Птицы продолжали петь, насекомые — жужжать, но то было далеко. Здесь же воцарилась тишина — жаркая, мрачная и давящая, и деревья будто надвинулись ближе, чем прежде.

Грибо огляделся.

Он стоял на поляне. По краям ее с кустов и ветвей что-то свисало. Ленточки. Белые кости. Горшочки. В другом месте то были бы обычные повседневные вещи.

А в середине поляны высилось нечто вроде пугала. Вбитый в землю шест с перекладиной, на которую кто-то надел черный фрак. А над фраком, на вершине шеста, — шляпа-цилиндр. С верхушки шляпы за ним задумчиво наблюдал Легба.

Легкий ветерок разогнал духоту и слегка пошевелил полы фрака.

Грибо вспомнил тот раз, когда он загнал крысу на деревенскую мельницу и вдруг обнаружил, что вокруг не комната со странной мебелью, а огромная машина, способная перемолоть его, стоит ему оступиться.

Воздух слегка зазвенел. Он ощутил, как встает дыбом его шерсть.

Грибо повернулся и с важным видом прошествовал прочь, пока не убедился, что скрылся из виду. После чего припустил со всех ног так, что лапы пробуксовывали на поворотах.

Затем он сходил поскалить зубы на аллигаторов, но настроение было уже не то.

На поляне фрак опять слегка колыхнулся, и все

стихло. Почему-то от этого стало только страшней.

Легба наблюдал. Воздух сгущался, как бывает перед бурей.

— Раньше это был великий город. Счастливый. Никто не *старался* его осчастливить. Счастье просто случалось само собой, — сказала госпожа Гоголь. — Так было при жизни старого барона. Но его убили.

— Кто убил? — спросила Нянюшка Ягг.

— Всем известно, что виноват дож, — сказала госпожа Гоголь.

Ведьмы переглянулись. Похоже, придворные интриги в заграницe велись как-то иначе.

— Попал под дождь и простудился? — спросила Нянюшка.

— Типа как «мокрое дело»? — спросила Матушка.

— Дож — это титул, а не погодное явление, — терпеливо пояснила госпожа Гоголь. — Барона отравили. То была ужасная ночь. А поутру во дворце оказался дож. И тогда же обнаружили завещание.

— Дайте угадаю, — сказала Матушка. — Бьюсь об заклад, он все завещал этому дожу. И чернила еще высохнуть не успели.

— Откуда вы знаете? — удивилась госпожа Гоголь.

— Дедукция, — самодовольно ответила Матушка.

— У барона была юная дочь, — добавила госпожа Гоголь.

— И она еще жива, полагаю, — сказала Матушка.

— Вы удивительно точны, сударыня, — признала госпожа Гоголь. — А почему вы так полагаете?

— Ну… — протянула Матушка. Она чуть не произнесла: потому что знаю, как работают сказки. Но вмешалась Нянюшка Ягг.

— А раз барон был такой славный, как вы говорите, у него, должно быть, много друзей было в городе, да? — сказала она.

— Так и есть. Люди любили его.

— Что же, будь я дождем, у которого все права на престол — это бумажка с завещанием, на которой еще чернила не просохли, я бы поискала способ утвердиться как-нибудь поофициальней, — сказала Нянюшка. — Лучше всего — жениться на подлинной наследнице. Тогда он сможет это всем в нос тыкать. А она, небось, и не знает о своем происхождении, да?

— Все верно, — сказала госпожа Гоголь. — У

дожа тоже есть друзья. Или, вернее, защитники. Люди, с которыми лучше не связываться. Они ее вырастили и не отпускают далеко.

Ведьмы какое-то время сидели молча.

«Это как-то неправильно, — подумала Матушка. — Так это опишут в учебниках. Но это не сказочно».

Затем Матушка спросила:

— Пардоньте, госпожа Гоголь, а вы как оказались в этом замешаны? Без обид, но мне казалось, что тут, на болоте, без разницы, кто у них там правит.

Впервые за время их знакомства госпожа Гоголь на миг утратила хладнокровие.

— Барон был мне… другом, — сказала она.

— А-а, — понимающе протянула Матушка.

— Он, конечно, не любил зомби. Он говорил, что мертвым надо позволять покоиться с миром. Но никогда не настаивал. А вот новый…

— Не любитель Интересных Искусств? — сказала Нянюшка.

— Ой, не сомневаюсь, что любитель, — сказала Матушка. — Это уж точно. Может, не *вашей* магии, но готова поспорить, что какая-то магия вокруг него есть.

— Почему вы так решили, сударыня? — спроси-

ла госпожа Гоголь.

— Ну, — сказала Нянюшка, — я же понимаю, что вы дама волшебная, а значит, не стали бы это все терпеть, будь у вас выход. Было же много способов решить этот вопрос, думается. Думается, обычно, ежели вам кто не по нраву, у него вдруг ноги отвалятся или заведутся внезапные змеи в башмаках…

— Алли-гады под кроватью, — предложила Матушка.

— Да. У него есть защита, — сказала госпожа Гоголь.

— А-а.

— Могущественная магия.

— Мощней вашей? — сказала Матушка.

Возникла долгая напряженная пауза.

— Да.

— О-о.

— Пока что, — добавила госпожа Гоголь.

Возникла еще одна пауза. Ни одна ведьма не любила признавать, что не обладает почти абсолютным могуществом. Даже слышать признание в этом от другой ведьмы было неприятно.

— Полагаю, вы просто выжидаете время, — поддержала госпожу Гоголь Матушка.

— Копите силы, — добавила Нянюшка.

— Защита весьма сильна, — признала госпожа Гоголь.

Матушка откинулась в кресле. Когда она снова заговорила, то уже как человек, у которого на уме определенные идеи и который хочет выяснить, что известно остальным.

— Какого рода? — спросила она. — Конкретно?

Госпожа Гоголь сунула руку под подушки кресла-качалки, порылась и вытащила кожаный кисет и трубку. Раскурила трубку и выпустила облачко сизого дыма в утренний воздух.

— Вы в последнее время часто смотритесь в зеркало, госпожа Ветровоск? — спросила она.

Кресло Матушки качнулось назад, чуть не отправив ее с веранды в мутную воду. Ее шляпа слетела с головы на кувшинки.

Она успела увидеть, как шляпа плавно оседает на воду. Мгновение она плавала на поверхности, а затем…

…ее сожрали. Особо огромный аллигатор сомкнул челюсти и дерзко поглядел на Матушку.

По крайней мере, теперь она могла выпустить пар и поорать.

— Моя шляпа! Он *сожрал* мою шляпу! Один из этих ваших алли-гадов *сожрал* мою *шляпу*! Это была моя *шляпа*! Велите ему ее выплюнуть!

Она сорвала лиану с ближайшего дерева и хлестнула ею по воде.

Нянюшка Ягг отшатнулась.

— Не надо, Эсме! Не надо! — лепетала она. Аллигатор нырнул в глубины вод.

— Никто не запретит мне стегать наглых ящериц!

— Конечно-конечно, — попыталась успокоить ее Нянюшка, — только… не… змеей…

Матушка подняла лиану и осмотрела. Средних размеров трехленточный крайт испуганно поглядел на нее в ответ, подумал, не тяпнуть ли ее за нос, но передумал и закрыл пасть как можно плотней, надеясь, что намек она уловила. Она разжала руку. Змея шлепнулась на доски и поспешно уползла.

Все это время госпожа Гоголь даже не шелохнулась в кресле. Теперь она повернулась вполоборота. Суббота продолжал терпеливо следить за поплавком.

— Суббота, сходи достань шляпу этой дамы, — сказала она.

— Да, госпожа.

Тут усомнилась даже Матушка.

— Нельзя заставлять его такое делать! — сказала она.

— Так он же мертвый, — сказала госпожа Гоголь.

— Да, ему и без того тяжко, а ведь он пока хотя бы не разорван на куски, — сказала Матушка. — Не ходите туда, господин Суббота!

— Но это же была ваша *шляпа*, госпожа, — подчеркнула госпожа Гоголь.

— Да, но… — сказала Матушка, — …это была… просто шляпа. Я не хочу посылать никого в пасть аллигатору из-за шляпы.

Нянюшка Ягг наблюдала за ней с трепетом.

Никто лучше Матушки Ветровоск не знал, как важны шляпы. Это не просто одежда. От шляпы зависела голова. От нее зависело, *кто вы есть*. Неслыханное дело, чтобы волшебник ходил без остроконечной шляпы — по крайней мере, стоящий волшебник. И уж тем более неслыханное дело, чтобы без шляпы ходила ведьма. Даже у Маграт была шляпа, хоть та и редко носила ее, будучи, как известно, мокрой клушей. Но это и неважно; главное не носить шляпу, а иметь возможность ее носить. Всякому делу полагается своя шляпа. Вот почему короли носят короны. Сними с короля корону, и все, что останется, — мужик с дряблым подбородком, машущий толпе ручкой. Шляпы обладают властью. Шляпы важ-

ны. Но важны и люди.

Госпожа Гоголь снова пыхнула трубочкой.

— Суббота, сходи принеси мою лучшую воскресную шляпу, — сказала она.

— Да, госпожа Гоголь.

Суббота сходил в хижину и принес большую потертую коробку, тщательно обвязанную шпагатом.

— Я не могу ее принять, — сказала Матушка. — Это же ваша лучшая шляпа.

— Можете, можете, — сказала госпожа Гоголь. — У меня и другая есть. Да-да, у меня есть и другая шляпа, не волнуйтесь.

Матушка осторожно опустила коробку.

— Сдается мне, госпожа Гоголь, — сказала она, — что вы не только то, чем кажетесь.

— Ой, что вы, госпожа Ветровоск. Я никогда не была ничем иным, кроме себя, как и вы.

— Это вы привели нас сюда?

— Нет. Вы сами себя привели. По своей свободной воле. Чтобы кому-то помочь, не так ли? Вы сами это решили, не так ли? Никто не заставлял вас, не так ли? Кроме вас самих.

— Вообще-то она права, — сказала Нянюшка. — Мы бы почуяли, будь в этом магия.

— Верно, — сказала Матушка. — Никто нас не

заставлял, кроме нас самих. В какую игру вы играете, госпожа Гоголь?

— Я ни в какие игры не играю, госпожа Ветровоск. Я просто хочу свое. Хочу справедливости. И хочу остановить *ее*.

— Ее — это кого? — спросила Нянюшка Ягг.

Матушкино лицо окаменело.

— Ту, что стоит за всем этим, — сказала госпожа Гоголь. — У дожа мозгов не больше, чем у креветки, госпожа Ягг. Я говорю о *ней*. О той, что владеет магией зеркал. Той, что любит подчинять. Той, что командует. Той, что изменяет судьбу. Той, кого прекрасно знает госпожа Ветровоск.

Нянюшка Ягг запуталась.

— О чем это она, Эсме? — спросила она.

Матушка что-то пробормотала.

— Ась? Не расслышала, — сказала Нянюшка.

Матушка Ветровоск подняла глаза, ее лицо покраснело от гнева.

— Она про мою *сестру*, Гита! Ясно? Дошло? Поняла теперь? Расслышала? Моя сестра! Хочешь, еще раз повторю? Хочешь знать, о ком она говорит? Может, мне написать тебе? Моя сестра! Вот кто! Моя *сестра*!

— Так они сестры? — спросила Маграт.

Ее чай уже остыл.

— Не знаю, — сказала Элла. — Они выглядят… похожими. В основном они держатся особняком. Но я ощущаю, как они следят. Они отлично умеют следить.

— И они заставляют тебя делать *всю* работу по дому? — сказала Маграт.

— Ну, мне приходится готовить только на себя и на челядь, — сказала Элла. — А мытье и стирку я за трудную работу и не считаю.

— Себе они сами готовят, что ли?

— Вряд ли. Они целыми ночами ходят по дому, когда я уже легла. Крестная Лилит говорит, я должна быть добра с ними и жалеть их, потому что они немые, и следить, чтобы в кладовой всегда хватало сыру.

— Они едят один только сыр? — удивилась Маграт.

— Не думаю, — сказала Элла.

— Ну тогда в таком старом доме должно быть много мышей и крыс.

— Знаете, странно, — сказала Элла, — но я ни единой мышки не видела в этом доме.

Маграт поежилась. Она ощущала, что за ней *следят*.

— Почему ты просто не уйдешь? Я бы ушла.

— А куда? Да и они всегда меня находят. Или

посылают за мной кучеров и конюхов.

— Какой кошмар!

— Думаю, они считают, что рано или поздно я за кого-нибудь выйду, чтобы сбежать из прачечной, — сказала Элла. — Принцу-то одежду стирать не нужно, я полагаю, — со злостью добавила она. — Небось, он ее разок носит и сразу сжигает.

— Но *ты* хочешь сама чего-то добиться в жизни, — вдохновляюще сказала Маграт, чтобы подбодрить ее. — Ты хочешь стать независимой девушкой. Хочешь освободиться.

— Я уж не знаю, хочу ли я этого, — сказала Элла с осторожностью на тот случай, если этим грехом можно оскорбить фею-крестную.

— Нет, хочешь, — сказала Маграт.

— Хочу?

— Да.

— Ой.

— Ты не обязана выходить замуж за того, за кого не хочешь.

Элла откинулась на стуле.

— Да что вы с этим поделаете? — сказала она.

— Эм-м… ну… полагаю, я…

— Платье привезли вчера, — продолжила Элла. — Оно в главной гостиной, на манекене, чтобы

не помялось. Чтобы оставалось *идеальным*. Еще они специально отполировали карету. И наняли дополнительных слуг.

— Да, но может быть…

— Кажется, мне все-таки предстоит выйти за того, за кого я не хочу, — сказала Элла.

Матушка Ветровоск бродила туда-сюда по плавучей веранде. Вся хижина дрожала от ее шагов. По воде вокруг веранды расходились круги.

— Ну конечно, ты ее не помнишь! — воскликнула она. — Наша мамаша выгнала ее в тринадцать лет! Я тогда еще совсем мелкой была! Но я помню их ссоры! Я их вечно слышала, когда меня отправляли в постель! Она вела себя совершенно *непристойно*!

— По молодости ты и про меня говорила, что я веду себя непристойно, — сказала Нянюшка.

Матушка задумалась — ее на миг выбили из равновесия. Затем раздраженно отмахнулась.

— Конечно, так оно и было, — небрежно согласилась она. — Но ты не пользовалась для этого магией, верно?

— Как-то не требовалось, — улыбнулась Нянюшка. — Трюк со сползающей с плеча бретелькой и без того отлично работал.

— Сползающей с плеча и прямо в траву, если

мне память не изменяет, — сказала Матушка. — Ну, а она применяла магию. И не просто обычную магию. О нет, она была такой *своенравной*!

Нянюшка Ягг чуть не сказала: «Что? В смысле, непослушной и самоуверенной, как ты, Эсме?» Но сдержалась. Не стоит жонглировать спичками на пороховом складе.

— К нам вечно приходили жаловаться отцы юношей, — мрачно сказала Матушка.

— На меня они никогда не жаловались, — радостно доложила Нянюшка.

— И она вечно пялилась на себя в зеркало, — сказала Матушка. — Самовлюбленная, как кошка. Она всегда предпочитала смотреть в зеркала, а не в окна.

— Как ее звали-то?

— Лили.

— Милое имечко, — сказала Нянюшка.

— Теперь она называет себя иначе, — вставила госпожа Гоголь.

— Да уж наверняка!

— А она что, правит этим городом? — спросила Нянюшка.

— Что-что, а *покомандовать* она любила!

— Зачем ей вообще править городом? — сказала Нянюшка.

— У нее есть планы, — сказала госпожа Гоголь.

— А тщеславие? Она такая тщеславная! — продолжила Матушка, уже ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ты знала, что она здесь? — спросила Нянюшка.

— У меня было предчувствие! Эти зеркала!

— Зеркальная магия не злая, — возразила Нянюшка. — Я сама чего только не делала с зеркальцем. С ним можно славно поразвлечься.

— Она использует не одно зеркало, — сказала госпожа Гоголь.

— А-а.

— Она использует два зеркала.

— А-а. Это другое дело.

Матушка уставилась на поверхность воды. Из темноты на нее смотрело ее собственное лицо.

По крайней мере, она надеялась, что это ее лицо.

— Я чуяла, как она за нами следила всю дорогу сюда, — сказала она. — Ей больше всего по нраву находиться внутри зеркал. И еще затягивать людей в сказки.

Она потыкала отражение палочкой.

— В доме Дезидераты как раз перед приходом Маграт она и меня видела. Мало приятного, зна-

ете ли, увидеть вместо своего отражения чье-то еще…

Она запнулась.

— И кстати, где Маграт?

— Занята феекрестными делами, небось, — сказала Нянюшка. — Она же сказала, ей, мол, помощь не нужна.

Маграт была недовольна. Еще она испугалась, отчего недовольство только усиливалось. А когда Маграт была недовольна, людям приходилось туго. Все равно что воевать с мокрой тканью.

— Я тебе гарантирую, — сказала она. — Ты не обязана ходить на бал, если не хочешь.

— Вы же никак их не остановите, — мрачно процедила Элла. — Я же знаю, как дела в этом городе делаются.

— Слушай, я же сказала, можешь не ходить! — повторила Маграт.

Она как будто задумалась.

— Может, ты хочешь выйти замуж за кого-то другого, нет? — спросила она.

— Нет. Я мало кого тут знаю. Возможностей особо не было.

— И ладно, — сказала Маграт. — Так даже проще. Предлагаю вывезти тебя отсюда и… и увезти куда-нибудь еще.

— Некуда. Я же сказала. Вокруг только болота. Я пару раз пробовала, и они послали за мной кучеров. Они не были грубыми. В смысле, кучера. Они просто боятся. Тут все боятся. Думаю, даже Сестры боятся.

Маграт оглядела тени вокруг.

— Боятся чего? — спросила она.

— Говорят, люди исчезают. Когда дож ими недоволен. С ними что-то случается. В Орлее все очень *вежливые*, — хмуро сказала Элла. — И никто не ворует, не повышает голос, а по ночам остается дома, кроме как на Жирный Вторник, — она вздохнула. — Вот *куда* я бы пошла. На карнавал. Но мне всегда запрещают. А я слышу, как в городе празднуют, и думаю: вот такой должна быть Орлея. Танцевать должна не кучка людей во дворце, а все люди на улицах.

Маграт встряхнулась. Она почувствовала, как далеко она от дома.

— Кажется, с этим мне понадобится небольшая помощь, — сказала она.

— У вас же есть палочка, — удивилась Элла.

— Думаю, временами одной палочки недостаточно, — сказала Маграт и встала. — Но вот что я тебе скажу, — добавила она. — Мне не нравится этот дом. Мне не нравится этот город. Саженька?

— Что?

— Ты *не пойдешь* на бал. Я об этом позабочусь…

Она обернулась.

— А я вам говорила, — пробормотала Элла, потупив глаза. — Их никогда не слышно.

Одна из сестер стояла на вершине лестницы, ведущей в кухню. Ее неподвижные глаза уставились на Маграт.

Говорят, что у всякого человека есть черты того или иного животного. Маграт, вероятно, имела прямую психическую связь с каким-то мелким пушистым зверьком. Она ощущала ужас всех крошечных грызунов перед лицом немигающей смерти. Этот угрожающий взгляд словно безмолвно говорил, что бегство бессмысленно, сопротивление тщетно, гибель неизбежна.

Она понимала, что ничего не может сделать. Даже ноги не слушались ее. Казалось, будто взгляд передает приказы прямо в ее спинной мозг. Чувство беспомощности почти умиротворяло…

— Мир вашему дому.

Сестра обернулась быстрей, чем успел бы пошевелиться любой человек.

Матушка Ветровоск толкнула дверь.

— Батюшки мои, — сказала она, — и охо-хонюшки.

— Ага, — добавила Нянюшка Ягг, протискиваясь в дверь вслед за ней. — И мои батюшки.

— Мы просто две старушки-попрошайки, — сказала Матушка, пересекая комнату.

— Ходим от дома к дому, побираемся, — сказала Нянюшка Ягг. — И совершенно точно не направлялись вот прямо сюда.

Они взяли Маграт под локотки и приподняли ее над полом.

Матушка повернулась.

— А вы, барышня?

Элла покачала головой, не поднимая глаз.

— Нет, — сказала она. — Мне нельзя с вами.

Матушкины глаза сузились.

— Я так и думала, — сказала она. — У нас у каждого своя дорога, как кто-то сказал, но точно не я. Пойдем, Гита.

— Ну, мы пошли, — улыбнулась Нянюшка Ягг.

Они обернулись.

В дверях появилась вторая сестра.

— Божечки, — сказала Нянюшка Ягг. — Я даже не заметила, как она двигалась!

— Мы как раз собирались уходить! — громко сказала Матушка Ветровоск. — А вы тоже, сударыня?

Она встретила взгляд взглядом.

Воздух накалился.

Затем Матушка Ветровоск процедила сквозь сжатые зубы:

— Когда я скажу «беги», Гита…

— Я слышу, — сказала Нянюшка.

Матушка пошарила за спиной и схватила чайник, которым только что пользовалась Маграт. Взвесила его в руке, стараясь двигаться медленно и плавно.

— Готова, Гита?

— Готова, Эсме.

— Беги!

Матушка метнула чайник высоко в воздух. Обе сестры вскинули головы, следя за ним.

Нянюшка Ягг вытащила ковыляющую Маграт за порог. Матушка захлопнула за собой дверь прямо перед носом ближайшей из сестер, которая слишком поздно метнулась к ним с разинутым ртом.

— Мы же там девушку оставили! — крикнула Нянюшка на бегу по аллее.

— Они ее сторожат, — сказала Матушка. — Они не причинят ей вреда!

— Я ни у кого еще таких зубищ не видала! — сказала Нянюшка.

— Потому что они не кто-нибудь там. Это змеи!

Добежав до дороги, они оказались в относительной безопасности и прислонились к ограде.

— Змеи? — просипела Нянюшка. Маграт открыла глаза.

— Это все шуточки Лили, — сказала Матушка. — Помнится, она в таких делах была мастерица.

– *Взаправдашние* змеи?

— Они самые, — мрачно сказала Матушка. — Она легко заводила друзей.

— Да чтоб меня! Даже *я* бы так не смогла.

— Она раньше тоже не умела, самое большее на пару секунд. Вот какую власть дают зеркала.

— Я… я… — заикнулась Маграт.

— Ты в *порядке*, — сказала Нянюшка и подняла глаза на Эсме Ветровоск. — Нельзя бросать девушку, что ни говори. Особенно в доме, где бродят змеи, которые думают, что они люди, — сказала она.

— Хуже того. Они там бродят и думают, что они змеи, — сказала Матушка.

— Ну, не суть. *Ты* бы никогда такого не стала делать. Ты, самое худшее, заставляла людей немного путаться в том, кто они такие.

— Это потому, что я добрая, — хмуро заявила Матушка.

Маграт поежилась.

— Так как же мы собираемся ее вытащить? — спросила Нянюшка.

— Пока никак. Нужно подождать подходящего момента, — сказала Матушка. — Маграт Чесногк, ты меня слышишь?

— Да, Матушка, — сказала Маграт.

— Надо кое-куда сходить и поговорить, — сказала Матушка. — Насчет сказок.

— А что там насчет сказок? — спросила Маграт.

— Лили их использует, — сказала Матушка. — Ты разве не заметила? Это же чувствуется по всей стране. Сказки сгущаются тут, потому что именно здесь они находят выход. Она их *питает*. Слушай, она решила выдать твою Эллу за этого, как его, дожа не из-за политики или чего-то такого. Это просто… объяснение. Не *причина*. Она хочет выдать девушку за принца, потому что того требует сказка.

— А ей-то что с того? — спросила Нянюшка.

— В центре сказки либо фея-крестная, либо злая ведьма… помнишь? Вот куда Лили вводит себя, как… как… — она запнулась, пытаясь подобрать нужное слово. — Помнишь тот раз, когда в Ланкр приехал цирк?

— Помню, — сказала Нянюшка. — Там были

девчонки в трико в обтяжку и парни, поливавшие себе штаны побелкой. А вот слона я не увидела. Обещали, что будут слоники, а их не было. Хотя на плакате были слоны. Я целых два пенни потратила, и хоть бы один сло…

— Да, но я хочу сказать, — сказала Матушка, быстро шагая по улице, — что в центре всего этого был один мужчина. Помнишь, такой с усами и в большой шляпе?

— Этот-то? Да он почти ничего и не делал, — сказала Нянюшка. — Только стоял посреди шатра и порой щелкал кнутом, а вокруг все вертелось.

— Вот потому он и был там главным, — сказала Матушка. — Потому что вокруг него все вертелось.

— А чем Лили кормит сказки? — спросила Маграт.

— Людьми, — нахмурилась Матушка.

— Сказки! — сказала она. — Что ж, посмотрим…

Зеленые сумерки окутали Орлею. Клубы туманов поднимались с болот.

На улицах загорелись факелы. В десятках дворов двигались темные силуэты, срывая покрывала с плотов. Во мраке поблескивал бисер и звякали колокольчики.

Целый год жители Орлеи были тихими и послушными. Но исторически в любом календаре угнетенным отдают одну ночь в году, чтобы сохранить мировой баланс. Ее называют где Пиром Дураков, где Бобовым Королем. Или, например, Самеди Нуит Мор, Субботняя Ночь Мертвых, когда кому угодно можно забыть даже самые тяжкие и важные заботы и как следует повеселиться.

Ну или почти кому угодно…

Конюхи и лакеи сидели в сарае сбоку от конного двора, ужинали и жаловались, что приходится работать в Ночь Мертвых. Еще они проводили традиционный ритуал, положенный в таком случае: выяснить, что жены им приготовили в дорогу, и позавидовать тем мужьям, у которых жены явно заботливее.

Главный лакей осторожно приподнял верхний ломтик хлеба.

— У меня куриная шейка и соленый огурец, — сказал он. — Есть у кого сыр?

Второй конюх заглянул в свой сверток.

— Опять вареный бекон, — простонал он. — Вечно она дает мне вареный бекон. Знает же, что я его не люблю. И даже жир не срезала.

— Толстый такой белый слой жира? — спросил первый конюх.

— Ага. Ужас. Разве это праздничный обед?

— Обменяю на салат и помидор.

— По рукам. А у *тебя* что, Джимми?

Младший лакей застенчиво открыл свой идеальный сверток. В нем было четыре бутерброда со срезанными корочками. И веточка петрушки. И даже салфетка.

— Копченый лосось и творожный сыр, — сказал он.

— А *еще* кусочек свадебного торта, — сказал первый конюх. — Вы до сих пор его не доели?

— Едим каждый вечер, — сказал младший лакей.

Сарай содрогнулся от общего хохота. Общеизвестно, что любое невинное замечание, сделанное любым недавно женившимся юношей из любого трудового коллектива всегда вызывает неудержимое веселье у его старших и более циничных коллег. Так бывает даже у девятиногих тварей, живущих на дне аммиачного океана на гигантской ледяной планете. Просто так уж заведено.

— Наслаждайся, пока можешь, — хмуро сказал второй конюх, когда хохот утих. — Все начинается с поцелуев, торта, срезанных корочек, а не успеешь опомниться, как она уже капает тебе на

мозги, у нее голова болит, и все такое.

— Я так считаю, — начал первый конюх, — все зависит от того, как ты…

В дверь постучали.

Младший лакей, как низший по должности, встал и открыл.

— Тут бабка какая-то, — сказал он. — Чего тебе, бабка?

— Выпить хочешь? — спросила Нянюшка Ягг. Она протянула кувшин, от которого исходили отчетливо спиртные пары, и дунула в бумажный гудок.

— Чего? — удивился лакей.

— Жалко мне вас, парни, выгнали вас на работу. А нынче ж праздник! Юх-ху!

— Что там творится? — начал старший конюх, и тут до него долетел дух спиртного. — Боги мои! Что это за *бухло*?

— Пахнет ромом, господин Тревис.

Главный конюх колебался. С улиц доносились музыка и смех — вышли первые гуляющие. По всему городу громыхали салюты. Такой ночью не обойтись без глоточка спиртного.

— Какая добрая старушка, — сказал он.

Нянюшка Ягг снова помахала кувшином.

— Давайте до дна! — сказала она. — До зеленых

чертей!

Так называемые классические ведьмы бывают двух основных разновидностей: одна посложнее, другая попроще. Иначе говоря, те, у кого полный набор атрибутов и те, у кого их нет. Маграт по всем параметрам относилась к первым. Взять хотя бы ритуальные кинжалы. У нее была целая коллекция ритуальных кинжалов с разноцветными рукоятками и хитроумными рунами на них.

Маграт много лет проучилась у Матушки Ветровоск, прежде чем усвоила, что простой кухонный нож для хлеба лучше, чем изукрашенный ритуальный кинжал. Он может резать все то же, что ритуальный, и еще хлеб в придачу.

Во всякой уважающей себя кухне есть один старинный нож с истертой рукоятью и кривым, как банан, лезвием, такой поразительно острый, что совать руку в буфет в темноте — все равно что ловить яблоки из бочки с пираньями.

Маграт такой носила на поясе. Сейчас она висела в десяти метрах над землей, одной рукой держась за метлу, а другой за водосточную трубу, а ногами болтая в воздухе. Казалось, что проникать в дома легко, если у тебя есть метла. Оказалось, что казалось.

В итоге она сумела обхватить трубу обеими

ногами и крепко ухватиться за очень кстати подвернувшуюся гаргулью. Она втиснула нож между оконными рамами и откинула щеколду. Еще немного покряхтев, она забралась внутрь, прижалась к стене и перевела дух. Перед глазами у нее плясали синие огоньки — точь-в-точь как фейерверки, взрывавшие ночь снаружи.

Матушка несколько раз спросила, точно ли она готова это сделать. И с удивлением Маграт поняла, что *точно* готова. Даже если женщины-змеи уже бродят по дому. Быть ведьмой — значит отправляться в места, в которые тебе не хочется.

Она открыла глаза.

Посреди комнаты высилось платье, надетое на манекен.

Над Орлеей взорвалась Клатчская Свеча. Зеленые и красные звезды расцвели на бархатном мраке неба и осветили жемчуга и шелка, представшие перед Маграт.

Самое прекрасное платье, какое она только видела.

С пересохшим горлом она осторожно двинулась вперед.

Над болотом клубился теплый туман.

Госпожа Гоголь помешивала в котле.

— Что они делают? — спросил Суббота.

— Прерывают сказку, — сказала она. — А может… и нет…

Она встала.

— Так или иначе, пришло наше время. Пойдем на поляну.

Она взглянула в лицо Субботе.

— Ты боишься?

— Я… знаю, что будет дальше, — сказал зомби. — Даже если мы победим.

— Мы оба знаем. Но у нас было двенадцать лет.

— Да. Двенадцать лет.

— А Элла будет править городом.

— Да.

В сарае Нянюшка Ягг с конюхами уже поладили, пользуясь ее терминологией, как ром и баба.

Младший лакей вяло улыбнулся стене и повалился ничком.

— Вот молодежь пошла, — сказал главный конюх, вылавливая свой парик из кружки. — Совсем пить не умеет. Унесло с рюмб… ромб… с вот столечко…

— Еще на волосочек вам налить, сударь Тревис? — сказала Нянюшка, наполняя кружку. — Или на аллигаторову чешуйку, или как у вас тут в заграницах говорят?

— Кажись, — сказал старший лакей, — нам

надо было кар… арету подготовить, нет?

— Кажись, у вас есть время еще на одну, — сказала Нянюшка Ягг.

— Оч' щедро с ваш'стрны, — сказал конюх. — Оч' щедро. Вот гл'жу я на вас, гооо-госпожа Ггг…

Маграт всегда мечтала о таком платье. В глубине души, короткими ночными часами она танцевала в нем с принцами. Не скромными трудолюбивыми принцами, вроде Веренса, а настоящими, с хрустально-голубыми глазами и белыми зубами. А она была бы *одета* в такое платье. И оно было бы ей *впору*.

Она любовалась на рукава с рюшами, на вышитый лиф, на тонкое белое кружево. Это платье было совсем не из того мира, что ее… ну… Нянюшка Ягг все зовет их «магратки», но вообще-то это очень практичные штаны.

Как будто так важно быть практичным.

Она глазела очень долго.

Слезы лились по ее лицу, меняя цвет от сполохов фейерверков. А затем она достала нож и начала резать платье в клочья.

Голова главного конюха мягко упала на его бутерброды.

Нянюшка Ягг встала, слегка пошатываясь. Парик младшего лакея она подложила ему под

голову, потому что женщиной она была доброй. Затем она вышла в ночь.

Возле стены шевельнулся силуэт.

— Маграт? — прошипела Нянюшка.

— Нянюшка?

— Разобралась с платьем?

— А вы разобрались с лакеями?

— Что ж, ладно, — сказала Матушка Ветровоск, выходя из тени. — Осталась только карета.

Она с драматичным видом подкралась к гаражу и открыла дверь. Та резко скрежетнула по булыжникам.

— Тс-с-с! — цыкнула Нянюшка.

На притолоке был огарок свечи и пара спичек. Маграт зажгла свечку.

Карета засверкала, как бальный шар.

Она была изысканно украшена, будто кто-то взял самую обыкновенную карету, а затем помешался на резьбе и позолоте.

Матушка Ветровоск обошла вокруг нее.

— Немного вычурно, — сказала она.

— Прямо жалко ломать такую, — вздохнула Нянюшка. Она закатала рукава, а затем, подумав, подоткнула края юбки в панталоны.

— Должен же тут быть какой-нибудь молоток, — сказала она, шаря по скамьям вдоль стен.

— Не надо! Это слишком шумно! — прошипела Маграт. — Погодите-ка минутку…

Она вытащила треклятую палочку из-за пояса, сжала покрепче и махнула в сторону кареты.

Взметнулся порыв ветра.

— Разрази меня гром, — сказала Нянюшка. — Никогда бы о таком не подумала.

На полу стояла огромная рыжая тыква.

— Ничего особенного, — сказала Маграт, сдержав гордость.

— Ха! Да уж, такая карета больше никогда не поедет, — сказала Нянюшка.

— Эй… а с лошадьми то же самое сделаешь? — предложила Матушка.

Маграт покачала головой:

— Эм-м, думаю, это слишком жестоко.

— Да. Ты права, — сказала Матушка. — Нельзя быть такой жестокой к глупым животным.

Два жеребца с лошадиным любопытством наблюдали, как она отпирала их стойла.

— Убирайтесь, — сказала она. — Там вас зеленые поля заждались.

Она мельком глянула на Маграт:

— Вас о-конь-чательно освободили.

Это на них не подействовало.

Матушка вздохнула. Она забралась на деревян-

ную стенку, разделявшую стойла, потянулась вверх, схватила по конскому уху в каждую руку и нежно притянула их головы на уровень своего рта.

И что-то прошептала.

Жеребцы повернули головы и переглянулись.

Затем посмотрели на Матушку.

Она ухмыльнулась им и кивнула.

Затем…

Конь не может перейти в галоп с места, но им это практически удалось.

— Боги, да что такое вы им сказали? — спросила Маграт.

— Волшебное лошадиное слово, — сказала Матушка. — Передано по наследству Гитиному Джейсону, а тот передал мне. Всегда срабатывает.

— Он тебе его рассказал? — спросила Нянюшка.

— Да.

— Что, целиком?

— Да, — с гордостью ответила Матушка.

Маграт засунула палочку обратно за пояс. При этом на пол выпал квадратный лоскут ткани.

Белые жемчужины и шелк блеснули в пламени свечей, когда она поспешно метнулась подобрать

его, и это не ускользнуло от внимания Матушки Ветровоск.

Она вздохнула.

— Маграт Чесногк… — начала она.

— Да, — промямлила Маграт. — Да. Знаю. Я мокрая клуша.

Нянюшка мягко хлопнула ее по плечу.

— Не переживай, — сказала она. — Нам тут одна ночь работы осталась. У Эллы теперь не больше шансов попасть на бал, чем у меня… стать королевой.

— Без платья, без лакеев, без лошадей и без кареты, — сказала Нянюшка. — Поглядим, как *она* выпутается из *такого*. Сказки? Ха!

— Итак, куда нам теперь? — спросила Маграт, когда они выскользнули со двора.

— Жирный Обед на дворе! — сказала Нянюшка. — За хоть-бы-хны-догами, конечно!

Грибо вышел из мрака и потерся о ее ноги.

— А мне казалось, Лили пыталась его запретить, — сказала Маграт.

— Можно с тем же успехом запрещать потоп, — сказала Нянюшка. — Давайте, зажигаем!

— Я не одобряю танцы на улицах, — сказала Матушка. — Сколько рому ты уже выпила?

— Ой, да *ладно* тебе, Эсме, — сказала Нянюш-

ка. — Говорят, если не можешь зажечь в Орлее, ты, видать, покойник, — она вспомнила о Субботе. — Хотя, пожалуй, в Орлее можно слегка развлечься, даже если ты *и есть* покойник.

— А может, нам лучше остаться тут? — спросила Маграт. — Просто чтобы убедиться?

Матушка Ветровоск колебалась.

— Что думаешь, Эсме? — сказала Нянюшка Ягг. — Думаешь, она отправит ее на бал в тыкве, да? И мышек в нее запряжет, да? Хе-хе-хе!

В памяти Матушки Ветровоск всплыл образ женщин-змей, и она колебалась. Но, в конце концов, это был долгий день. И даже смешно подумать, что…

— Ну ладно, — сказала она. — Но никаких «зажиганий» я делать не буду, понятно?

— Тут везде танцы и все такое, — сказала Нянюшка.

— И наверняка банановые напитки, — сказала Маграт.

— Да уж, шанс миллион на один, — улыбнулась Нянюшка Ягг.

Лилит де Темпскир улыбнулась себе в двойное зеркало.

— Охо-хонюшки, — сказала она. — Без кареты, без платья, без лошадей. Что же делать бедной

старой крестной? Охо-хонюшки. Даже, пожалуй, божечки.

Она открыла небольшой кожаный футляр, в каком музыкант мог бы хранить свою лучшую флейту-пикколо.

Внутри была волшебная палочка — копия той, что досталась Маграт. Она взяла ее и что-то повернула, поменяв местами серебряные и золотые кольца.

Они щелкнули, как зловещий заводной механизм.

— А у меня осталась одна лишь тыква, да, — сказала Лилит.

Конечно, разница между разумными и неразумными в том, что первых трудно во что-то превратить, но не невозможно. Нужно было просто изменить течение разума. Ну а неразумные вещи, вроде тыквы — трудно представить что-то неразумнее тыквы, верно? — невозможно превратить ничем, кроме сильных чар.

Если только ее молекулы не помнят времена, когда еще не были тыквой…

Она рассмеялась, и миллиарды отраженных Лилит смеялись вместе с ней по всей дуге зеркальной вселенной.

В центре Орлеи Жирный Обед больше не от-

мечали. Но в темных трущобах и трактирах, окружавших белые здания, он расцветал яркими факелами. Тут пускали салюты. Тут были танцоры и глотатели огня, перья и блестки. Ведьмы, представления которых о лихом развлечении ограничивались народными плясками, стояли на переполненном тротуаре и глазели, разинув рты, на марширующие мимо процессии.

— Там танцующие скелеты! — сказала Нянюшка при виде костяных фигур, проходящих по улице.

— Не настоящие, — поправила Маграт. — Просто люди в черных трико, на которых нарисованы скелеты.

Кто-то ткнул Матушку Ветровоск под ребра. Она подняла голову и увидела широко улыбающегося чернокожего человека. Он протянул ей глиняную бутыль.

— Угощайся, дорогуша.

Матушка взяла его, поколебалась чуть и пригубила. А затем ткнула Маграт и передала бутыль ей.

— Фргтхт! Гизиир! — сказала она.

— Что? — откликнулась Маграт, перекрикивая шум оркестра.

— Этот парень хочет, чтобы мы передали даль-

ше, — сказала Матушка.

Маграт посмотрела на бутыль. Она невольно попыталась обтереть ее горлышко платьем, хотя и было очевидно, что если там и были какие бактерии, они уже давно сдохли. Она отважно пригубила напиток, а затем ткнула Нянюшку Ягг.

— Квизацагнер! — сказала она и протерла глаза.

Нянюшка допила бутыль. Маграт ткнула ее вновь.

— Я думала, мы ее дальше должны были передать? — спросила она.

Нянюшка вытерла губы и передала уже явно полегчавшую бутыль кому-то слева.

— Угощайтесь, сударь, — сказала она.

— СПАСИБО.

— Отличный у вас костюмчик. Кости нарисованы прям как настоящие.

Нянюшка снова повернулась к процессии жонглеров-огнеглотателей. Затем в глубине ее мозга сработала какая-то связь. Она подняла глаза. Но незнакомец уже ушел.

Она пожала плечами.

— Ну, что дальше? — спросила она.

Матушка Ветровоск не отрываясь смотрела на

кружок танцоров лимбо. Многие танцы на этом параде были схожи в одном: они открыто показывали то, на что всякие там майские шесты только намекали. И покрывали это самое блестками.

— Теперь и в сортир зайти будет страшно, да? — сказала Нянюшка Ягг. Грибо сел у ее ног, чопорно созерцая танец женщин, одетых в одни лишь перья, и пытаясь понять, что ему с ними делать.

— Нет. Я о другом думаю. Я думаю о том… как работают сказки. А еще… думаю, я бы не отказалась перекусить, — вяло сказала Матушка. Но не забыла добавить: — И чтобы это была нормальная еда, а не то, что наскребли на дне пруда. И чтобы без этой их «высокой» кухни, ясно?

— Надо быть более открытой приключениям, Матушка, — сказала Маграт.

— Я в целом не против умеренных приключений, — сказала Матушка, — только не во время еды.

— В той стороне было заведеньице, где делают бутерброды с аллигаторами, — сказала Нянюшка, отворачиваясь от парада. — Представляешь? Аллигаторы в бутербродах!

— Сразу вспоминается анекдот, — сказала Матушка Ветровоск. В ее подсознании что-то подергивалось.

Нянюшка Ягг попробовала закашляться, но это не помогло.

— Один мужик заходит в таверну, — сказала Матушка Ветровоск, стараясь не обращать внимание на растущую тревогу. — И видит там табличку. А на ней написано «Мы подаем все виды бутербродов». И он говорит: «Подайте-ка мне бутерброд с аллигатором, да побыстрей!»

— Мне кажется, бутерброды с аллигаторами — это жестоко по отношению к аллигаторам, — сказала Маграт, нарушив неловкое молчание.

— А я всегда говорила: смех делает людей добрее, — сказала Нянюшка.

Лилит улыбнулась при виде Эллы, покорно стоявшей между женщинами-змеями.

— И платье-то какое драное, — сказала она. — А ведь дверь была заперта. Тц-тц. Как же такое могло приключиться?

Элла смотрела в пол.

Лилит улыбнулась сестрам.

— Ладно, — сказала она. — давайте постараемся сделать все возможное с тем, что имеем. Хм-м? Поймайте мне… поймайте-ка мне двух крыс и двух мышей. Я же *знаю*, что вы умеете находить мышей и крыс. И принесите ту большую тыкву.

Она рассмеялась. Не безумным жутким смехом

побежденной злой феи, а вполне приятным смехом человека, услышавшего хорошую шутку.

Она задумчиво посмотрела на палочку.

— Но сперва, — сказала она, переводя взгляд на бледное лицо Эллы, — приведите-ка мне этих *непослушных* мальчиков, которые позволили себе напиться. Это было неуважительно. А без уважения ты никто.

Тишину в кухне нарушали только щелчки колец на палочке.

Нянюшка Ягг потыкала пальцем в стоявший перед ней высокий бокал.

— Вот в упор не пойму, зачем они в него зонтик вставляют, — сказала она, откусив вишенку с трубочки коктейля. — В смысле, они что, боятся, что он намокнет?

Она улыбнулась Маграт и Матушке, которые хмуро разглядывали идущий мимо парад.

— Веселей, — сказала она. — В жизни таких постных рож не видела.

— Славный у вас ром, похоже, — сказала Маграт.

— А то! — сказала Нянюшка, отхлебнув. — Ваше здоровье!

— Слишком уж все просто, — сказала Матушка Ветровоск.

— Это для нас все было просто, — сказала Нянюшка. — Хочешь, чтобы дело было сделано, — зови этих девчонок, а? Покажи мне того, кто еще смог бы все это провернуть за такое короткое время, а? Особенно с конюхами.

— Сказку на этом не построишь, — сказала Матушка.

— Ой, да к черту сказки, — поморщилась Нянюшка. — Всегда можно рассказать ее иначе.

— Только в нужные моменты, — сказала Матушка. — И вообще, вдруг они добудут ей новое платье, лошадей, кучера и все такое.

— Где? Когда? — спросила Нянюшка. — Сейчас праздник. И *времени* уже нет. Бал начнется с минуты на минуту.

Матушка Ветровоск барабанила пальцами по столику кафе.

Нянюшка вздохнула.

— Ну что еще? — спросила она.

— Так просто не бывает, — сказала Матушка.

— Слушай, Эсме, единственная магия, которая сейчас бы сработала, это магия палочки. А палочка у Маграт, — Нянюшка кивнула в сторону Маграт. — Верно, Маграт?

— Ну… — сказала Маграт.

— Ты же не потеряла ее?

— Нет, но…

— Вот видите.

— Только… эм-м… Элла говорила, что у нее *две* крестные.

Матушка Ветровоск обрушила ладонь на стол. Бокал Нянюшки подскочил и перевернулся.

— Так и *знала*! — рявкнула Матушка.

— Он был почти полный. Почти до краев полный, — простонала Нянюшка.

— Идем!

— Замечательный полный бокальчик…

— Гита!

— А я что? А я ничего, просто говорю, что…

– *Хватит!*

— Можно я хотя бы другой зака…

– *Гита!*

Ведьмы прошли уже пол-улицы, когда со двора выехала карета и укатила прочь.

— Не может быть! — сказала Маграт. — Мы же с ней разделались!

— Надо было разрезать ее, — сказала Нянюшка. — А потом хорошенько закусить тык…

— Нас опередили, — сказала Матушка и остановилась.

— Вы можете залезть в разум лошадей? — спросила Маграт.

Ведьмы сосредоточились.

— Это не лошади, — сказала Нянюшка. — По ощущениям скорее как…

— Крысы, превращенные в лошадей, — сказала Матушка, которая умела проникать в разумы других лучше, чем просто понимать их. — Они похожи на того бедного волка. Их разум рвется как фейерверк, — она содрогнулась от этого чувства в собственной голове. — Полагаю, — задумчиво произнесла Матушка, когда карета завернула за угол, — полагаю, я могла бы сделать так, чтобы у них отвалились колеса.

— Не вариант, — сказала Маграт. — Там же внутри Элла!

— Должен быть другой способ, — сказала Нянюшка. — Знаю я кое-кого, кто отлично умеет влезать во всякие мозги.

— Кого? — спросила Маграт.

— Ну, метлы у нас есть, — сказала Нянюшка. — Обогнать их будет нетрудно, да?

Ведьмы приземлились в переулке за несколько минут до прибытия кареты.

— Не по душе мне это, — сказала Матушка. — Таким Лили обычно промышляет. Но я такого не одобряю. Вспомни того волка!

Нянюшка вытащила из прутьев метлы Грибо.

— Да ладно, Грибо все равно почти как человек, — сказала она.

— Ха!

— И это ж только временно, даже если мы втроем все сделаем, — сказала она. — И вообще, ну интересно ж посмотреть, сработает или нет.

— Да, но это *неправильно*, — сказала Матушка.

— В заграницах, похоже, так не считают, — сказала Нянюшка.

— И кстати, — добавила высокоморальная Маграт, — это не может быть злом, если *мы* это делаем. Мы же добрые.

— О да, мы такие, — сказала Матушка. — Я об этом на мгновение забыла.

Нянюшка отошла назад. Грибо сел, понимая, что от него чего-то ждут.

— Признайте, Матушка, ничего лучше мы придумать не можем, — сказала Маграт.

Матушка колебалась. Но под слоем неприятия теплился предательский огонек интереса: а что, если? К тому же они с Грибо от всей души ненавидели друг друга долгие годы. Почти человек, да? Что ж, пусть отведает этого с горочкой, посмотрим, как ему понравится… Ей было почти стыдно за такие мысли. Но только почти.

— Ну, *ладно*.

Они сосредоточились.

Лили знала, что поменять форму предмета — один из сложнейших видов магии. Но с живым объектом всегда проще. В конце концов, живое существо уже знает, какой оно формы. Надо только поменять его представление об этом.

Грибо зевнул и потянулся. И с удивлением обнаружил, что продолжает тянуться.

По извилинам кошачьего мозга хлынул поток веры. Он внезапно поверил, что он человек. Ему не казалось, что он человек; он искренне в это верил. И эта мощь несокрушимой веры изменила самую его форму, отбросила все ее возражения, переписала чертежи его основ.

Понеслись новые инструкции.

Раз он человек, то к чему весь этот мех? И надо бы вырасти покрупнее…

Ведьмы завороженно наблюдали.

– *Никогда* бы не подумала, что так получится, — сказала Матушка.

…никаких острых ушек, усы покороче…

…нужно больше мышц, кости все не той формы, ноги надо длиннее…

И наконец все было готово.

Грибо разогнулся и встал, слегка пошатываясь.

Нянюшка глазела на него, разинув рот.

Затем опустила глаза пониже.

— Ой-е, — сказала она.

— Думаю, — сказала Матушка Ветровоск, — нам стоит вообразить ему немного одежды *немедленно*.

Это было несложно. Когда Грибо, к ее удовлетворению, был одет, Матушка кивнула и отошла.

— Маграт, можешь открыть глаза, — сказала она.

— Я и не закрывала.

— А стоило бы.

Грибо медленно обернулся с ленивой улыбкой на испещренном шрамами лице. Человеческий нос у него был сломан, а незрячий глаз закрывала черная повязка. Но другой глаз сверкал, как ангельские грехи, а улыбка его предвещала падение святых. По крайней мере, святых женщин.

То ли дело было в феромонах, то ли в том, как переливались мускулы под черной кожаной курткой, но Грибо источал дьявольскую сексуальность мощностью в тысячи мегаватт. Одного взгляда на него хватало, чтобы черные перья вздымались в багровой ночи.

— Эм-м, Грибо, — сказала Нянюшка.

Он открыл рот. Блеснули резцы.

— Мрррряу, — сказал он.

— Ты меня понимаешь.

— Мммдааа, Нянюшка.

Нянюшка Ягг пошатнулась и оперлась о стену.

До них донесся стук копыт. Карета свернула на эту улицу.

— Иди и останови эту карету.

Грибо вновь ухмыльнулся и выскочил из переулка.

Нянюшка обмахнулась шляпой как веером.

— Йиии-ха, — сказала она. — Подумать только, а я ведь ему пузико щекотала… Теперь ясно, почему кошечки так орут по ночам.

— Гита!

— А что, *ты сама* покраснела, Эсме.

— Просто перевожу дыхание, — сказала Матушка.

— Да ты вроде бы сейчас не бегала.

Карета грохотала по улице.

Кучеры и лакеи были не уверены, что они такое. Их разумы слегка мерцали. То они были людьми, которые думали о сыре и корках от бекона. А то вдруг становились мышами, недоумевающими, почему на них штаны.

Что до лошадей… лошади и без того всегда немного чокнутые, а то, что они еще и крысы, лишь усугубляло ситуацию.

Так что все они были уже немного не в своем уме, когда Грибо вышел из тени и *ухмыльнулся* им.

— Мрррауу, — сказал он.

Лошади попытались затормозить, но это практически невозможно, когда за тобой катит карета. Кучеры замерли в ужасе.

— Мрррауу?

Карету занесло, и она ударилась о забор, кучеры вылетели с козел. Грибо подхватил одного из них за воротник и потряс вверх-вниз, а обезумевшие лошади тем временем пытались вырваться из упряжи.

— Убегаааешь, пушшшшистик? — поинтересовался он.

В испуганных глазах боролись друг с другом мышь и человек. Но это было ни к чему. При любом раскладе они проигрывали. Переключаясь между режимами сознания, кучер видел или ухмыляющегося кота, или ухмыляющегося двухметрового накачанного одноглазого головореза.

Кучеромышь упал в обморок. Грибо встряхнул его пару раз на случай, если пошевелится…

— Вставааай, мышшшшка…

…и потерял к нему интерес.

Дверь кареты громыхнула, крякнула и распах-

нулась.

— Что тут происходит? — спросила Элла.

— Мрр*ауууу*!

В затылок Грибо прилетел башмак Нянюшки Ягг.

— Фу, малыш, нельзя! — сказала она.

— Хочу-у, — жалобно протянул Грибо.

— Вечно ты хочешь, в том-то и проблема, — сказала Нянюшка и улыбнулась Элле. — Вылезай, милая.

Грибо пожал плечами и ушел, волоча за собой обессилевшего кучера.

— Что тут *происходит*? — простонала Элла. — О, Маграт. Это вы устроили?

Маграт позволила себе на миг предаться скромной гордости.

— Я же говорила, что ты не обязана идти на бал, верно?

Элла оглянулась на разбитую карету, затем снова посмотрела на ведьм.

— С тобой не было никаких женщин-змей, надеюсь? — спросила Матушка. Маграт сжала палочку.

— Они поехали вперед, — сказала Элла.

Ее лицо помрачнело — она что-то вспомнила.

— Настоящих кучеров Лилит превратила в

жуков, — прошептала она. — В смысле, они же не были плохими людьми! Она велела поймать ей мышей и превратила тех в людей. А потом сказала, мол, должно быть равновесие, и сестры привели кучеров, и она превратила их в жуков, а потом… она *раздавила* их.

Она в ужасе замолчала.

В небе взорвался салют, но внизу на улице в воздухе повис пузырь грозной тишины.

— Но ведьмы не убивают людей, — сказала Маграт.

— Тут у нас заграница, — прошептала Нянюшка, отводя глаза.

— Думаю, — сказала Матушка Ветровоск, — тебе, барышня, надо поскорей отсюда убраться.

— Они уже недалеко…

— У нас есть метлы, — сказала Маграт. — Мы *все* можем улететь.

— Она что-нибудь за вами пошлет, — мрачно сказала Элла. — Я ее знаю. Что-нибудь из зеркала.

— Ну, мы дадим отпор, — сказала Маграт.

— Нет, — отрезала Матушка. — Что бы ни случилось, пускай случится здесь. Отправим барышню куда-нибудь в безопасное место, а затем… посмотрим.

— Но если я уйду, она узнает, — сказала Элла. — Она ожидает меня на балу прямо сейчас! Она пойдет искать!

— Это логично, Эсме, — согласилась Нянюшка Ягг. — Лучше встретиться с ней в месте, которое ты выберешь. Я бы не хотела, чтобы она искала нас в такую ночку. Когда она явится, лучше быть наготове.

В темноте над ними что-то порхнуло. Маленький черный силуэт спланировал вниз и приземлился на брусчатку. Даже в темноте его глаза блестели. Он выжидающе покосился на ведьм, и в глазах его было куда больше разума, чем положено простой птице.

— Это же петух госпожи Гоголь, — сказала Нянюшка, — верно?

— Я, пожалуй, вообще не уверена, что это такое, — сказала Матушка. — Хотела бы я знать, на чьей она стороне.

— Добра или зла, в смысле? — сказала Маграт.

— Она хорошо готовит, — сказала Нянюшка. — Не думаю, что можно так хорошо готовить и при этом быть *реально* злой.

— Это вы о женщине, которая живет на болотах? — спросила Элла. — Я про нее всякого наслушалась.

— Она, пожалуй, чересчур охотно превращает покойников в зомби, — сказала Матушка. — А это неправильно.

— Слушай, ну мы превратили кота в мужика — то есть, в *человеческого* мужика, — поправилась заядлая кошатница Нянюшка, — а это в принципе тоже неправильно. Я бы даже сказала, это весьма далеко от правильности.

— Да, но мы это сделали для правого дела, — сказала Матушка.

— А мы не знаем, для чего госпожа Гоголь…

Из переулка донесся рык. Нянюшка поспешила навстречу, и до них донесся ее недовольный голос.

— Фу! Брось его немедленно!

— Мое! Мое!

Легба немного прошелся по улице, затем обернулся и снова выжидающе посмотрел на них.

Матушка почесала подбородок и чуть отошла от Маграт и Эллы, прикидывая их размеры. Затем обернулась и огляделась.

— Хм-м, — сказала она. — Лили ожидает тебя, не так ли?

— Она умеет смотреть из отражений, — нервно сказала Элла.

— Хм-м, — повторила Матушка. Затем сунула

палец в ухо и немного поковыряла. — Слушай, Маграт, ты же у нас крестная. Что сейчас для нас важнее всего?

Маграт ни разу в жизни не играла в карты.

— Защитить Эллу, — быстро ответила она, изумленная, что Матушка в конце концов вдруг признала ее законной обладательницей палочки. — В этом суть работы феи-крестной.

— Да?

Матушка Ветровоск нахмурилась.

— Знаете, — сказала она, — а вы двое как раз примерно одного сложения…

Изумление на лице Маграт продержалось полсекунды, прежде чем его сменил внезапный испуг.

Она попятилась.

— Кому-то нужно это сделать, — сказала Матушка.

— Ой, нет! Нет! Это не сработает! Это правда не сработает! Нет!

— Маграт Чесногк, — торжествующе произнесла Матушка Ветровоск, — ты *должна* пойти на бал!

Карета завернула за угол, встав на два колеса. Грибо стоял на козлах, приплясывая, безумно ухмыляясь и пощелкивая кнутом. Это куда весе-

лей, чем гонять пушистый шар с колокольчиком внутри…

В карете сидела Маграт, зажатая между старшими ведьмами, и хваталась за голову руками.

— Но Элла может заблудиться на болоте!

— Петух ее выведет. На болоте у госпожи Гоголь ей будет безопасней, чем на балу, я не сомневаюсь, — сказала Нянюшка.

— Вот уж *спасибо*!

— Пожалуйста, — сказала Матушка.

— Все же поймут, что я — не она!

— Под масками они не заметят, — сказала Матушка.

— Но у меня волосы не того *цвета*!

— Можем их слегка подкрасить, не проблема, — сказала Нянюшка.

— И я другой *комплекции*!

— Можно… — Матушка поколебалась. — Ты бы не могла, знаешь, немного надуться?

— Нет!

— У тебя есть запасное полотенце, Гита?

— Думаю, могу оторвать немного от нижней юбки, Эсме.

— Ой!

— Вот!

— А хрустальные туфельки на мне *не держат-*

ся!

— На мне сидели отлично, — сказала Нянюшка. — Я их разок померила.

— Да, но у меня-то нога меньше вашей!

— Все нормально, — сказала Матушка. — Наденешь пару моих носков, и будут сидеть как родные.

Исчерпав запас возражений, Маграт погрузилась в глубины отчаяния.

— Но я не умею *вести себя* на балах!

Матушка Ветровоск вынуждена была признать себе, что тоже не умеет. Вскинув брови, она посмотрела на Нянюшку.

— Ты вроде любила танцевать по молодости, — сказала она.

— Ну, — сказала светская львица Нянюшка Ягг, — ты, главное, стукай мужчин веером — у тебя же есть веер? — и говори что-то вроде «Ах, сударь»! И хихикать не забывай. И ресницами хлопай. И дуй губки.

— Как это я должна *дуть* губки?

Нянюшка Ягг продемонстрировала.

— Фу-у!

— Не переживай, — сказала Матушка. — Мы будем рядом с тобой.

— И мне от этого должно стать *легче*, что ли?

Нянюшка наклонилась за спину Маграт и взяла Матушку за плечо. Ее губы сложились в слова: «Не выйдет. Она вся в сопли. Не *верит в себя*».

Матушка кивнула.

— Может, мне тебя подменить? — громко сказала Нянюшка — Я в балах знаю толк. Думаю, если распустить волосы, надеть масочку и эти вот блестящие туфельки, и еще немного ослабить платье, никто не заметит разницы. Что скажешь?

Маграт была в таком шоке от представившейся ей при этом картины, что невольно подчинилась, когда Матушка Ветровоск сказала:

– *Посмотри на меня, Маграт Чесногк*.

Карета-тыква подлетела к воротам дворца на полной скорости, распугав лошадей и пешеходов, и затормозила у самой лестницы, подняв тучу гравия.

— Было *весело*, — сказал Грибо. И утратил интерес.

Пара лакеев бросилась открыть дверцу — и их чуть не сдуло мощнейшим высокомерием, исходившим из кареты.

— Быстрее, чернь!

Маграт вылетела наружу, оттолкнув мажордома. Подобрав юбки, она взбежала по красной

ковровой дорожке. Стоявший наверху лакей имел неосторожность спросить у нее приглашение.

— Ах ты, дерзкий *холоп!*

По отвратительным манерам лакей тут же опознал в ней аристократку и поспешно отступил.

Внизу в карете Нянюшка Ягг сказала:

— Тебе не кажется, что ты слегка перестаралась?

— Пришлось, — сказала Матушка. — Ты же знаешь, какая она у нас.

— А мы-то как внутрь попадем? У нас приглашений нет. И одеты мы не в парадное.

— Вынимай метлы из багажа, — сказала Матушка. — Мы войдем через верх.

Они опустились за зубцами башни, нависавшей над дворцом. Снизу долетали отрывки бальной музыки, а над рекой изредка проносились вспышки и хлопки салютов.

Матушка открыла подходящего вида дверцу в башне и спустилась по винтовой лестнице, которая вывела ее на площадку.

— Шикарные тут ковры на полу, — сказала Нянюшка. — А чегой-то они еще и на стенах?

— Это *гобелены*, — сказала Матушка.

— Ой-ей, — сказала Нянюшка. — Век живи, век учись. Что ни день, то что-то новенькое.

Матушка замерла, взявшись за ручку двери.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она.

— Ну, например, я раньше не знала, что у тебя есть сестра.

— Мы о ней просто не говорили.

— Жалко, когда родственники вот так не ладят, — сказала Нянюшка.

— Ха! Ты сама говорила, что *твоя* сестра Берил — неблагодарная жадина, у которой мозгов как у устрицы.

— Да, но она *все-таки* моя сестра.

Матушка открыла дверь.

— Ну и ну, — сказала она.

— Что там? Что там? Не стой так, загораживаешь, — Нянюшка протиснулась мимо нее в комнату.

— Ух ты, — сказала она.

Маграт задержалась в просторном фойе, отделанном красным бархатом. В ее голове фейерверками вспыхивали странные мысли; с ней такого не бывало со времен того травяного вина. И сквозь все это, как простая скучная картошка среди психоделических хризантем, пробивался голосок, кричащий, что она даже не умеет танцевать. Ну, кроме как в хороводе.

Но раз простые люди этому как-то учатся, это наверняка несложно.

Маленькая внутренняя Маграт, тщетно пытавшаяся уравновесить прилив наглой самоуверенности, подумала: а не так ли себя ощущает Матушка Ветровоск *все время*?

Она слегка приподняла подол платья и осмотрела туфельки.

Они не могли быть из настоящего хрусталя, иначе она уже ковыляла бы с порезами к ближайшему врачу. И прозрачными они не были. Людские ступни — орган полезный, но не такой уж интересный на вид — ну, разве что для отдельных фетишистов.

Туфли были зеркальными. Десятки их граней улавливали и отражали свет.

У нее на ногах два зеркала. Маграт туманно припоминала что-то насчет… насчет того, что ведьме нельзя вставать меж двух зеркал, так, кажется? Или надо не доверять мужчине с рыжими бровями? Что-то такое ей рассказывали, давным-давно, когда она была еще обычной девчонкой. Про то… что… ведьма не может встать между двух зеркал, ибо, ибо, ибо она может выйти оттуда другим человеком. Или что-то вроде. Типа… тебя растянет по отражениям, твоя душа истончится,

и где-то в глубине зеркал твоя темная сторона вырвется и придет тебя искать, если не будешь очень осторожной. Или что-то вроде.

Она отбросила эту мысль. Это неважно.

Она шагнула вперед, туда, где кучковались остальные гости, ожидавшие выхода.

— Лорд Генри Фимоз и леди Фимоз!

Бальный зал, по сути, не был залом — это был двор под открытым ночным небом. В него спускались ступени. На другом конце двора была лестница еще шире этой, украшенная горящими факелами — она вела в сам дворец. В дальней стене были часы, огромные и хорошо заметные.

— Почтенный Дуглас Неумолк!

На часах было без четверти восемь. Маграт смутно припоминала, что какие-то старушки что-то ей кричали насчет времени, но… это тоже было неважно…

— Леди Воленция д'Оговор!

Она подошла к вершине лестницы. Дворецкий, объявлявший прибывающих гостей, оглядел ее с головы до ног, а затем проревел таким тоном, будто готовился к этому моменту весь день:

— Кхм… Загадочная и прекрасная незнакомка!

Внизу лестницы, словно краска, разлилась тишина. Пять сотен голов обернулись на Маграт.

Всего день назад сама мысль, что на нее пялится пятьсот людей, заставила бы Маграт обмякнуть, как масло в горне. А теперь она смотрела на них в ответ, улыбалась и гордо поднимала подбородок.

Ее веер развернулся, словно выстрелил.

Загадочная и прекрасная незнакомка, дочь Простоты Чесногк, внучка Араминты Чесногк, испуская такое могучее самообладание, что оно оседало на краях ее личности…

…пришла на бал.

Мгновением позже мимо дворецкого прошел еще один гость.

Дворецкий колебался. Что-то в этой фигуре его беспокоило. На ней как будто невозможно было сосредоточиться. Он не вполне был уверен, есть ли тут кто-нибудь вообще.

Его здравый смысл ненадолго удрал и спрятался зачем-то, но затем вернулся. В конце концов, это же Самеди Нуит Морт — люди и *должны* одеваться примерно так и выглядеть странно. А значит, это *нормально* видеть людей такими.

— Извините, эм-м, сэр, — сказал он. — Как вас представить?

— Я ЗДЕСЬ ИНКОГНИТО.

Дворецкий был уверен, что никто ничего не говорил, но также уверен, что слышал эти слова.

— Ну-у… ладно… — пробормотал он. — Что ж, заходите… эм… — он улыбнулся. — Чертовски хорошая маска, сэр.

Он проследил, как темный силуэт спускается по ступеням, а затем прислонился к колонне.

Ну, вот вроде и все. Он вынул из кармана платок, снял напудренный парик и вытер лоб. Ему казалось, что он чудом чего-то избежал, и, что самое жуткое, даже не понимал *чего*.

Он осторожно огляделся, нырнул в подсобку и устроился за бархатным занавесом, где мог тихонько покурить.

Он чуть не проглотил сигару, когда на красной ковровой дорожке бесшумно возник еще один гость. Одет он был как пират, который только что ограбил полную баржу дорогой кожгалантереи. На одном глазу у него была повязка. Другой сверкал как злобный изумруд. И при своих огромных размерах он двигался возмутительно тихо.

Дворецкий засунул сигару за ухо.

— Извините, ваша милость, — сказал он, подбежав к гостю и твердо, но вежливо взяв его за плечо. — Мне нужно видеть ваше при… ваше… при…

Гость перевел взгляд на руку на своем плече. Дворецкий поспешно отпустил его.

— Мрррау?

— Ваше… приглашение…

Гость разинул рот и зашипел.

— Конечно-конечно, — сказал дворецкий, отпрянув с проворством человека, которому столько не платят, чтобы он сражался с зубастыми психами в кожаных куртках. — Полагаю, вы из друзей дожа, верно?

— Мрррау.

— Без проблем… без проблем… но ваша милость, кажется, забыли маску…

— Мрррау?

Дворецкий отчаянно махнул в сторону столика, заваленного грудой масок.

— Дож велел, чтобы все были в масках, — сказал дворецкий. — Эм-м. Может, ваша милость найдет там что-нибудь себе по душе?

«Такие всегда попадаются, — подумал он. — В приглашении большими красивыми буквами написано “Маска”, но обязательно найдется пара придурков, которые решат, что это фамилия пригласившего. А этот, небось, уже грабил города, когда его сверстники учились читать».

Кожаный гость оглядел маски. Все хорошие уже разобрали гости перед ним, но это его, похоже, не смутило.

Он выбрал.

— Хочу эту, — сказал он.

— Эм-м… это… отличный выбор, ваша милость. Позвольте помочь вам…

— Мрррау!

Дворецкий отпрянул, придерживая собственную руку.

Гость смерил его взглядом, затем напялил маску себе на голову и, щурясь через прорези, оглядел себя в зеркало.

«Чертовски странный тип, — подумал дворецкий. — В смысле, мужчины обычно такие маски не носят. Они предпочитают черепа, птиц, быков и все такое. Но не *кошек*».

Что самое странное, пока маска лежала на столе, это была просто голова рыжего кота. А на этом типе она смотрелась как… голова кота, конечно, но гораздо естественнее, как будто более кошачьей и куда более хищной, чем должна быть.

— Всссегдааа хотел быть рррыжим, — сказал гость.

— Вам очень идет, ваша милость, — прощебетал дворецкий.

Котоголовый гость повертел голову так и сяк, явно довольный тем, что видит.

Грибо тихо и довольно заурчал и прошагал на

бал. Ему хотелось что-нибудь сожрать, с кем-нибудь подраться, а затем… затем видно будет.

Когда волки, свиньи или медведи считают себя людьми, для них это трагедия. Для кота это приключение.

К тому же в новой форме было куда веселей. Уже десять минут никто не швырял в него башмаками.

Две ведьмы осматривали комнату.

— Странно, — сказала Нянюшка Ягг. — Не такого я, знаете ли, ожидала от королевской спальни.

— А это королевская спальня?

— Там на двери корона.

— А-а.

Матушка оглядела интерьер.

— Да что ты знаешь о королевских спальнях, — сказала она, просто чтобы не молчать. — Ты же никогда в них не бывала.

— А вот и бывала, — сказала Нянюшка.

— А вот и нет!

— Помнишь коронацию молодого Веренса? Когда нас всех пригласили во дворец? — сказала Нянюшка. — В общем, вышла я по… попудрить носик, гляжу — дверь открыта, так что я зашла и попрыгала немного на кровати.

— Это государственная измена. Тебя в тюрьму

за такое посадят, — хмуро процедила Матушка и добавила: — Ну, и как оно?

— Очень мягенько. Бедняжка Маграт не понимает, что теряет. И там было куда лучше, чем тут, смею заметить, — сказала Нянюшка.

Из цветов тут преобладал зеленый. Зеленые стены, зеленый пол. Еще тут был платяной шкаф и прикроватный столик. Даже прикроватный коврик, и тоже зеленый. Даже стекло в окне превращало свет в какой-то зеленоватый.

— Как на дне лужи, — сказала Матушка и что-то смахнула. — И тут всюду мухи! — Она запнулась, как будто резко задумалась, и добавила: — Хм-м…

— Дожева лужа, — сказала Нянюшка.

Мухи *и правда* были повсюду. Они жужжали на окне, зигзагами бесцельно метались вдоль потолка.

— Дожева лужа, — повторила Нянюшка, потому что люди, отпускающие такие шутки, не знают, когда остановиться, — как дождевая…

— Я слышала, — отрезала Матушка. Она отмахнулась от жирного овода.

— И кстати, вот уж не думала, что в королевской спальне будут мухи, — пробормотала Нянюшка.

— Для начала, я думала, что тут будет кро-

вать, — сказала Матушка.

Кровати не было. Вместо нее было то, что не давало им покоя: большая круглая деревянная крышка в полу. Почти два метра в поперечнике. С удобными ручками.

Они обошли вокруг нее. С их приближением мухи поднимались и улетали.

— Вспомнила я одну историю, — сказала Матушка.

— Я тоже, — сказала Нянюшка Ягг чуть более назойливо, чем обычно. — Жила-была девушка, она вышла замуж, и муж сказал: заходи в моем дворце, куда хочешь, но не открывай *ту самую* дверцу. А она не послушалась и выяснила, что он убил всех предыдущих…

Она запнулась.

Матушка Ветровоск пристально разглядывала крышку, потирая подбородок.

— Давай так рассуждать, — сказала Нянюшка, всеми силами пытаясь оставаться разумной. — Разве там может быть что-то хуже того, что мы себе навоображали?

Они взялись за рукояти.

Пять минут спустя Матушка Ветровоск и Нянюшка Ягг вышли из спальни дожа. Матушка очень тихонько прикрыла дверь.

Они переглянулись.

— Ой-ей, — сказала все еще бледная как мел Нянюшка.

— Да уж, — сказала Матушка. — Сказки!

— Я слышала о… ну, знаешь, таких, как он, но не верила в эти рассказы. Фу-у. Представляю, как он выглядит.

— Так с ходу и не поймешь, — сказала Матушка.

— Во всяком случае, ясно, откуда мухи, — сказала Нянюшка Ягг.

Она в ужасе прикрыла рот рукой.

— А наша Маграт-то сейчас там, внизу, с ним! — сказала она. — И ты знаешь, что должно произойти. Они должны встретиться и…

— Но там сотни других людей, — сказала Матушка. — Совсем не *интимная*, как ты говоришь, обстановка.

— Да… но мне, знаешь, даже подумать противно, что он ее *трогать* будет… в смысле, держать ее за…

— А Элла считается за принцессу, как по-твоему? — перебила Матушка.

— Что? А. Да. Пожалуй. По заграничным меркам. А что?

— Значит, тут происходит не одна сказка. Лили

разыгрывает сразу несколько сказок одновременно, — сказала Матушка. — Ты вот о чем подумай. Тут вся штука не в прикосновениях. Нужен *поцелуй*.

— А ну-ка пошли туда немедленно! — взорвалась Нянюшка. — Надо это прекратить! В смысле, ты меня знаешь, я не синий чулок какой, но… фу-у…

— Эй, ты! Бабка!

Они обернулись. Низенькая пухлая дама в красном платье и высоченном белом парике надменно взирала на них из-за маски лисицы.

— Что? — огрызнулась Матушка.

— Что, *ваша милость*, — сказала толстушка. — Где твои манеры? Я требую сию минуту отвести меня в комнату для девочек! *А ты что себе позволяешь?*

Последнее относилось к Нянюшке Ягг, которая обошла гостью и критически осмотрела ее платье.

— У тебя же пятьдесят четвертый, может, пятьдесят шестой? — спросила Нянюшка.

— Что? Это что еще за *дерзость*?

Нянюшка Ягг задумчиво потерла подбородок.

— Ну, даже не знаю, — сказала она, — красные платья как-то всегда были *не мое*. А синего у

тебя нет?

Вспыльчивая дама замахнулась, чтобы огреть Нянюшку веером, но тут ее схватила за плечо худощавая рука.

Она взглянула прямо в лицо Матушки Ветровоск.

Проваливаясь в сон, она слышала, как далеко-далеко голос говорит:

— Ну что, мне впору. Но у нее явно не пятьдесят четвертый размер. И с таким лицом *я бы* ни за что не надела красное.

Леди Воленция д'Оговор отдыхала в закрытом дамском будуаре. Она сняла маску и выудила зеркальце из бездны своего декольте. Затем она сунула руки за спину и попыталась поправить свой турнюр. Это действие заставляет женщин выполнять самые безумные гимнастические упражнения — по крайней мере, в тех мирах, где не изобрели пояса для чулок.

Не считая того, что леди Воленция д'Оговор паразитировала на теле общества так же успешно, как гриб-капа на стволе дуба, в остальном она была существом безобидным. Она всегда ходила на благотворительные балы и старалась запоминать имена всех своих слуг — по крайней мере, тех, что почище. В принципе она была

добра и к животным, и даже к тем детям, что бывали умыты и не слишком шумели. В общем и целом, она не заслуживала того, что с ней вот-вот произойдет — а именно той судьбы, которую мать-природа уготовала любой женщине в этом помещении, которая пропорциями немного напоминала Матушку Ветровоск.

Она ощутила, как кто-то к ней подошел.

— Пардоньте, мадам.

Оказалось, что это мелкая противная простолюдинка, которая широко и заискивающе улыбалась.

— Чего тебе надо, бабка? — спросила леди Воленция.

— Пардоньте, — сказала Нянюшка Ягг. — Тут моя подруга хочет с вами поговорить.

Леди Воленция высокомерно поглядела на…

…ледяную синеглазую бездну гипноза.

— Что это за штука вроде накладной жо… ягодицы?

— Это турнюр, Эсме.

— Жутко неудобная штука, вот что это. Все время кажется, что за мной кто-то ходит.

— Зато белое тебе к лицу.

— А вот и нет. Ведьме к лицу только один цвет — черный. И в этом парике дико жарко. Зачем

вообще носить гору чужих волос на голове?

Матушка надела маску. Она изображала орла с белыми перьями, украшенными блестками.

Нянюшка поправила под своим кринолином некую деталь, о которой не говорят вслух, и выпрямилась.

— Ого, только погляди на нас, — сказала она. — Перья у тебя в волосах — просто шик.

— Я никогда не была тщеславной, — сказала Матушка Ветровоск. — Ты меня знаешь, Гита. Никто не посмеет назвать *меня* тщеславной.

— Конечно, нет, Эсме, — сказала Нянюшка Яг.

Матушка слегка повертелась.

— Что ж, вы готовы, мадам Ягг? — спросила она.

— Да. *Вперед*, леди Ветровоск.

Бальный зал был переполнен. С каждой колонны свисали украшения, сплошь черные с серебром — цветов праздника Самеди Нуит Морт. На балконе играл оркестр. Вертелись танцоры. Шум стоял невообразимый.

Официант, державший поднос с напитками, внезапно оказался официантом с подносом без напитков. Он огляделся и увидел чуть пониже маленькую лисичку под большим белым париком.

— Шевели копытами и принеси нам еще, —

вежливо сказала Нянюшка. — Ты ее видишь, твоя милость?

— Тут слишком много народу.

— Ладно, а дожа видишь?

— Откуда мне знать? Все же в масках!

— Погоди-ка, это что тут, еда?

У длинного буфета кучковались многие орлейские аристократы, не столь выносливые или просто более голодные, чем прочие. Они получили пару усердных тычков локтями и успели расслышать только монотонный голос на уровне груди: «…осторожно, сзади… отойди-подвинься… позвольте-ка пройти».

Нянюшка пробилась к столу и растолкала рядом с собой место для Матушки Ветровоск.

— Батюшки, ну и поляну накрыли, а? — сказала она. — Ты только подумай, в этих краях и кур подают, — она схватила тарелку.

— Это ж перепелки.

— Я штучки три возьму. Эй, как тебя, гарсон!

Лакей уставился на нее.

— Огурчики соленые есть у вас?

— Боюсь, что нет, мадам.

Нянюшка Ягг оглядела стол, на котором стояли жареные лебеди, жареный павлин, которому вряд ли полегчало бы от осознания, что *после*

жарки в него снова воткнут перья из хвоста, и больше фруктов, вареных омаров, орехов, тортов, кремов и трюфелей, чем в грезах отшельника.

— Ладно, а приправы есть?

– *Нет*, мадам.

— Кетчуп?

— Нет, мадам.

— А еще говорят, что тут рай для гурманов, — проворчала Нянюшка, а оркестр заиграл новый танец. Она ткнула высоченного гостя, который накладывал себе омаров: — Ну и местечко, а?

— ОЧЕНЬ МИЛОЕ.

— Шикарная у тебя маска.

— СПАСИБО.

Матушка Ветровоск резко развернула Нянюшку за плечо.

— Вот Маграт!

— Где? Где? — встрепенулась Нянюшка.

— Да вон там… сидит у горшков с цветами.

— А, вижу. В шиз-ломке, — сказала Нянюшка. — Это, кстати, так будет «кресло» по-заграничному, — добавила она.

— Что она там делает?

— Очаровывает мужчин, похоже.

— Кто, *Маграт?*

— Ага. Ты прямо дока в этом твоем гипнозе,

надо сказать.

Маграт обмахнулась веером и подняла глазки на графа де Йойо.

— Ах, сударь, — сказала она. — Не могли бы вы принести мне еще тарелочку перепелиных яиц, если вас не *затруднит*.

— Сей момент, сударыня! — старичок метнулся в сторону буфета.

Маграт осмотрела свою империю поклонников, а затем томно протянула ручку капитану де Веру из дворцовой стражи. Он замер в ожидании.

– *Мой милый* капитан, — сказала она, — вы имеете удовольствие пригласить меня на следующий танец.

— Ведет себя как вертихвостка, — осуждающе проворчала Матушка.

Нянюшка странно покосилась на нее.

— Вовсе нет, — сказала она. — И вообще, немного повертеть хвостом еще никому не вредило. Все равно никто из этих парней не похож на дожа. Так, что это ты делаешь?

Последнее предназначалось лысому коротышке, который незаметно пытался разложить перед ними небольшой мольберт.

— Эм-м… дамы, вы не могли бы постоять неподвижно пару минут? — пролепетал он. — Для

гравюры?

— Какой еще гравюры? — спросила Матушка Ветровоск.

— Ну, знаете, — сказал коротышка, раскрывая складной ножик. — Все же любят, когда гравюры с ними выходят в газетах после такого бала? Леди Эта перешучивается с лордом Какего, и все такое?

Матушка Ветровоск открыла было рот, чтобы ответить, но Нянюшка Ягг мягко положила руку ей на плечо. Она слегка успокоилась и постаралась сказать что-нибудь более подходящее случаю.

— Я знаю анекдот про бутерброды с аллигаторами, — нашлась она и стряхнула руку Нянюшки. — Жил-был один мужик, заходит он в таверну и спрашивает: «Вы подаете бутерброды с аллигаторами?», а ему говорят «Да», а он говорит: «Тогда дайте мне бутерброд с аллигатором, да поторопитесь!»

Она торжествующе посмотрела на него.

— Так, — сказал гравер, быстро орудуя резцом, — и что было дальше?

Нянюшка Ягг поскорее увела Матушку в сторону, чтобы отвлечь.

— Вот же народ, совершенно не понимают шу-

ток, — сказала Матушка.

Оркестр заиграл очередной танец, а Нянюшка Ягг пошарила в кармане и нашла программку, хозяйка которой сейчас мирно почивала в комнате наверху.

— Танец называется, — она повертела программку в руках, удивленно шевеля губами, — «Сэр Роджер Каверли»?

— Госпожа?

Матушка Ветровоск обернулась. Ей поклонился упитанный вояка с длинными усами. Судя по его виду, он за свою жизнь слышал не так уж много шуток.

— Что?

— Вы обещали оказать мне честь станцевать со мной, миледи.

— А вот и нет.

Мужчина удивился:

— Но я же помню, леди д'Оговор… ваша карточка… меня зовут полковник Горчиц…

Матушка с глубоким подозрением оглядела его, а затем прочитала карточку, прикрепленную к ее вееру.

— А-а…

— Ты *вообще* танцевать умеешь? — прошипела Нянюшка.

— Ясное дело.

— В жизни *не видала*, чтобы ты танцевала.

Матушка Ветровоск уже собиралась было дать полковнику самый вежливый отказ, на какой только способна. Но теперь она отчаянно расправила плечи.

— Ведьма может все, на что только настроится, Гита Ягг. Пойдемте, полковник.

Нянюшка наблюдала, как пара растворилась в толпе.

— Драсьте, лисичка, — сказал голос позади нее. Она оглянулась. Рядом никого не было.

— Ниже.

Она опустила взгляд.

Ей заискивающе улыбнулось крохотное тельце, одетое в мундир капитана дворцовой стражи и напудренный парик.

— Мое имя Казанунда, — сказал он. — Про меня говорят, что я величайший в мире любовник. А вы что думаете?

Нянюшка Ягг оглядела его сверху донизу — или, точнее, снизу донизу.

— Ты же гном, — сказала она.

— Размер не имеет значения.

Нянюшка Ягг обдумала свое положение. Одна ее спутница, которая всю жизнь была застенчи-

вой и нелюдимой, сейчас вела себя как языческая царица, которая всю жизнь вертела мужчинами, купалась в ослином молоке и все такое, а *другая* вела себя очень странно и танцевала с *мужчиной*, хотя не отличала левой ноги от правой.

Нянюшка Ягг решила, что и ей дозволено хоть ненадолго побыть самой по себе.

— А танцевать умеешь? — устало спросила она.

— О, да. Не желаете ли *клубнички*?

— Сколько мне, по-твоему, лет? — спросила Нянюшка.

Казанунда задумался:

— Ну, ладно. Не желаете ли фигу?

Нянюшка вздохнула и протянула ему руку:

— Пойдем.

Леди Воленция д'Оговор, шатаясь, ковыляла по коридору — одинокий тощий силуэт в сложном корсете и панталонах до лодыжек.

Она не вполне понимала, что случилось. Там была та *страшная* женщина, а затем чувство абсолютного *блаженства*, а затем… она пришла в себя на ковре без *платья*. Леди Воленция бывала на многих балах за свою скучную жизнь и знала, что порой ты просыпаешься в незнакомых комнатах без платья, но обычно просыпалась она по

утрам и имела хоть какое-то представление, как сюда попала…

Она оперлась о стену, чтобы было легче идти. Кому-то непременно надо об этом доложить.

Из-за поворота коридора вынырнула фигура, лениво отбросила ножку индюшки одной рукой, а другой подхватила ее.

— Надо же, — сказала леди Воленция. — Не будете ли вы столь любезны… ой…

Она разглядела затянутую в кожу фигуру, повязку на глазу и ухмылку как у корсара.

— Мрррауу!

— Ой. Надо же!

«И нет в этих танцах ничего такого, — сказала себе Матушка Ветровоск. — Просто движение под музыку».

Ей помогало то, что она могла читать мысли партнера. Танец становится инстинктивным, когда проходишь ту стадию, на которой постоянно смотришь вниз, чтобы видеть свои ноги, — а ведьмы мастерски считывают инстинкты. У них вышла небольшая борьба — полковник пытался было вести, но вскоре сдался, отчасти перед лицом яростного сопротивления Матушки Ветровоск любым компромиссам, но в большей степени из-за ее башмаков.

Туфли леди д'Оговор на нее не налезли. К тому же Матушка привыкла к своим башмакам. У них был сложный железный каркас, а мыски напоминали тараны. И во время танца башмаки Матушки двигались точно туда, куда хотели.

Она подтащила своего беспомощного и слегка охромевшего партнера поближе к Нянюшке Ягг, которая уже расчистила вокруг себя пространство. Чего Матушка добивалась парой подбитых гвоздями молотов, того Нянюшка Ягг достигала одними своими формами.

Формы у нее были обширные и опытные и не желали себя сдерживать. Когда Нянюшка Ягг прыгала вниз, их заносило вверх; когда она поворачивала вправо, они еще не закончили поворот влево. Кроме того, ноги Нянюшки выделывали сложную джигу, никак не связанную с ритмом музыки: пока ее тело двигалось в темпе вальса, ноги давали лихого казачка. Все вместе это вынуждало ее партнера танцевать в полуметре от нее, а многие из окружающих пар и вовсе прекращали плясать и просто завороженно наблюдали, гадая, когда же возрастающая амплитуда колебаний наконец забросит ее на люстру.

Мимо проплыли Матушка и ведомый ею партнер.

— Прекрати выделываться, — прошипела Матушка и снова скрылась в толпе.

— Ваша подруга? Кто она? — спросил Казанунда.

— Она… — начала было Нянюшка.

И тут грянули фанфары.

— Кажется, ритм сбили, — сказала она.

— Нет, это значит, что прибыл дож, — сказал Казанунда.

Оркестр умолк. Пары все как одна повернулись к главной лестнице.

По ней торжественно спускались две фигуры.

«Надо признать, чертяка он подтянутый и обаятельный, — сказала себе Нянюшка. — Прямо в глаза бросается. Эсме права. На первый взгляд и не поймешь».

А она…

…это же Лили Ветровоск?

Женщина была без маски.

Прибавь тут, убавь там пару морщинок у глаз — и получится Матушка Ветровоск.

Почти…

Нянюшка невольно обернулась и поискала глазами в толпе белую орлицу. Все остальные смотрели на лестницу, но только один взгляд напоминал стальной стержень.

Лили Ветровоск была одета в белое. До сих пор Нянюшке не приходило в голову, что бывают разные оттенки белого. Теперь она поняла. Белизна платья Лили Ветровоск буквально сияла; казалось, погаси весь свет, и зал будет освещен платьем Лили. Оно было стильным. Оно сверкало, у него были рукава-буффы и вышивка по краям.

А еще Лили Ветровоск выглядела моложе — Нянюшка Ягг не могла этого не признать. У нее был такой же костяк и хрупкое сложение, типичное для Ветровосков, но она казалась… менее потрепанной.

«Вот что значит быть злой, — подумала Нянюшка. — Мне бы капелька такого не помешала в давние годы. Конечно, плата за грехи — смерть, но и награда за добродетель такая же, а злодеи хотя бы раньше уходят домой по пятницам».

Но глаза у нее были такие же. Где-то в генах Ветровосков притаился сапфир. Целые поколения сапфиров.

Дож был невероятно привлекателен. Но в этом ничего удивительного. Он носил все черное. Даже на глазах.

Нянюшка встрепенулась и протолкалась сквозь толпу к Матушке Ветровоск.

— Эсме?

Она схватила Матушку за руку.

— Эсме?

— Хм-м?

Нянюшка заметила, что толпа расступается, как морские волны, между лестницей и шезлонгом на другом конце зала.

Кулаки Матушки Ветровоск стали белей, чем ее платье.

— Эсме? Что происходит? Что такое ты *делаешь*? — спросила Нянюшка.

— Пытаюсь… сорвать… сказку, — сказала Матушка.

— А что *она* тогда делает?

— Позволяет… ей… свершиться!

Толпа рядом с ними отступала. Казалось, это происходит неосознанно. Просто так получалось, что образовывался коридор.

По нему медленно шагал принц. За спиной Лили в воздухе висели бледные образы, как будто за ней маршировала процессия тающих призраков.

Маграт встала.

Нянюшка заметила, как в воздухе расцветает радуга. И, кажется, защебетали птицы.

Принц взял Маграт за руку.

Нянюшка подняла глаза на Лили Ветровоск, которая стояла в паре ступеней над подножием

лестницы и добродушно улыбалась.

Затем она попыталась сосредоточиться на будущем.

Это было пугающе просто.

Обычно будущее ветвится на каждом шагу, и можно лишь в самых общих чертах предположить, что скорее всего произойдет, даже если вы так чувствительны к времени, как ведьмы. Но тут вокруг древа событий сплетали кольца сказки, придавая ему новую форму.

Матушка Ветровоск не узнала бы квантовую предопределенность, даже если бы та сожрала ее ужин. Скажите ей «парадигмы пространства-времени», и она ответит: «Чо?». Но это не потому, что она невежда. Просто она не любит возиться со словами, особенно дурацкими. Она просто знает, что в жизни людей постоянно происходят определенные вещи, своего рода трехмерные штампы. Сказки.

— А теперь мы стали ее частью! И я не могу это прекратить, — сказала Матушка. — Должно быть место, где ее можно прекратить, но я его не нахожу!

Оркестр снова грянул. На сей раз вальс.

Маграт и принц закружились по залу, не отрывая глаз друг от друга. Затем их примеру

последовали еще несколько пар. А затем весь зал будто превратился в машину с заведенными пружинами и заполнился танцующими парами, а в пустоту снова вплыли звуки разговоров.

— Не представите ли меня своей подруге? — сказал Казанунда откуда-то из-под локтя Нянюшки. Вокруг проносились люди.

— Все так, как должно случиться, — сказала Матушка, не обращая на него внимания. — Все. Поцелуй, часы пробьют полночь, она сбежит и потеряет хрустальный башмачок, все так.

— Ой, фу, — сказала Нянюшка, опираясь на голову партнера. — Лучше жабу сосать.

— А она как раз в моем вкусе, — сказал Казанунда слегка сдавленным голосом. — Всегда предпочитал властных женщин.

Ведьмы поглядели на кружащуюся пару, глядевшую друг другу в глаза.

— Могу подножку им поставить, раз плюнуть, — сказала Нянюшка.

— А вот и не можешь. Подобному не дано случиться.

— Ну, Маграт же разумная девочка… более или менее, — сказала Нянюшка. — Может, она поймет, что что-то не так.

— Я слишком хорошо поработала, Гита Ягг, —

сказала Матушка. — Она ничего не заметит, пока часы не пробьют полночь.

Они подняли головы. На часах едва перевалило за девять.

— А знаешь, — сказала Нянюшка Ягг. — Часы вообще-то не бьют полночь. По мне, так они бьют двенадцать. В смысле, это же просто количество ударов.

Они снова посмотрели на часы.

На болоте пропел черный петух Легба. Он всегда кукарекал на закате.

Нянюшка Ягг проковыляла еще один лестничный пролет и прислонилась к стене, чтобы перевести дух.

Кажется, это должно быть где-то здесь.

— В следующий раз будешь держать язык за зубами, Гита Ягг, — пробормотала она.

— Полагаю, мы покинули суету бала, чтобы уединиться тет-а-тет? — с надеждой сказал шагавший за ней Казанунда.

Нянюшка попыталась не обращать на него внимания и побежала по пыльному коридору. С одной стороны тут были перила балкона, выходившего прямо на бальный зал. А с другой…

…маленькая деревянная дверца.

Она распахнула дверцу ударом локтя. За ней

кружились шестерни, подобно танцорам внизу, будто именно часы ими управляли — что в метафорическом смысле было правдой.

«Часовые механизмы, — подумала Нянюшка. — Если разберешься в них, разберешься в *чем угодно*. Хотела бы, черт побери, я разбираться в часах».

— Тут очень уютно, — сказал Казанунда.

Она протиснулась через проем в часовую камеру. Шестерни скрипели прямо у нее под носом.

Она немного поразглядывала их.

Божечки. И все это только для того, чтобы нарезать Время на кусочки.

— Пожалуй, тут самую чуточку тесновато, — произнес Казанунда со стороны ее подмышки. — Но раз надо, так надо, госпожа. Помню один случай в Щеботане, мы были на сиденье кареты, и…

«Ну, посмотрим, — подумала Нянюшка. — Эта штучка соединяется с той, эта вращается, это вертится быстрее, эта шипастая штуковина качается взад-вперед…

Ой, ладно. Просто дерни первое, что подвернется под руку, как сказал первосвященник

девственнице-весталке»[24].

Нянюшка Ягг поплевала на ладони, схватила самую здоровенную шестерню и дернула.

Шестерня продолжила вращаться и потащила ее за собой.

«Вот блин! Ну ладно…»

Тогда она сделала то, что ни Матушка Ветровоск, ни Маграт и не подумали бы делать ни при каких обстоятельствах. Но Нянюшка Ягг давно заплывала за буйки в морях межполовых отношений и не видела ничего зазорного в том, чтобы ей помог мужчина.

Она натянуто улыбнулась Казанунде.

— Наше амурное гнездышко стало бы куда комфортней, если бы вы могли немножко повернуть это колесико, — сказала она и добавила: — Уверена, уж *вы*-то с этим справитесь.

— О, не проблема, моя леди, — сказал Казанунда и протянул одну руку. Гномы невероятно сильны для своего размера. Колесо поддалось ему без всякого напряжения.

Что-то в глубине механизма недолго посопротивлялось, а затем издало лязг. Большие колеса неохотно повернулись. Маленькие колесики

---

[24] Примечания: 24

Последняя строчка анекдота из Плоского мира, в остальном, увы, забытого.

взвыли на своих осях. Маленькая важная деталь отлетела и срикошетила от вытянутой головы Казанунды.

И стрелки пошли по циферблату куда быстрей, чем природа им уготовала.

Новый шум над головой заставил Нянюшку Ягг поднять глаза.

Самодовольство испарилось с ее лица. Молоточек, отбивавший время, медленно замахивался. И до Нянюшки дошло, что она стоит прямо под колоколом в тот самый момент, когда по этому колоколу вот-вот будут бить.

БАММ…

— Ох ты черт!

…БАММ…

…БАММ…

…БАММ…

На болотах клубился туман. И тени следовали за ним, их силуэты были неразличимы в этой ночи, когда разница между живыми и мертвыми — лишь вопрос времени.

Госпожа Гоголь ощущала их среди деревьев. Бездомные. Голодные. Безмолвный народ. Забытые людьми и богами. Народ тумана и трясин, находивший силу лишь по ту сторону слабости; вера их была столь же шаткой и самодельной,

как их дома. И еще горожане — но не те, что жили в больших белых домах и ездили на балы в роскошных каретах, а другие. Те, что никогда не становятся героями сказок. Ведь сказкам в целом неинтересны те, кто остается свинопасами, бедняками, скромными сапожниками, чей удел — умереть еще более бедными и скромными, чем прежде.

Но именно такие люди приводили волшебное королевство в движение. Они готовили обеды, подметали полы и выносили ночные горшки, это их лица составляли толпу, это их неприхотливые мечты и желания вечно не сбывались. *Невидимки.*

«И я среди них, — подумала она. — Ставлю капканы на богов».

В мультивселенной есть разные виды вуду, поскольку такую религию можно слепить из всего, что подвернется под руку. Но все эти виды так или иначе пытаются призвать бога в тело человека.

«Это глупо, — подумала госпожа Гоголь. — Это опасно».

Вуду госпожи Гоголь работало на обратном принципе. Что такое божество? Средоточие веры. Если люди в него поверят, божество начнет расти.

Сперва оно будет слабым, но если болото чему и учило, это терпению. Что угодно может быть воплощением божества. Горсть перьев, обвязанных красной лентой, шляпа и фрак на паре палок… что угодно. Потому что, когда у людей почти ничего нет, то что угодно может быть практически всем. А потом ты кормишь его и баюкаешь, как гуся, предназначенного на убой, и медленно-медленно его сила растет, и когда приходит время, ты открываешь путь… обратно.

Человек может управлять богом, а не только наоборот. За это потом придется заплатить свою цену, но так всегда бывает. По опыту госпожи Гоголь, все равно все умирают.

Она отхлебнула рому и передала кружку Субботе.

Суббота сделал большой глоток и передал кружку в то, что, вероятно, раньше было рукой.

— Пусть начинается, — сказала госпожа Гоголь.

Покойник подобрал три небольших барабана и начал отбивать ритм со скоростью бьющегося сердца.

Вскоре что-то тронуло госпожу Гоголь за плечо и передало ей кружку. Уже пустую.

Похоже, уже началось…

— Леди Бон Анна, улыбнись мне. Господин Перекресток, защити меня. Широко-Шагай, веди меня. Хоталога Эндрюс, храни меня.

— Я стою меж светом и тьмой, но это не важно, ибо я *и есть* среднее меж ними.

— Вот тебе ром. Вот тебе табак. Вот тебе еда. Вот тебе дом.

— А теперь слушай меня…

…БАММ.

Для Маграт это было словно пробуждение ото сна в еще одном сне. Ей мирно грезилось, что она танцует с самым красивым мужчиной в зале, и вот… она танцует с самым красивым мужчиной в зале.

Только у него два круглых темных стекла на глазах.

Хоть Маграт и была сердобольной, порывистой мечтательницей и, как добавила бы Матушка Ветровоск, мокрой клушей, у нее как у ведьмы оставались инстинкты и достаточно мозгов, чтобы им доверять. Она протянула руку и, прежде чем он успел отреагировать, сняла с него очки.

Маграт уже видела подобные глаза, но прежде их обладатели не ходили на двух ногах.

Ее собственные ноги, которые мгновение назад грациозно выплясывали по залу, внезапно

подкосились.

— Эм-м… — начала она.

И ощутила, что его розовые ухоженные руки — холодные и влажные.

Маграт вскочила и побежала, расталкивая пары, в отчаянной попытке скрыться. Ноги путались в платье. Дурацкие туфли скользили по полу.

Пара лакеев преграждала лестницу из зала.

Глаза Маграт сузились. Сейчас было важно только выбраться.

— Ки-йя!

— Ай-й!

Затем она выбежала, но поскользнулась на вершине лестницы. И хрустальная туфля покатилась по мрамору.

— Как, черт возьми, вообще можно *ходить* в этих штуках? — воскликнула она риторически. Судорожно прыгая на одной ноге, она сняла вторую туфлю и убежала в ночь.

Принц неспешно взошел на вершину лестницы и поднял брошенную туфлю.

Подержал. В ее гранях отражался свет.

Матушка Ветровоск прислонилась к стене в тени. У всех сказок есть поворотный момент, и он явно приближался.

Она отлично умела забираться людям в головы, но сейчас ей нужно было забраться в собственную. Она сосредоточилась. Глубже… мимо повседневных мыслей и мелких забот, *быстрей, быстрей*… сквозь слои глубинного мышления… глубже… мимо памяти, навечно забытой и заброшенной, старой вины и застывших сожалений, не до них сейчас… вниз… и вот… серебристая нить сказки. Она стала ее частью, *была* ее частью, а значит, сказка — часть ее самой.

Сказка текла мимо. Она потянулась к ней.

Она терпеть не могла все, что предопределяет жизнь людей, обманывает их, делает их чуть менее человечными.

Сказка тянулась, как стальной трос. Она схватила ее.

Ее глаза потрясенно распахнулись. Она шагнула вперед.

— Извините, ваше высочество.

Она выхватила туфельку из рук дожа и подняла над головой.

Чувство злобного удовлетворения на ее лице ужасало.

Затем она бросила туфлю.

Та разбилась о ступени.

На тысячу блестящих осколков, разлетевшихся

по мраморным плитам.

Сказка, свернувшаяся кольцами вокруг куска пространства-времени в форме черепахи, прозванного Плоским миром, содрогнулась. Один ее конец повис в пустоте и заметался в ночи, пытаясь присосаться хоть к какой-нибудь последовательности событий…

На поляне двигались деревья. А с ними и тени. Тени, по идее, не должны двигаться, когда не движется свет. А эти двигались.

Барабанный бой умолк.

В тишине слышалось лишь редкое потрескивание, когда мощь растекалась по висящему фраку.

Суббота шагнул вперед. Зеленые искры слетели ему на руки, когда он взял фрак и надел его.

Его тело содрогнулось.

Эрзулия Гоголь выдохнула.

— Ты здесь, — сказала она. — Ты остался собой. Ты — это все еще ты.

Суббота поднял руки, сжав кулаки. То рука, то нога у него дергалась от того, что мощь внутри него металась белкой в поисках выхода, но она увидела, что он способен ее подчинить.

— Потом станет легче, — сказала она уже мягче.

Суббота кивнул.

«С такой мощью внутри, — подумала она, — к нему вернется тот огонек, что был в нем при жизни». Она знала, что он не был таким уж хорошим человеком. Орлея не была образцом гражданского благочестия. Но по крайней мере он не говорил людям, будто это они хотят, чтобы он их притеснял, и что он все это делает ради их блага.

Вокруг него кланялись и падали на колени жители Новой Орлеи — *старой* Новой Орлеи.

Он не был добрым владыкой. Но он подходил им. Когда он бывал предвзят, высокомерен или просто ошибался, он не оправдывался ничем, кроме того, что он больше, сильней и порой злее, чем остальные. Он не делал вид, что он лучше. И никогда не требовал от людей быть счастливыми, не осчастливливал их насильно. Невидимки знали, что счастье — не естественное состояние человека и не может быть навязано извне.

Суббота снова кивнул, на сей раз удовлетворенно. Когда он открыл рот, меж его зубов сверкнули искры. А когда он пошел по болоту, аллигаторы разбегались прочь, расталкивая друг друга.

Сейчас во дворцовой кухне было тихо. Огромные подносы с жареным мясом, свиные головы с яблоками во ртах и многослойные торты дав-

но унесли вниз. Тишину нарушал лишь звон из огромных раковин на дальнем конце, где несколько горничных начинали мыть посуду.

Кухарка тетушка Приятка наложила себе тарелочку барабульки в раковом соусе. Она была не лучшей кухаркой в Орлее — никому не сравниться с гамбо госпожи Гоголь, от вкуса которого чуть ли не мертвые встают из могил, — но разница между ними была невелика, примерно как между бриллиантом и сапфиром. Она как следует потрудилась, готовя пир на весь мир, поскольку в том была ее профессиональная гордость, но ей казалось, что не так уж много можно сделать с грудами мяса.

Орлейская кухня, как и любая высокая кухня в мультивселенной, зародилась у людей, отчаянно пытавшихся что-то сделать из ингредиентов, которые не заинтересовали их правителей. Никто в жизни не стал бы даже *пробовать* птичьи гнезда, если бы не большая нужда. Только голод заставит человека отведать аллигатора. Никогда не стал бы есть акульи плавники тот, кому позволено съесть всю остальную акулу.

Она налила себе рому и только-только взялась за ложку, как почувствовала, что за ней следят.

Громила в черном кожаном дублете наблюдал

за ней из дверного проема, поигрывая кошачьей маской в одной руке.

Взгляд был очень пристальным. Тетушке Приятке вдруг захотелось срочно поправить волосы и переодеться в платье получше.

— Да? — сказала она. — Чего хотел-то?

— Хочууу жрррааать, те-оооутушкааа, — сказал Грибо.

Она оглядела его с головы до ног. Странный народец встречается в Орлее в эти дни. Это, должно быть, гость с бала, только в нем было что-то очень… *знакомое*.

Грибо был не очень-то доволен. Люди подняли шум, когда он всего-то попытался стянуть жареную индейку со стола. А потом одна тощая самка улыбнулась ему и сказала, что ждет его позже в розовом саду, а коты так амурные дела не ведут, и это смущало его, потому что и тело было не то, и она была не очень. И самцов вокруг было многовато.

Затем он унюхал кухню. А коты тянутся к кухням, как камни — к притяжению.

— Я тебя где-то раньше видела? — спросила тетушка Приятка.

Грибо промолчал. Нос привел его к миске на одном из больших столов.

— Хочууу, — потребовал он.

— Рыбьи головы? — спросила тетушка Приятка. Строго говоря, это были отбросы, но она планировала превратить их с помощью риса и пары особых соусов в блюдо, за которое подрались бы и короли.

— Хочууу, — повторил Грибо.

Тетушка Приятка пожала плечами.

— Ну что же, парень, хочешь сырые рыбьи головы — кушай на здоровье, — сказала она.

Грибо неуверенно поднял миску. Он не очень хорошо владел пальцами. Затем он заговорщицки огляделся и нырнул под стол.

Оттуда донеслись звуки яростного поглощения и скрежет миски по полу.

Затем вылез Грибо.

— Молочкааа? — попросил он.

Ошеломленная тетушка Приятка взяла кувшин молока и чашку…

— Блюююдце, — сказал Грибо.

…и блюдце.

Грибо взял блюдце, долго и пристально оглядел его и поставил на пол.

Тетушка Приятка не могла оторвать глаз.

Грибо прикончил молоко и вылизал остатки из бороды. Теперь ему было намного лучше. И

тут горел теплый камин. Он подошел к нему, сел, поплевал на лапы и попытался почистить себе уши, но не вышло, потому что и уши, и лапы были не той формы. Тогда он свернулся, насколько мог. Мог он не очень хорошо, поскольку и хребет у него был не тот.

Через некоторое время тетушка Приятка услышала низкий астматический хрип.

Это Грибо пытался мурлыкать.

Но и глотка у него была не та.

С минуты на минуту он проснется в дурном настроении и захочет с кем-нибудь подраться.

Тетушка Приятка вернулась к своему ужину. Ее ни капельки не пугало, что здоровенный мужичище только что сожрал у нее на глазах миску рыбьих голов и вылакал блюдце молока, а теперь неуклюже ворочался у камина. Честно говоря, она боролась с желанием почесать ему пузико.

Маграт сорвала вторую туфельку, пока убегала по красной ковровой дорожке к воротам дворца и свободе. Сбежать — вот единственное, что имело значение. Важнее было *от чего*, чем *куда*.

Но тут из тени выросли две фигуры и встали у нее на пути. Она беспомощно замахнулась туфелькой, пока они приближались в абсолютной тишине, и даже в сумраке она ощущала их

взгляды.

Толпа расступилась. Сквозь нее проплыла Лили Ветровоск, шурша шелками.

Она оглядела Матушку с головы до ног, совершенно не удивляясь.

— Ты тоже вся в белом, — процедила она. — Божечки, ну какая ты у нас *милая*.

— Я тебя остановила, — сказала Матушка, все еще тяжело дыша. — Я ее *разбила*.

Лили Ветровоск посмотрела ей за спину. Сестры-змеи поднимались по лестнице, волоча между собой безвольную Маграт.

— Упаси нас небо от тех, кто мыслит буквально, — сказала Лили. — Эти штуки, знаете ли, делают парами.

Она подошла к Маграт и вырвала вторую туфельку у нее из руки.

— Интересный трюк с часами, — сказала она, повернувшись к Матушке. — Часами вы меня впечатлили. Но, сама понимаешь, толку никакого. Такие вещи нельзя остановить. Ими движет инерция неизбежности. Нельзя испортить хорошую сказку. Уж я-то знаю.

Она передала туфельку принцу, не отрывая при этом глаз от Матушки.

— Ей будет впору, — сказала она.

Двое придворных держали ногу Маграт, пока принц надевал туфельку, преодолевая сопротивление ее пальцев.

— Вот, — сказала Лили, все еще не опуская глаз. — И перестань пытаться меня гипнотизировать своим деревенским колдовством, Эсме.

— Налезла, — сказал принц, но с сомнением в голосе.

— Конечно, что угодно налезет, — сказал веселый голос откуда-то из глубины толпы, — если перед этим натянуть две пары шерстяных носков.

Лили опустила глаза. Потом взглянула на маску Маграт. Протянула руку и сорвала ее.

— Ай!

— Не та девушка, — сказала Лили. — Но это и не важно, Эсме, потому что *туфелька*-то та самая. Нам просто надо найти девушку, которой она будет впору…

В глубине толпы что-то зашевелилось. Придворные расступились, пропуская Нянюшку Ягг, изгвазданную маслом и паутиной.

— Если вам нужен тридцать седьмой размер с низким подъемом, я к вашим услугам, — сказала она. — Дайте только башмаки сниму…

— Я не про тебя, бабка, — процедила Лили.

— Про меня, про меня, — сказала Нянюшка. — Мы все знаем, как там дальше. Принц обыскивает весь город с туфелькой наперевес и всем девушкам ее меряет. Такой у тебя был план. А я могу ему облегчить работенку, как вам такое?

На лице Лили мелькнула неуверенность.

– *Девушка*, — сказала она, — в *брачном* возрасте.

— С этим никаких проблем, — весело сказала Нянюшка.

Гном Казанунда с гордостью толкнул кого-то из придворных в колено.

— Она моя очень близкая подруга, — похвастался он.

Лили посмотрела на свою сестру.

— Это ты все устроила. Думаешь, я не понимаю? — сказала она.

— Я не сделала ничего, — сказала Матушка. — Просто жизнь происходит сама по себе.

Нянюшка выхватила туфлю из рук принца и натянула себе на ногу прежде, чем кто-либо успел шелохнуться.

Затем помахала ногой в воздухе.

Туфелька была идеально впору.

— Вот! — сказала она. — Видали? А вы чуть не потратили на это целый день.

— Особенно учитывая, что нашлись бы сотни женщин с тридцать седьмым размером…

— …и низким подъемом…

— …и низким подъемом в таком большом городе, — продолжила Матушка. — Конечно, если не начать поиски с нужного дома. Как будто, знаете, на вас снизошло озарение.

— Но это было бы *жульничество*, — сказала Нянюшка.

Она ткнула принца под ребра.

— Только давайте сразу договоримся, — сказала она, — я не против махать ручкой, перерезать ленточки и делать прочие королевские штуки, но спать в одной постели с этим дуремаром я не буду.

— Потому что он спит не в постели, — сказала Матушка.

— Ага, в пруду он спит, — сказала Нянюшка. — Мы уже видели. Большой такой бассейн в спальне.

— Потому что он лягушка, — сказала Матушка.

— И у него там везде мухи на случай, если ему понадобится ночной перекус, — сказала Нянюшка.

— Я так и знала! — сказала Маграт, вырвавшись из лап стражников. — У него руки липкие!

— У многих мужчин липкие руки, — сказала Нянюшка. — Но у этого они липкие потому, что он лягушка.

— Я принц королевской крови! — воскликнул принц.

— И лягушка, — добавила Матушка.

— Я не против, — сказал Казанунда откуда-то снизу. — Мне нравятся свободные отношения. Если хочешь закрутить с лягушкой, я не буду возражать…

Лили оглядела толпу. Затем щелкнула пальцами.

Матушка Ветровоск заметила, что все сразу стихло.

Нянюшка Ягг оглядела людей по бокам от себя. Помахала рукой перед лицом стражника.

— Ого, — сказала она.

— Ты так долго не можешь, — сказала Матушка. — Нельзя долго удерживать тысячу людей.

Лили пожала плечами:

— Они не имеют значения. Кому какое дело, кто был на балу? Все запомнят только побег, туфельку и счастливый конец.

— Я тебе говорила. Нельзя снова начинать. К тому же он лягушка. Даже ты не можешь держать его в этой форме целый день напролет. По

ночам он возвращается в прежний вид. У него даже спальня с бассейном. Он лягушка, — сухо произнесла Матушка.

— Но только внутри, — сказала Лили.

— Внутри — это единственное, что имеет значение, — сказала Матушка.

— Не скажи: то, что снаружи, тоже важно, — сказала Нянюшка.

— Многие люди в душе животные. Многие животные в душе люди, — сказала Лили. — Что тут плохого?

— Он лягушка.

— Особенно по ночам, — сказала Нянюшка. До нее дошло, что иметь мужа, который мужчина по ночам и лягушка *днем*, было бы почти приемлемо: заработать он много не может, зато и износа мебели меньше. К тому же она не могла выбросить из головы всякие мыслишки о длине его языка.

— И вы убили барона, — сказала Маграт.

— А ты возомнила, что он был милым и добрым человеком? — спросила Лили. — И кстати, он не оказывал мне уважения. А без уважения ты никто.

Нянюшка и Маграт невольно перевели взгляды на Матушку.

— Он лягушка.

— Я нашла его в болоте, — сказала Лили. — И поняла, что он весьма умен. Мне нужен был кто-то… поддающийся убеждению. Почему бы не дать шанс лягушке? Из него вышел бы не самый плохой муж. Одного поцелуя принцессы хватило бы, чтобы закрепить заклятие.

— Многие мужчины, по сути, животные, — сказала Маграт, которая где-то это вычитала.

— Да. Но этот — лягушка, — сказала Матушка.

— Взгляни на это моими глазами, — сказала Лили. — Видишь эту страну? Она вся состоит из болот и лягушек. У нее нет *цели*. Но я могу сделать этот город великим. Не бурным ульем, вроде Анк-Морпорка, а местом, где все работает как часы.

— Девушка не хочет выходить замуж за лягушку.

— Какое это будет иметь значение лет через сто?

— Это имеет значение сейчас.

Лили всплеснула руками:

— И чего же ты хочешь? Тебе выбирать. Либо я… либо та женщина с болот. Свет или тьма. Туман или солнце. Мрачный хаос или счастливый конец.

— Он лягушка, а ты убила барона.

— Ты бы поступила так же, — сказала Лили.

— Нет, — отрезала Матушка. — Я бы *подумала* так же, но не поступила.

— Так какая, в сущности, разница?

— А ты как будто не *знаешь*? — вмешалась Нянюшка Ягг.

Лили рассмеялась.

— Вот гляжу я на вас и умиляюсь, — сказала она. — Вы прямо пышете добрыми намерениями. Дева, мать и старуха.

— Это кто это тут дева? — возмутилась Нянюшка Ягг.

— Это кто это тут мать? — возмутилась Маграт.

Матушка Ветровоск нахмурилась с видом человека, которому осталась последняя соломинка и уже ясно, что она короткая.

— Ну и что же мне с вами делать? — сказала Лили. — Я категорически против убийства людей без крайней необходимости, но и не могу вам позволить бегать тут и творить глупости…

Она оглядела свои ногти.

— Так что, думаю, засуну-ка я вас куда-нибудь, пока дело не будет сделано. А потом… угадайте, что я сделаю потом? А потом, я надеюсь, вы просто сбежите. Я же добрая фея, в конце концов.

Элла осторожно брела по залитому луной бо-

лоту вслед за распетушившимся Легбой. Она замечала в воде движение, но никто не всплывал — дурные вести о Легбе распространялись даже среди аллигаторов.

Вдали загорелся оранжевый свет. То была хижина госпожи Гоголь — или плот, если угодно. На болотах разница между водой и сушей — это больше вопрос выбора.

— Здравствуйте! Есть тут кто-нибудь?

— Заходи, дитя. Присаживайся. Отдохни с дороги.

Элла осторожно шагнула на зыбкую веранду. Госпожа Гоголь сидела в кресле, а на коленях у нее лежала тряпичная кукла в белом платье.

— Маграт говорила…

— Я все знаю. Подойди к Эрзулии.

— А кто вы?

— Я твоя… подруга, девочка.

Элла подошла, готовая броситься наутек.

— Вы же не фея-крестная какая-нибудь, верно?

— Нет. Боги, нет. Просто подруга. За тобой никто не следил?

— Я… думаю, что нет.

— Да и не страшно, если следили, девочка. Это не страшно. И все равно, пожалуй, нам лучше переместиться на реку, прежде чем колдовать.

На воде мы будем в безопасности.

Хижина заворочалась.

— Лучше присядь. При ходьбе она шатается, пока не выйдет на глубину.

Элла все же рискнула обернуться.

Хижина госпожи Гоголь двигалась на четырех огромных утиных лапах, которые поднимались из трясины. Они прошлепали по отмели и плавно скользнули в реку.

Грибо проснулся и потянулся.

Опять не тот набор рук и ног!

Тетушка Приятка, которая сидела и наблюдала за ним, опустила стакан.

— Чего теперь хотите, мсье Кот? — спросила она.

Грибо подошел к двери наружу и поскреб ее.

— Хочу вы-ы-ыйти, теооотушшка, — сказал он.

— Тогда просто поверни ручку, — сказала она.

Грибо уставился на дверь с таким видом, будто столкнулся с непонятной новейшей технологией, а затем снова умоляюще посмотрел на нее.

Она открыла ему, посторонилась, давая ему выскользнуть, а затем захлопнула дверь, заперла и прислонилась к ней.

— Саженька будет в безопасности с госпожой Гоголь, — сказала Маграт.

— Ха! — сказала Матушка.

— А мне она понравилась, — сказала Нянюшка Ягг.

— Не доверяю тем, кто пьет ром и курит трубки, — сказала Матушка.

— Но Нянюшка Ягг курит трубку и пьет все, что горит, — отметила Маграт.

— Да, и она гнусная старая кошелка, — ответила Матушка, не поднимая глаз.

Нянюшка Ягг вынула трубку изо рта.

— Что правда, то правда, — улыбнулась она. — Приходится, знаете ли, поддерживать образ.

Матушка взглянула на нее поверх замка.

— Не могу его открыть, — сказала она. — Это тоже октирон. Не могу отколдовать его.

— Глупо было нас бросать в тюрьму, — сказала Нянюшка. — Вот я бы нас казнила.

— Это потому, что вы по сути добрая, — сказала Маграт. — Добрые люди невинны и стремятся к правосудию. Злые люди виновны, потому они и изобрели милосердие.

— Нет. Я знаю, зачем она так поступила, — мрачно сказала Матушка. — Чтобы мы поняли, что проиграли.

— Но она говорила, мы потом сбежим, — сказала Маграт. — Не понимаю. Она же знает, что

добро в конце всегда побеждает!

— Только в сказках, — сказала Матушка, изучая дверные петли. — А она уверена, что управляет ими. Меняет их под себя. Она себя считает добром.

— Честно говоря, — сказала Маграт, — я тоже не люблю болота. Не будь лягушки и всего прочего, я бы поняла Лили…

— Значит, из тебя никудышная фея-крестная, — огрызнулась Матушка, продолжая колдовать над замком. — Нельзя просто взять и построить людям лучший мир. Только сами люди могут построить себе лучший мир. Иначе получится клетка. К тому же нельзя строить лучший мир, отрубая головы и выдавая приличных девиц замуж за лягушек.

— Но прогресс… — начала Маграт.

— Даже не начинай про прогресс. Прогресс — это когда все плохое начинает делаться быстрей. У кого-нибудь есть еще шпилька? Моя погнулась.

Нянюшка, умевшая, подобно Грибо, устраиваться как дома где угодно, присела в углу своей камеры.

— Слышала я как-то раз историю, — сказала она, — про парнишку, которого заточили на

много-много лет, и он узнал всякие удивительные штуки о вселенной и всем таком от другого пленника, очень умного, а потом сбежал и всем отомстил.

— Ну и какие удивительно умные штуки о вселенной *ты* знаешь, Гита Ягг? — спросила Матушка.

— Да итить их все, — рассмеялась Нянюшка.

— Тогда, черт возьми, нам лучше сбежать прямо сейчас.

Нянюшка вытащила из шляпы листок блокнота, нашарила там же огрызок карандаша, лизнула его кончик и задумалась. Затем написала:

Милый Джейсон ить сетера (как говорят в заграницах)!

Ну што ж мамаша твоя старая опять мотает Срок на нарах, вот я дура старая, пришли-ко мне пирожок с нопильнеком буду тут отметки делать, шучу конешно. Вот те рисунок тимницы. Я поставила Х там где мы сидим, то бишь внутре. Маграт тут рисую в шикарном платье, она у нас играла роль Притворной Дамы. Еще рисую Эсме как она беситца, пущо не может вздломать замок, но думаю все будет норм, ведь добро всегда в конце побеждит, а добро это МЫ. А все потому шо одна девушка не хотит замуж за Принца, то

бишь Дождя, то бишь на самом деле Лягуху, и не могу ее отсуждать, кому надо детей с эдакими генами, еще начнут жить в пруду, прыгать везде, и давить их будут…

Ее прервали звуки мандолины, на которой кто-то весьма умело играл по ту сторону стены, и слабый, но упорный голос, выводивший песню:

— *…си консуэнти д'амуре, вентре димо тондретуро-о-о…*

— Как жажду я свою любовь в гостиной твоего теплого истощения, — перевела Нянюшка, не поднимая головы.

— *…делла делла т'оренцо, одри т'дрен вонтарье-е-е…*

— Лавка, лавка, у меня лазанья, небо розовое, — перевела Нянюшка.

Матушка и Маграт переглянулись.

— *…гварунто дель тари, белла поре ди ларьентос…*

— Радуйся, свечник, у тебя большой…

— Ни слову твоему не верю, — сказала Матушка. — Ты все это на ходу выдумываешь.

— Дословный перевод, — сказала Нянюшка. — Я заграничным владею как родным, ты ж знаешь.

— Мадам Ягг? Это вы, любовь моя?

Все они подняли глаза на зарешеченное окно. В

него заглянуло личико.

— Казанунда? — удивилась Нянюшка.

— Это я, мадам Ягг.

— «Любовь моя», — передразнила Матушка.

— Как ты на окно залез? — спросила Нянюшка, не обращая на нее внимания.

— Я всегда знаю, где добыть лестницу, мадам Ягг.

— Может, ты еще и знаешь, где добыть ключ?

— Это не поможет. За вашей дверью слишком много стражи, мадам Ягг. Даже для такого легендарного мастера клинка, как я. Ее сиятельство дала строгий приказ. Никому не позволено слушать вас и даже глядеть на вас.

— Как же ты попал во дворцовую стражу, Казанунда?

— Джентльмен удачи берется за любую работу, мадам Ягг, — честно признался Казанунда.

— Но там же амбалы под два метра, а ты… несколько пониже.

— Я солгал насчет своего роста, мадам Ягг. Я всемирно известный лжец.

— Правда?

— Нет.

— А про то, что ты величайший на свете любовник?

Воцарилась тишина.

— Ну, может быть, второй величайший, — признал наконец Казанунда. — Но я стараюсь.

— Господин Казанунда, а вы не могли бы найти нам что-то вроде напильника? — попросила Маграт.

— Посмотрю, что можно сделать, леди.

Лицо в окне исчезло.

— Может, кто-нибудь зайдет нас проведать, а мы переоденемся в их одежду и сбежим? — предложила Нянюшка Ягг.

— Ну вот, теперь еще и шпильку в палец воткнула, — пробормотала Матушка Ветровоск.

— Или знаете, а пусть Маграт соблазнит кого-нибудь из стражников, — продолжила Нянюшка.

— А может, вы соблазните? — огрызнулась Маграт как можно язвительнее.

— Ну, или давай я.

— Заткнитесь, вы обе, — прошипела Матушка. — Я пытаюсь думать…

С окна донесся новый звук.

Легба.

Черный петух на миг заглянул сквозь решетку и улетел.

— Меня аж трясет от него, — сказала Нянюшка. — Всякий раз, как его вижу, не могу не думать,

как славно он смотрелся бы в луковом соусе, да с картошечкой.

Ее морщинистое лицо сморщилось еще сильней.

— Грибо! — воскликнула она. — На кого ж мы его оставили?

— Ой, да он просто кот, — сказала Матушка Ветровоск. — Коты умеют о себе позаботиться.

— Он вообще-то такой пусечка… — начала Нянюшка, но тут кто-то начал разбирать стену.

Образовалась дыра. Из нее высунулась серая рука и схватила еще один камень. Внутрь проник крепкий запах речного ила.

Камни ломались под могучими пальцами.

— Дамы? — раздался зычный голос.

— Да, господин Суббота, — сказала Нянюшка, — мы все живы и здоровы — ну, кроме вас, конечно.

Суббота что-то проворчал и отошел.

В дверь громко постучали, и кто-то зазвенел ключами.

— Не стоит тут больше задерживаться, — сказала Матушка. — Пойдем.

Они помогли друг другу выбраться через дыру.

На другом конце двора Суббота шагал в сторону отзвуков бала.

А за ним что-то тянулось, словно хвост кометы.

— Это еще что?

— Штучки госпожи Гоголь, — мрачно произнесла Матушка Ветровоск.

За Субботой в воздухе тянулся поток кромешной тьмы, расширяясь к концу и петляя по территории дворца от ворот. Сперва казалось, что в нем есть силуэты, но если приглядеться — это были не силуэты, а лишь их бледные тени, которые сгущались и менялись. В этой мути на миг вспыхивали глаза. Стрекотали сверчки, звенели комары, разносился запах мхов и речного ила.

— Это же болото, — сказала Маграт.

— Это *сама суть* болота, — сказала Матушка. — То, что должно было появиться, прежде чем появится само болото.

— Батюшки, — Нянюшка пожала плечами. — Ну что ж, Элла вырвалась, мы тоже, значит, переходим к той части, где мы сбегаем, да? Нам ведь это и полагается.

Никто из них не шелохнулся.

— Там, может, не очень хорошие люди, — наконец произнесла Маграт, — но они не заслужили отправиться к аллигаторам.

— Эй, ведьмы, ни с места! — раздался позади них голос. Полдюжины стражников собрались у

дыры в стене.

— В этом городе определенно слишком многолюдно, — сказала Нянюшка, вынимая из шляпы еще одну шпильку.

— У них арбалеты, — предупредила Маграт. — С арбалетами мало что можно поделать. Стрелковое оружие — это Урок Номер Семь, а я до него еще не добралась.

— Они не смогут нажать спуск, если решат, что у них плавники, — зловеще посулила Матушка.

— Слушай, — сказала Нянюшка, — давай вот только без этого, а? Все знают, что добро и так побеждает, *особенно* когда оно в меньшинстве.

Стражники вылезли наружу.

А за ними со стены бесшумно спрыгнул высокий черный силуэт.

— Вот он, — сказала Нянюшка. — Я ж говорила, он далеко от мамочки не уйдет, да?

Двое стражников заметили, как она с гордостью смотрит им за спины, и обернулись.

Как им показалось, перед ними стоял высокий широкоплечий мужчина с гривой черных волос, повязкой на глазу и широченной ухмылкой.

Руки он небрежно сложил на груди.

Он подождал, пока на него не обратят внимание. А затем Грибо медленно разомкнул губы.

Несколько стражников шагнули ему навстречу.

Один из них сказал:

— А что такого? Вроде у него нет оруж…

Грибо поднял руку.

Когти выдвигаются без звука, а зря. Им стоило бы издавать такой вот звон: «тзынн!»

Грибо улыбнулся шире.

Ага! *Они* на месте…

Одному стражнику хватило ума поднять арбалет, но не хватило ума не делать этого, стоя спиной к Нянюшке Ягг, вооруженной шпилькой. Она ударила так быстро, что любой одетый в оранжевое искатель мудрости тут же основал бы Школу Госпожи Ягг. Стражник заорал и уронил арбалет.

— Мррауууу…

Грибо прыгнул.

Кошки похожи на ведьм. Они дерутся не насмерть, а до победы. Разница вот в чем: убивать противника смысла нет. Убитый же не узнает, что проиграл, а для подлинной победы надо не просто побить противника, но и чтобы он это осознал. Как-то трудно показать свой триумф трупу, а вот побитый противник останется побитым до конца оставшейся ему жалкой и ничтожной

жизни — а это чего-то да стоит.

Конечно, кошки над этим не размышляют. Они просто любят, когда кто-нибудь сбегает от них без хвоста и пары квадратных сантиметров шкуры.

Техника у Грибо была неакадемической и не выдерживала сравнения с настоящим фехтованием. Но к ее достоинствам стоит отнести тот факт, что трудно заниматься настоящим фехтованием, когда на тебя навалился кухонный комбайн, пытающийся отгрызть тебе уши.

Ведьмы наблюдали с интересом.

— Думаю, пойдем уже, — сказала Нянюшка. — Дадим ему поразвлечься.

Они поспешили в зал.

Оркестр как раз исполнял сложный номер, когда скрипач-солист ненароком поглядел на дверь — и тут же уронил смычок. Виолончелист оглянулся посмотреть, что случилось, проследил за застывшим взглядом коллеги, и в миг смятения попытался сыграть на инструменте задом наперед.

Последовала серия взвизгов и фальшивых нот, и оркестр умолк. Танцоры по инерции еще недолго продолжали кружиться, затем остановились и смущенно огляделись. А затем один за другим тоже подняли глаза.

На вершине лестницы стоял Суббота.

В тишине раздался барабанный бой, в сравнении с которым звучавшая ранее музыка казалась незаметной, словно стрекотание сверчков. Так звучала истинная музыка крови; вся прочая когда-либо написанная музыка — лишь жалкая попытка ей подыграть.

Она влилась в комнату, а с нею пришли жар и теплый растительный запах болота. В воздухе даже запахло аллигаторами — не их присутствием, но предвкушением.

Барабаны загремели громче. В их бое скорее ощущались, чем слышались, сложные контрритмы.

Суббота стряхнул пылинку с плеча своего старого фрака и протянул руку.

В руке появилась шляпа-цилиндр.

Он протянул другую руку.

Из пустоты вылетела черная трость с серебряным набалдашником и была триумфально подхвачена.

Он надел шляпу. Он крутанул тростью.

Барабаны раскатисто гремели. Хотя… возможно, то были уже не барабаны, то пульсировал сам пол, или стены, или воздух. Ритм был быстрым и жарким, и ноги у людей в зале невольно на-

чали двигаться сами по себе, ведь барабанный бой, казалось, достигал ступней через мозжечок, минуя уши.

Ноги Субботы тоже двигались. Они отбивали собственное стаккато по мраморному полу.

Он танцевал вниз по ступеням.

Он вертелся. Он скакал. Полы его фрака хлестали в воздухе. Наконец он приземлился у подножия лестницы, и его ноги ударили оземь с роковым гулом.

И лишь теперь что-то зашевелилось.

Принц издал кваканье:

— Не может быть, это не он! Он же *мертв*! Стража! *Убить* его!

Он затравленно оглянулся на стражников у лестницы.

Капитан стражи побледнел.

— Эм-м, *еще раз*? В смысле, мне кажется, что… — начал он.

— Сейчас же!

Капитан неуверенно поднял арбалет. Острие стрелы выписывало восьмерки перед его глазами.

— Я сказал, сейчас же!

Арбалет крякнул.

Раздался стук.

Суббота опустил глаза на перья, торчащие из его груди, затем ухмыльнулся и поднял трость.

Капитан поглядел на него с ужасом верной смерти на лице. Он уронил арбалет и бросился бежать, но пробежал всего два шага и упал ничком.

— Нет, — раздался голос позади принца. — *Вот как* надо убивать покойника.

Лили Ветровоск шагнула вперед с лицом, белым от ярости.

— Тебе здесь больше не место, — прошипела она. — Ты не часть этой истории.

Она подняла руку.

Призрачные образы позади нее вдруг сфокусировались, отчего она начала переливаться радугой. Через зал пронеслось серебряное пламя.

Барон Суббота вытянул трость. Магия обрушилась на него и бросила на пол, оставив тонкие серебристые следы, которые немного потрещали и потухли.

— Нет, госпожа, — сказал он, — убить покойника нельзя *никак*.

Три ведьмы наблюдали за этим от дверей.

— Я прямо почуяла мощь, — сказала Нянюшка. — Волшебство должно было разнести его в клочки!

— Разнести в клочки? — сказала Матушка. — Болото? Реку? Мир? Все это — он! Ух, она и умница, эта госпожа Гоголь!

— Что? — сказала Маграт. — Что это значит — все это он?

Лили отшатнулась. Она снова подняла руку и швырнула еще один огненный шар в барона. Шар врезался ему в шляпу и распался искрами, как салют.

— Дура, дура! — пробормотала Матушка. — Уже видела, что это не работает, и все равно повторяет!

— Мне казалось, вы на другой стороне, — заметила Маграт.

— Так и есть! Но я терпеть не могу, когда люди делают глупости. Это совершенно бесполезно, даже ты, Маграт, могла бы… ой, нет, только не снова…

Барон рассмеялся: уже третье покушение не причинило ему вреда. Затем поднял трость. Двое придворных упали ничком.

Лили Ветровоск, продолжая отступать, дошла до подножия главной лестницы.

Барон двинулся вперед.

— Хотите что-нибудь еще попробовать, миледи? — спросил он.

Лили подняла обе руки.

Все три ведьмы ощутили жуткое сосущее чувство: она пыталась втянуть всю энергию в округе.

Снаружи последний оставшийся на ногах стражник вдруг обнаружил, что дерется уже не с мужчиной, а просто с очень разъяренным котом. Правда, легче ему от этого не стало, ведь теперь у Грибо появилась вторая пара когтей.

Принц завопил.

То был протяжный вопль, который раздавался все ниже и наконец оборвался кваканьем на уровне пола.

Барон Суббота с силой топнул перед собой, и кваканье прекратилось.

Барабаны резко умолкли.

И воцарилась полная тишина, которую нарушал лишь шелест платья Лили, убегавшей по ступеням.

Голос за спинами ведьм произнес:

— Спасибо, дамы. А теперь не могли бы вы отойти?

Они оглянулись. За ними стояла госпожа Гоголь, держа Саженьку за руку. На плече у нее был пухлый мешок с яркой вышивкой.

Все трое наблюдали, как шаманка вуду выве-

ла девушку в зал и провела через безмолвную толпу.

— Это тоже неправильно, — беззвучно прошептала Матушка.

— Что? — спросила Маграт. — Что?

Барон Суббота стукнул тростью о пол.

— Вы меня знаете, — сказал он. — Вы *все* знаете *меня*. Вы знаете, что меня убили. Но вот он я здесь. Меня убили, а что сделали вы?..

— А много ли сделали *вы*, госпожа Гоголь? — прошептала Матушка. — Нет, мы этого не потерпим.

— Тс-с, я не слышу, что он говорит, — перебила Нянюшка.

— Говорит им, что теперь будет править или снова он, или Саженька, — сказала Маграт.

— У них будет госпожа Гоголь, — пробормотала Матушка. — Она станет их *серым кардинатором*.

— Ну, она ничего, — заметила Нянюшка.

— Это на болоте она ничего, — возразила Матушка. — Когда ее кто-нибудь уравновешивает, она ничего. Но если госпожа Гоголь будет приказывать, как жить целому городу… это неправильно. Магия слишком важна, чтобы тратить ее на правление людьми. К тому же Лили всего лишь убивала людей — а госпожа Гоголь еще и пошлет

убитых валить лес и убирать дом. Я так считаю: если прожил трудную жизнь, имеешь право как следует отдохнуть после смерти.

— Типа как лечь и получать удовольствие, — согласилась Нянюшка.

Матушка оглядела свое белое платье.

— Плохо, что на мне не моя одежда, — сказала она. — Правильный цвет для ведьмы — черный.

Она спустилась по лестнице и воронкой приложила руки ко рту.

— Ау-у! Госпожа Гоголь!

Барон Суббота прервал речь. Госпожа Гоголь кивнула Матушке.

— Что, мадмазель Ветровоск?

– *Госпожа* Ветровоск, — процедила Матушка, но затем снова смягчила тон. — Так неправильно, вы же знаете. Нет, она, конечно, должна править, это честно. А вы помогали ей магией до сих пор, и это правильно. Но на этом нужно закончить. Пусть она сама решает, что будет дальше. Нельзя причинять добро и справедливость при помощи магии. Можно только прекратить ею зло.

Госпожа Гоголь выпрямилась во весь свой впечатляющий рост:

— А вы кто такая, чтобы говорить, что мне можно, а чего нельзя?

— Мы ее феи-крестные, — сказала Матушка.

— Точно, — сказала Нянюшка Ягг.

— У нас даже палочка есть, — сказала Маграт.

— Но вы же не переносите крестных, госпожа Ветровоск, — напомнила госпожа Гоголь.

— Мы другие, — сказала Матушка. — Мы из тех, кто дает людям то, что им действительно нужно, а не то, чего они по-нашему хотят.

Народ вокруг зашевелил губами — люди пытались осознать услышанное.

— Значит, вы выполнили работу крестных, — сказала госпожа Гоголь, которая соображала побыстрей прочих. — И выполнили отлично.

— Вы не слушаете, — сказала Матушка. — В феекрестную работу много чего входит. Может, она будет хорошо править. Может, плохо. Но ей это нужно выяснить самой. Без стороннего вмешательства.

— А если я скажу — нет?

— Тогда, боюсь, нам придется еще немного пофеекрестнить, — сказала Матушка.

— Вы хоть представляете, как долго я трудилась над этой победой? — высокомерно заявила госпожа Гоголь. — Представляете, чем я *пожертвовала*?

— А теперь вы победили, и на этом все, — ска-

зала Матушка.

— Вы бросаете мне вызов, госпожа Ветровоск?

Матушка чуть поколебалась, но затем расправила плечи. Едва заметно шевельнула руками. Нянюшка и Маграт слегка отступили.

— Если вам угодно.

— Мое вуду против этой вашей… головологии?

— Если пожелаете.

— А что на кону?

— Никакой больше магии в жизни Орлеи, — сказала Матушка. — Никаких больше сказок. Никаких фей-крестных. Просто люди, которые решают за себя. К добру или худу. Верно или неверно.

— Ладно.

— И Лили Ветровоск займусь я.

Госпожа Гоголь втянула воздух так, что услышал весь бал.

— Никогда!

— Хм-м? — сказала Матушка. — Что, неужели боитесь проиграть?

— Не хочу навредить вам, госпожа Ветровоск, — сказала госпожа Гоголь.

— Вот и ладно, — сказала Матушка. — Я тоже не хочу, чтобы мне навредили.

— Я не желаю, чтобы вы тут дрались, — вста-

вила Элла.

Они обернулись на нее.

— Она же правит теперь, не так ли? — сказала Матушка. — Придется ее слушаться.

— Я не буду соваться в город, — сказала госпожа Гоголь, не обращая внимания на вмешательство, — но Лилит моя.

— Нет.

Госпожа Гоголь сунула руку в сумку и достала тряпичную куклу.

— Видите?

— Вижу, — сказала Матушка.

— Кукла должна была изображать ее. Давайте это не будете вы.

— Уж извините, госпожа Гоголь, — твердо произнесла Матушка, — но я помню свой долг.

— Вы умная женщина, госпожа Ветровоск. Но вы очень далеко от дома.

Матушка пожала плечами. Госпожа Гоголь держала куколку за пояс. У куклы были сапфирово-синие глаза.

— Знаете магию зеркал? Вот это *мое* зеркало, госпожа Ветровоск. Я могу сделать так, что куклой будете *вы*. А потом заставить ее *страдать*. Не вынуждайте меня. Прошу вас.

— Просите сколько угодно, госпожа Гоголь. Но

с Лили разберусь я.

— На твоем месте я бы не нарывалась, Эсме, — прошептала Нянюшка Ягг. — Она в этом деле смыслит.

— Боюсь, она может быть беспощадной, — сказала Маграт.

— Я с величайшим уважением отношусь к госпоже Гоголь, — сказала Матушка. — Замечательная дама. Но многовато болтает. На ее месте я бы уже воткнула в куклу пару здоровенных иголок.

— Это уж точно, — сказала Нянюшка. — Славно все-таки, что ты добрая, да?

— Верно, — сказала Матушка, вновь повышая голос. — Я должна найти свою сестру, госпожа Гоголь. Это *семейное* дело.

Она решительно подошла к лестнице.

Маграт достала волшебную палочку.

— Пусть только попробует что-нибудь сделать с Матушкой, до конца дней своих будет оранжевой, круглой и с семенами, — прошипела она.

— Думаю, Эсме не понравится, если ты выкинешь что-нибудь эдакое, — сказала Нянюшка. — Да не боись. Она все равно не верит во всю эту ерунду с иголками и куклами.

— Она вообще *ни во что* не верит. Но это неваж-

но! — сказала Маграт. — Госпожа Гоголь верит! Это *ее* сила! Важно то, во что верит *она*!

— Думаешь, Эсме не понимает?

Матушка Ветровоск подошла к подножию лестницы.

— Госпожа Ветровоск!

Матушка обернулась.

Госпожа Гоголь держала в руке длинную деревянную щепку. Удрученно покачав головой, она вонзила ее в ступню куклы.

Все увидели, как поморщилась Эсме Ветровоск.

Еще одна щепка воткнулась в тряпичную ручку.

Матушка медленно подняла другую руку и дрогнула, коснувшись рукава. Но затем продолжила подниматься по лестнице, слегка прихрамывая.

— Следующую я могу в сердце, госпожа Ветровоск! — крикнула госпожа Гоголь.

— Да уж не сомневаюсь. Это вы умеете. Уж это вы умеете, — ответила Матушка, не обернувшись.

Третью щепку госпожа Гоголь вогнала в ногу. Матушка пошатнулась и ухватилась за перила. У нее за спиной вспыхнул один из факелов.

— Следующую! — сказала госпожа Гоголь. — Ясно? Следующую. Я на это способна!

Матушка Ветровоск обернулась.

Она увидела сотни поднятых лиц.

Когда она заговорила, голос ее был столь тих, что они с трудом его разобрали.

— Я знаю, что способны, госпожа Гоголь. Вы в это верите. Только напомните-ка мне еще раз: мы поспорили на Лили, верно? И на город?

— Какая теперь разница? — сказала госпожа Гоголь. — Вы что, еще не сдаетесь?

Матушка Ветровоск сунула мизинчик в ухо и задумчиво поковыряла.

— Нет, — сказала она. — Нет, вроде и не собиралась. Вы же смотрите, госпожа Гоголь? Вы внимательно смотрите?

Ее взгляд проплыл по залу и лишь на долю мгновения задержался на Маграт.

Затем она осторожно перегнулась через перила и сунула руку по локоть в пылающий факел.

И куколка в руках Эрзулии Гоголь вспыхнула.

Она продолжала пылать и после того, как ведьма вскрикнула и уронила ее на пол. Она пылала, пока Нянюшка Ягг не подошла неспешно с кувшином фруктового сока из буфета и не потушила ее, весело насвистывая.

Матушка вынула руку из огня. Рука была цела.

– *Вот это* головология, — сказала она. — Един-

ственное, что имеет значение. Остальное — просто возня. Надеюсь, вы сами-то не обожглись, госпожа Гоголь?

Она спустилась по ступеням.

Госпожа Гоголь не могла оторвать взгляд от мокрого огарка. Нянюшка Ягг сочувственно похлопала ее по плечу.

— Как она это сделала? — спросила госпожа Гоголь.

— Она и не делала. Она дала *вам* это сделать, — сказала Нянюшка. — Рядом с Эсме Ветровоск надо держать ухо востро. Поглядела бы я, как какие-нибудь Дзен-придурки напали бы на *нее* разок.

— И при этом добрая — она? — спросил Барон Суббота.

— Ага, — сказала Нянюшка. — Странные бывают дела, правда?

Она задумчиво посмотрела на пустой кувшин из-под сока в своей руке.

— А вот сюда, — заявила она голосом того, кто достиг решения после долгих размышлений, — нужно добавить бананов, рома и всего такого…

Нянюшка взяла было курс на координаты дайкири, но Маграт схватила ее за платье.

— Не сейчас, — сказала она. — Пойдем лучше за Матушкой! Ей может понадобиться помощь!

— Даже не думай, — сказала Нянюшка. — Вот уж не хотела бы оказаться на месте Лили, когда Эсме ее догонит.

— Но я никогда еще не видела Матушку такой возбужденной, — сказала Маграт. — Может случиться все что угодно.

— И хорошо, если случится, — сказала Нянюшка. Она со значением кивнула лакею, и тот проворно бросился к ней принимать заказ.

— Но она же может совершить что-нибудь… ужасное!

— И хорошо. У нее давно руки чесались, — сказала Нянюшка. — Еще бананового дай-кири, махатма-кот, и бистро.

— Нет уж. Думаю, это плохая идея, — настаивала Маграт.

— Ой, ну *ладно*, — сказала Нянюшка. Она отдала пустой кувшин Барону Субботе, который принял его, будто под гипнозом.

— Нам просто надо кое с чем разобраться, — сказала она. — Вы уж извините. Повеселитесь тут… если там еще чего осталось.

Когда ведьмы ушли, госпожа Гоголь нагнулась и подобрала влажные останки куклы.

Кто-то в толпе кашлянул.

— И это все? — спросил Барон. — Двенадцать

лет спустя?

— Принц мертв, — ответила госпожа Гоголь. — Каким бы он ни был.

— Но ты обещала, что отомстишь за меня *ей*, — сказал Барон.

— Полагаю, возмездие уже в пути, — госпожа Гоголь бросила куколку на пол. — Лилит боролась со мной двенадцать лет, но так ничего и не добилась. А этой даже напрягаться не пришлось. Так что, полагаю, возмездие уже скоро.

— Тебе не обязательно сохранять уговор!

— Обязательно. Должна же я сохранить хоть что-то, — госпожа Гоголь приобняла Эллу за плечи. — Вот и все, девочка, — сказала она. — Твой дворец. Твой город. Нет ни единого человека, который бы с этим поспорил.

Она оглядела гостей. Кое-кто из них при этом попятился.

Элла подняла глаза на Субботу.

— Мне кажется, я вас знаю, — сказала она. Затем обернулась на госпожу Гоголь. — И вас, — добавила она. — Я вас где-то видела… в прошлом. Очень давно, да?

Барон Суббота открыл рот, чтобы что-то сказать. Госпожа Гоголь остановила его жестом.

— Мы же обещали, — сказала она. — Никто не

вмешивается.

— Даже *мы*?

— И даже мы, — она снова повернулась к Элле. — Мы простые люди.

— Хотите сказать… — удивилась Элла, — я батрачила на кухне столько лет… а теперь… я должна править городом? Вот так просто?

— Так все устроено.

Элла опустила глаза, глубоко задумавшись.

— И все, что я прикажу, люди должны выполнять? — невинно поинтересовалась она.

В толпе кое-кто нервно кашлянул.

— Да, — сказала госпожа Гоголь.

Элла стояла, глядя в пол и нервно грызя ноготь. Затем подняла глаза.

— Тогда первым делом я хочу окончить этот бал. Прямо сейчас! И отправиться на карнавал. Всегда хотела станцевать на карнавале, — она оглядела встревоженные лица вокруг. — Но остальным не обязательно туда идти, — добавила она.

Аристократы Орлеи были опытны и прекрасно понимали, что делать, когда правитель говорит, мол, что-то необязательно.

В считаные минуты зал опустел, остались лишь трое.

— Но… но… я жаждал *мести*, — сказал Барон. —

Я жаждал *смерти*. Я жаждал отдать власть нашей дочери.

— ДВА ИЗ ТРЕХ — УЖЕ НЕПЛОХО.

Госпожа Гоголь и Барон обернулись. Смерть поставил напиток и шагнул им навстречу.

Барон Суббота выпрямился.

— Я готов пойти с тобой, — сказал он.

Смерть пожал плечами. Он как бы давал понять: готов или нет — ему все едино.

— Но я сдержал-таки тебя, — добавил Барон. — На целых двенадцать лет! — Он обнял Эрзулию за плечи. — Когда меня убили и бросили в реку, мы украли у тебя мою жизнь!

— ТЫ ПЕРЕСТАЛ ЖИТЬ. НО ТЫ НЕ УМИРАЛ. Я ТОГДА ЗА ТОБОЙ НЕ ПРИХОДИЛ.

— Не приходил?

— МОЯ ВСТРЕЧА С ТОБОЙ БЫЛА НАЗНАЧЕНА НА СЕГОДНЯ.

Барон отдал трость госпоже Гоголь. Снял черный цилиндр. Сбросил фрак.

В его фалдах потрескивала энергия.

— Нет больше Барона Субботы, — сказал он.

— ПОЖАЛУЙ. КСТАТИ, ШИКАРНАЯ ШЛЯПА.

Барон обернулся к Эрзулии.

— Кажется, мне пора уходить.

— Да.

— Что будешь делать?

Вудуистка опустила руки на шляпу в своих руках.

— Вернусь на болото, — сказала она.

— Может, останешься здесь? Не доверяю я этой заграничной ведьме.

— Я тоже. Потому и вернусь на болото. Некоторым сказкам нужно закончиться. Чем бы ни стала Элла, ей предстоит пройти этот путь самой.

Вскоре они дошли до тяжелых бурых вод реки.

Барон остановился на краю.

— А будет она жить долго и счастливо? — спросил он.

— НЕ ВЕЧНО. НО, ПОЛАГАЮ, ДОВОЛЬНО ДОЛГО.

Вот так кончаются сказки.

Злая ведьма побеждена, замарашка становится принцессой, королевство приходит в себя. Возвращаются счастливые деньки. Долго и счастливо. А значит, жизнь на этом замирает.

Сказки *хотят* кончаться. Им плевать, что будет после этого…

Нянюшка Ягг шагала по коридору.

— Никогда прежде Эсме такой не видела, — сказала она. — Она в каком-то диком настроении. Может быть опасна для самой себя.

— Она опасна для всех вокруг, — сказала Маграт. — Она…

Коридор перед ними загородили дамы-змеи.

— Давай на это так смотреть, — прошептала Нянюшка, — ну что они нам могут сделать?

— Не выношу змей, — вполголоса призналась Маграт.

— Конечно, у них есть зубы, — продолжила Нянюшка, будто проводила урок. — И даже настоящие клыки. Пойдем, девочка моя. Поглядим, может, тут есть обходной путь.

— Ненавижу их.

Нянюшка потянула Маграт за руку, но та не двигалась.

— Пойдем уже!

— Серьезно, ненавижу их.

— Еще поненавидишь их, сколько душе угодно, только издали!

Сестры уже почти догнали их. Они молчали и скользили. Возможно, Лили потеряла концентрацию, потому что сейчас они выглядели змеинее, чем когда-либо. Нянюшке даже почудились узоры чешуек на их коже. И челюсти были какие-то не такие.

— Маграт!

Одна из сестер потянулась к ним. Маграт

вздрогнула.

Змея открыла пасть.

И тут Маграт подняла глаза и, словно во сне, дала змее такого тумака, что та пролетела несколько метров по коридору.

Этот удар не упоминался ни в какой Школе или Пути. Никто не рисовал его диаграмму, не тренировал его перед зеркалом с повязкой на лбу. То было нечто из набора инстинктов выживания перепуганных людей.

— Используй палочку! — крикнула Нянюшка, бросаясь вперед. — Не пытайся их отниндзить! Палочку бери! Она для этого!

Вторая змея инстинктивно метнулась ей вслед, лишний раз доказав, что инстинкт не всегда хорош для выживания, потому что Маграт со всей дури огрела ее по затылку. Палочкой.

Змея осела наземь, теряя форму на лету.

Проблема с ведьмами в том, что они никогда не убегают от того, что действительно ненавидят.

А проблема с маленькими мохнатыми зверьками, загнанными в угол, в том, что изредка это оказываются мангусты.

Матушка Ветровоск никогда не понимала: ну что такого в этой полной луне? Просто большой светящийся круг. А новолуние — это вообще

просто темнота.

Но на перепутье между ними, пока луна находится меж миров света и тьмы, когда она живет на самой грани… пожалуй, *тогда* ведьма и может поверить в луну.

Сейчас полумесяц взошел над туманом болот.

Зеркальное гнездо Лили отражало его холодный свет, как и все остальное. Три метлы стояли, прислоненные к стене.

Матушка забрала свою. Платье не того цвета, шляпы нет, так пусть *хоть что-то* в облике будет ее собственным.

Ни следа движения.

— Лили? — ласково позвала Матушка.

Ее собственное лицо глядело из всех зеркал.

— Можем уже закончить это все, — сказала Матушка. — Можешь сесть на мою метлу, я возьму метлу Маграт, а они вместе на Гитиной. Госпожа Гоголь тебя не тронет. С этим я разобралась. А у нас на родине как раз нужны ведьмы. Никаких феекрестных дел. Не нужно больше убивать людей, чтобы их дочери попадали в истории. Я ведь знаю, ты для этого его убила. Возвращайся-ка домой. От такого предложения нельзя отказаться.

Зеркало бесшумно откинулось.

— Ты пытаешься меня *щадить*? — спросила

Лили.

— Не думай только, что мне это легко далось, — добавила Матушка уже почти обычным своим голосом.

Платье Лили зашуршало в темноте: она вышла наружу.

— Итак, — сказала она, — ты победила болотницу.

— Нет.

— Но здесь ты, а не она.

— Да.

Лили взяла метлу из рук Матушки и оглядела ее.

— Никогда этими штуками не пользовалась, — сказала она. — На нее просто садятся и взлетают?

— Ну, с *этой* придется сперва побегать, прежде чем она взлетит, — призналась Матушка, — но в целом ты уловила суть.

— Хм-м. Знаешь ли ты, что символизирует метла? — спросила Лили.

— Что-то из области майских шестов, народных песен и тому подобного? — уточнила Матушка.

— О, да.

— Тогда не желаю об этом ничего слышать.

— Конечно, — сказала Лили. — Так я и думала.

Она вернула сестре метлу.

— Я остаюсь здесь, — сказала она. — Может, госпожа Гоголь и выдумала новый фокус, но это не значит, что она победила.

— Нет уж. Пойми ты, все закончилось, — сказала Матушка. — Так это работает, когда превращаешь мир в сказку. Не надо было этого делать. Нельзя превращать мир в сказку. Нельзя обращаться с людьми так, будто они *персонажи*, будто они *вещи*. А если уж *начала*, то умей понять, когда сказочке конец.

— И что мне, надеть раскаленные башмаки и плясать до смерти? — сказала Лили.

— Что-то в этом роде.

— А остальные будут жить долго и счастливо?

— На этот счет не знаю, — сказала Матушка. — Это уж как сами смогут. Я хочу сказать, что нельзя начать все снова по кругу. Ты проиграла.

— Ты же знаешь, Ветровоски никогда не проигрывают, — сказала Лили.

— Одной из них сегодня придется научиться.

— Но *мы-то* с тобой вне сказок, — сказала Лили. — Я — потому что… я тот проводник, через которого они воплощаются, а ты — потому что борешься с ними. Мы стоим в центре. Свободные…

У них за спинами раздался звук. Наверху лест-

ницы появились лица Маграт и Нянюшки Ягг.

— Помощь нужна, Эсме? — осторожно спросила Нянюшка.

Лили рассмеялась.

— А вот и *твои* змейки, Эсме.

— Знаешь, — добавила она, — а мы с тобой похожи. Ты не замечала? Если мысль приходила мне в голову, значит, приходила и тебе. Я не сделала ничего того, о чем ты не подумала. Тебе просто не хватало смелости. В этом разница между такими, как я, и такими, как ты. *Нам* хватает смелости воплощать то, о чем ты только мечтаешь.

— Да ладно? — переспросила Матушка. — Так-то ты считаешь? Думаешь, я только мечтаю?

Лили шевельнула пальцем. Маграт плавно слетела с лестницы, отчаянно брыкаясь и размахивая палочкой.

— Вот что мне хотелось увидеть, — сказала Лили. — Как люди мечтают. Я за всю жизнь никогда не мечтала. Я всегда *воплощала* мечты в жизнь. Это куда приятнее.

Маграт скрежетнула зубами.

— Не думаю, милочка, что мне будет к лицу образ тыквы, — сказала Лили и небрежно махнула рукой. Маграт взлетела повыше.

— Ты и представить не можешь, что мне под-

властно, — задумчиво произнесла Лили, пока юная ведьма парила над каменными плитами. — Тебе стоило самой попробовать зеркала, Эсме. Чудесно влияют на душу. Я оставила болотницу в живых лишь потому, что ее ненависть бодрила меня. Обожаю, когда меня ненавидят, знаешь ли. Да ты, собственно, и *знаешь*. В этом есть своего рода уважение. Доказывает, что ты на что-то влияешь. Это как прохладная ванна жарким днем. Когда дурачки оказываются бессильны, когда их охватывает беспомощность, когда их побеждают и им ничего не остается, кроме сосущего чувства в кислотной бездне желудка… честное слово, это экстаз. А *сказки*… можно *оседлать* их… зачерпнуть их силу… их *удобство*… быть в тайном их центре… Можешь ты это понять? Все это наслаждение от вида повторяющихся узоров? Всегда обожала узоры. Кстати, если твоя Яггиха продолжит эти попытки подкрасться ко мне сзади, то мелкая твоя подружка невзначай окажется над двором, а потом, Эсме, я вдруг забуду о ней.

— Да я просто мимо проходила, — проворчала Нянюшка. — Законом не запрещено.

— Ты поменяла сказку по-своему, теперь я поменяю по-моему, — продолжила Лили. — И опять же… все, что тебе остается — уйти. Просто

уходи. Что тут случится потом, тебе не важно. Тут далекий город, о котором ты мало что знаешь. Я не вполне уверена, что смогла бы перехитрить тебя, — добавила она, — но эти двое… они просто не из того теста. Я могу сделать из них повидло. Надеюсь, ты это понимаешь. Так что, полагаю, сегодня одна из Ветровосков научилась проигрывать?

Какое-то время Матушка стояла молча, опираясь на бесполезную метлу.

— Ну ладно. Спусти ее, — сказала она. — И тогда я признаю, что ты победила.

— Хотелось бы мне в это верить, — сказала Лили. — Ой… но ты же у нас добрая, верно? Придется тебе держать слово.

— Вот увидишь, — сказала Матушка. Она подошла к парапету и поглядела вниз. Двуликой луне хватало яркости осветить клубы тумана, окружавшего дворец, словно океан.

— Маграт? Гита? — сказала она. — Простите меня. Ты победила, Лили. Я ничего не могу поделать.

Она спрыгнула.

Нянюшка Ягг бросилась к ней и, перегнувшись через парапет, успела увидеть, как тусклая фигурка растворяется во мгле.

Три фигуры, оставшиеся на башне, глубоко вздохнули.

— Это какой-то фокус, — сказала Лили, — чтобы отвлечь меня.

— Да нет же! — закричала Маграт, падая на камни.

— При ней была метла, — сказала Лили.

— У нее метла не работает! Не заводится! — крикнула Нянюшка. — Ну, *раз так*, — протянула она зловеще, шагнув навстречу щуплой Лили, — сейчас мы твою ухмылочку-то подправим…

Она остановилась: ее тело пронзила серебристая боль.

Лили захохотала.

— Значит, правда? — сказала она. — Да. Я вижу по вашим глазам. Эсме хватило ума понять, когда победить нельзя. Не будьте дурами. И не тычь в меня этой дурацкой палочкой, Чесногк. Если б старуха Дезидерата могла меня ею победить, давно бы это сделала. Как же туго до некоторых доходит.

— Нам срочно надо спуститься, — сказала Маграт. — Наверное, она лежит там…

— Так-то лучше. Будьте добренькими. У вас это хорошо получается, — сказала Лили, когда они бросились вниз по винтовой лестнице.

— Но мы еще вернемся! — огрызнулась Нянюшка Ягг. — Даже если придется жить на болоте с госпожой Гоголь и жрать змеиные головы!

— Разумеется, — Лили приподняла бровь. — Я так и сказала. Такие люди нужны под боком. Иначе не понятно, работаешь или нет. Помогает вести счет.

Она проследила, как они исчезают в глубине.

Над башней пронесся ветер. Лили подобрала подол и подошла к краю, откуда видно было, как внизу лоскутья тумана струятся над крышами. Он тянулся по улицам, откуда доносились отзвуки веселой музыки с далекого карнавала.

Приближалась полночь. Настоящая полночь, а не та пиратская копия, которую устроила одна бабка, пошарив в часах.

Лили вгляделась сквозь сумрак у подножия башни.

— Да уж, Эсме, — прошептала она, — проигрывать ты не умеешь.

На бегу по винтовой лестнице Нянюшка схватила и придержала Маграт.

— Не несись ты так, вот что, — сказала она.

— Но она могла разбиться!..

— И ты можешь разбиться, если споткнешься. И кстати, — сказала Нянюшка, — не думаю, что

Эсме валяется там, разбитая в лепешку. Она бы не так померла. Думается, она это устроила, чтобы Лили забыла о нас и не испытывала на нас всякие фокусы. Думается, она считает нас… как там звали того цортийского мужика, которого можно было ранить только в определенное место? Его еще не могли победить, пока про это место не узнали. Колено, кажется. Короче, мы ее цортийское колено, ясно?

— Но мы же знаем, что ей нужно быстро бегать, чтобы разогнать метлу! — крикнула Маграт.

— Знаю, знаю, — сказала Нянюшка. — Я тоже про это подумала. А теперь думаю… с какой скоростью обычно падают? В смысле, если отвесно вниз?

— Я… не знаю, — призналась Маграт.

— Думается, Эсме решила, что это стоит проверить, — сказала Нянюшка. — Так вот мне думается.

Из-за поворота ступеней показалась фигура, поднимавшаяся по лестнице. Они вежливо отошли, пропуская ее.

— Не помню только, куда там его надо было поразить, — сказала Нянюшка. — Теперь всю ночь буду об этом думать.

— В ПЯТКУ.

— Правда? Ой, спасибо.

— ВСЕГДА ПОЖАЛУЙСТА.

Фигура прошла мимо и вверх.

— А отличная у него маска, да? — нарушила тишину Маграт.

Они с Нянюшкой искали поддержки в лицах друг у друга.

Маграт побледнела. Подняла голову к вершине лестницы.

— Кажется, надо бежать обратно и… — начала она.

Но Нянюшка Ягг была куда старше.

— Кажется, надо *идти* обратно, — сказала она.

Леди Воленция д'Оговор сидела в розовом саду у подножия большой башни и сморкалась.

Она прождала уже полчаса, и с нее было достаточно.

Она рассчитывала на романтическое свидание; он казался таким галантным мужчиной, немного нетерпеливым и в то же время скромным. А вместо этого ей чуть ли не на голову свалилась из тумана старуха на метле, одетая, насколько она успела разглядеть на такой скорости, в платье самой леди Воленции. Старуха пропахала башмаками розы, прежде чем вновь сумела набрать высоту.

Да еще какой-то вонючий кот терся об ее ноги.

А ведь вечер так славно начинался…

— Драсьте, ваша светлость?

Она оглянулась на кусты.

— Меня зовут Казанунда, — с надеждой произнес голос.

Лили Ветровоск обернулась, услышав звон стекла из зеркального лабиринта.

Она нахмурила брови. Пробежав по плитке, она распахнула дверь в мир зеркал.

Все было тихо, не считая шелеста платья и звуков ее собственного дыхания. Она скользнула в пространство меж зеркал.

Мириады ее отражений одобряюще глядели на нее. Она расслабилась.

Но тут ей что-то попалось под ноги. Опустив взгляд, она увидела на плитке метлу в осколках битого стекла, казавшегося черным в лунном свете.

В ужасе она подняла глаза и увидела свое отражение.

Оно глядело на нее в упор.

— Ну и в чем удовольствие победить, если побежденный погиб и не знает, что проиграл?

Лилит отшатнулась, открывая и закрывая рот.

Матушка Ветровоск вышла из пустой рамы.

Лили заглянула за спину мстительной сестре.

— *Ты разбила мое зеркало!*

— И что, все было ради вот этого? — спросила Матушка. — Играть в королевишну в болотном городе? Подавать сказки? Ну что это за власть?

— Ты не понимаешь… ты разбила *зеркало*…

— Говорят, так нельзя делать, — сказала Матушка. — Но я решила: подумаешь, еще семь лет несчастий!

Образ за образом раскалывается, до самого великого изгиба зеркального мира, трещина тянется быстрее скорости света…

— Надо было разбить *оба*, иначе опасно… ты нарушила *равновесие*…

— Ха! Это *я*-то? — Матушка шагнула вперед, сверкая злыми сапфирами глаз. — Преподам-ка я тебе науку, которой наша мама тебя не учила, Лили Ветровоск. Не магией, не головологией, не розгами, как папа — ох, помню, много он их изломал, — а на собственной шкуре научу. И не за то, что из нас двоих злая — ты. Не за то, что шалила со сказками. У всякого свой путь, который нужно пройти. А за то, и я хочу, чтобы до тебя это дошло, что из-за этого *мне пришлось быть доброй*. Тебе досталось все самое интересное. И я не представляю, как ты за это расплатишься, Лили, но уж

точно постараюсь…

— Но… я… я… это я тут добрая, — пробормотала Лили, бледнея от потрясения. — Я добрая. Я не могу проиграть. Я фея-крестная. А ты злая ведьма… и ты разбила зеркало…

…стремительная, как комета, трещина в зеркалах доходит до крайней точки и загибается обратно, проносясь через бесчисленные миры…

— Тебе придется помочь мне… отражения надо уравновесить… — слабо бормотала Лили, пятясь от оставшихся зеркал.

— Добрая? Ты-то добрая? Та, что скармливает людей сказкам? Искажает их жизни? Это *добро*, что ли? — спросила Матушка. — Хочешь сказать, что ты даже не *повеселилась*? Ой, будь я такой злой, как ты, я была бы куда страшней. Я бы справилась куда лучше, чем ты можешь представить.

Она отдернула руку.

…трещина вернулась к начальной точке, ведя за собой отражения, струящиеся по всем зеркалам…

Ее глаза расширились.

Зеркала за спиной Лили Ветровоск разлетелись вдребезги.

А в зеркале отражение Лили Ветровоск обер-

нулось, блаженно улыбнулось и высунулось из рамы, чтобы схватить Лили Ветровоск.

— Лили!

Все зеркала разбились, взорвались на тысячи осколков, которые разлетелись с вершины башни так, что на миг показалось, что ту окутала блестящая пыльца фей.

Нянюшка Ягг и Маграт ворвались на крышу, словно ангелы возмездия, набранные на небеса по объявлению.

И замерли.

Там, где только что был лабиринт зеркал, зияли пустые рамы. Осколки устилали весь пол, а на них лежала женщина в белом платье.

Нянюшка заслонила собой Маграт и осторожно подкралась. Потыкала лежащую мыском башмака.

— Надо сбросить ее с башни, — предложила Маграт.

— Ну, вперед, — сказала Нянюшка. — Сбрасывай.

Маграт замешкалась.

— То есть, — протянула она, — в смысле, я не имела в виду, что лично сброшу ее с башни. Я лишь хотела сказать, что, если воздать по справедливости, ее бы следовало сбросить…

— Ну, тогда я бы на твоем месте про это больше не заикалась, — сказала Нянюшка, осторожно опускаясь на колени среди хрустящих осколков. — И кстати, я была права. *Это* наша Эсме. Я ее лицо где хочешь узнаю. Снимай-ка нижнюю юбку.

— Зачем?

— На руки ее погляди, девочка моя!

Маграт поглядела. Затем своими руками схватилась за голову.

— Да что она ими такое *делала*?

— Пыталась пробиться через стекло, судя по виду, — сказала Нянюшка. — Давай, снимай юбку и помоги мне порвать ее на лоскуты. Потом спускайся и беги к госпоже Гоголь, спроси, что у нее есть из зелий и чем она может помочь. А если она не захочет, скажи, пусть лучше к утру уберется подальше отсюда, — Нянюшка пощупала пульс Матушки Ветровоск. — Может, Лили Ветровоск и могла сделать из нас повидло, но госпоже Гоголь я уж точно смогу раскроить башку, если надо будет.

Нянюшка сняла несокрушимую шляпу со своей пациентки и пошарила в глубине. Нашла бархатную тряпочку и развернула: внутри обнаружился набор игл и катушка ниток.

Она лизнула нить и, прищурившись, подняла иглу к луне.

— Ох, Эсме-Эсме, — сказала она и принялась зашивать, — не умеешь ты выигрывать.

Лили Ветровоск оглядела многослойный серебристый мир вокруг.

— Где я?

— В ЗЕРКАЛЕ.

— Я умерла?

— ОТВЕТ, — сказал Смерть, — НАХОДИТСЯ ГДЕ-ТО МЕЖДУ «НЕТ» И «ДА».

Лили обернулась, и миллиард фигур обернулся вместе с ней.

— Как же я отсюда выберусь?

—

ЕСЛИ УЗНАЕТЕ, КОТОРАЯ ИЗ НИХ НАСТОЯЩАЯ.

Лили Ветровоск бросилась бежать сквозь бесконечные отражения.

Хороший повар первым приходит на кухню по утрам и последним уходит вечером.

Тетушка Приятка потушила очаг. Она по-быстрому пересчитала столовое серебро и супницы. Она…

Она ощутила, что за ней следят.

В дверном проеме стоял кот. Большой серый кот. Один глаз у него был злобный и желто-зеле-

ный, а другой — белый как жемчуг. Остатки его ушей напоминали края почтовой марки. И все же была в нем некая харизма, некая удивительно знакомая аура «да-я-тебя-одной-лапой-уложу».

Тетушка Приятка поразглядывала его. Она была близкой подругой госпожи Гоголь и знала, что внешний облик — лишь дело давней привычки. Если вы живете в Орлее накануне Самеди Нуит Мор, то уже научились доверять своим суждениям больше, чем простому восприятию.

— Ну что, — сказала она, почти без дрожи в голосе, — кажется, ты не откажешься от лягушачьих лапок, а лучше голов — как тебе такое?

Грибо потянулся и выгнул спину.

— А в погребе еще есть молочко, — сказала тетушка Приятка.

Грибо радостно зевнул.

А затем почесал ухо задней лапой. В человеческом облике интересно побывать, но жить в нем не хотелось бы.

Миновал день.

— А целебная мазь госпожи Гоголь, похоже, действует, — сказала Маграт. Она держала банку, до половины полную чего-то бледно-зеленого, удивительно шершавого и с тонким ненавязчивым запахом, который, казалось, заполнял

весь мир.

— В ней есть змеиные головы, — сказала Нянюшка Ягг.

— Не пытайтесь меня напугать, — сказала Маграт. — Я прекрасно знаю, что «змеиная голова» — это такой цветок. Кажется, многолетнее травянистое из семейства лилейных. Поразительно, знаете ли, что можно сделать с цветами.

На самом деле Нянюшка Ягг полчаса с интересом и некоторым отвращением наблюдала, как госпожа Гоголь готовила это зелье, но ей не хватило духу возразить.

— Да-да, — сказала она. — Цветуечки. Вижу, ничего-то от тебя не утаишь.

Маграт зевнула.

Им отдали в управление дворец, но управлять им ничем не хотелось. Матушку разместили в соседней комнате.

— Сходи-ка ты поспи, — сказала Нянюшка. — А я скоро сменю госпожу Гоголь.

— Но Нянюшка… Гита… — сказала Маграт.

— М-м-м?

— Все те… вещи… что она говорила по пути сюда. Это было так… так жестоко. Разве нет? Не загадывать желания, не помогать людям с помощью магии, не ходить сквозь огонь — а потом она

взяла и сделала все это! Что мне теперь думать?

— Ой, ну ладно, — сказала Нянюшка. — Это все разница между общей теорией и конкретикой, ясно?

— В каком это смысле? — Маграт легла на постель.

— В смысле, когда Эсме говорит «всем» или «никому», она не включает в их число себя.

— Знаете… если подумать… это ведь ужасно.

— Это и есть ведьмовство. Самое его острие. А теперь… спи уже наконец.

Маграт слишком устала, чтобы возражать. Она вытянулась и вскоре нежно засопела.

Нянюшка села и покурила трубочку, глядя в стену.

Потом встала и толчком открыла дверь.

У кровати на стуле сидела госпожа Гоголь.

— Вам бы тоже поспать немного, — сказала Нянюшка. — Я вас подменю.

— Что-то тут не так, — сказала госпожа Гоголь. — Ее руки в порядке. Но она не приходит в себя.

— Все дело в голове, как всегда с Эсме, — сказала Нянюшка.

— Я могу придумать новых богов и заставить всех в них крепко поверить. Подойдет? — спроси-

ла госпожа Гоголь. Нянюшка покачала головой.

— Не думаю, чтобы Эсме так хотела. Не жалует она богов. Говорит, они только место на небе занимают.

— Что ж, тогда могу сварить гамбо. Люди из любой дали приходят, чтобы отведать его.

— А вот это стоит попробовать, — согласилась Нянюшка. — Я всегда говорю: любая мелочь в помощь. Чего бы вам не начать? Только ром мне оставьте.

Когда вудуистка ушла, Нянюшка докурила трубку и задумчиво выпила рому, глядя на фигуру на кровати.

Затем она склонилась к уху Матушки Ветровоск и прошептала:

— Ты же не собираешься *проиграть*, а?

Матушка Ветровоск оглядела многослойный серебристый мир вокруг.

— Где я?

— В ЗЕРКАЛЕ.

— Я умерла?

— ОТВЕТ, — сказал Смерть, — НАХОДИТСЯ ГДЕ-ТО МЕЖДУ «НЕТ» И «ДА».

Эсме обернулась, и миллиард фигур обернулся вместе с ней.

— Как же я отсюда выберусь?

—

ЕСЛИ УЗНАЕТЕ, КОТОРАЯ ИЗ НИХ НАСТОЯЩАЯ.

— Это загадка с подвохом, что ли?

— НЕТ.

Матушка опустила глаза и оглядела себя.

— Вот эта, — сказала она.

А еще сказки любят *счастливый* конец. Им плевать, *для кого* счастливый.

Милый Джейсон и тыды!

Ну, мы в Орлее уже все, я тут научилася у госпожи Гоголь варить зомби-зелья и она дала мне сказала мне как делать банананановый поддайкири, и еще дала мне такую штуку банджо ты обалдеешь, и в целом думаетца хорошая она тетка ежели за ней присматривать. Эсме похоже поправляетца, но вообще не знаю она чудно себя ведет и тихая как сама не своя так шо за ней нужен Глаз да Глаз, а то вдруг Лили выкинула с ней какой трюк в зеркале. Но думаетца ей легчает, пущо когда очнулась она взяла у Маграт ейную палочку, чой-то там покрутила в кольцах и превротила ночной горшок в вазу цветов, а Маграт такая, почему мне так не удавалось, а Эсме говорит мол неча загадывать желания всякие а надо сыбражать как вещи работают. Я чо сказать хочу, хорошо шо у Эсме не было

палочки по молодости, Лили была бы просто цветочки в сровнении с ней. Прилагаю открытку с кладбисчем тут гляди народ хоронят в гробах над землей пущо земля оч. мокрая, а никто не хочет после смерти еще и утопнуть. Вот говорят путешействия расширяют горизонты ума, походу мои уже из ушей торчат до подбородка, всево вам доброво МАМА.

На болоте госпожа Гоголь, ведьма вуду, надела фрак на перекладину, накинула шляпу на верхушку шеста и привязала шпагатом трость к одному концу перекладины.

Затем отступила на шаг.

Захлопали крылья. Легба спустился с небес и уселся на шляпу. Затем прокукарекал. Обычно он пел только на закате, ибо был он птицей силы, но на сей раз решил, что обязан поприветствовать новый день.

Потом говорили, что каждый год на Самеди Нуит Мор на самом пике карнавала, когда громче всего бьют барабаны, а ром уже почти весь выпит, откуда ни возьмись появляется демонический мужчина в длинном фраке и цилиндре и ведет всех танцевать.

В конце концов, даже сказки должны с чего-то начинаться.

Что-то плеснуло, и воды реки сомкнулись вновь.

Маграт отошла от берега.

Палочка улеглась в речной ил, где ее касались лишь лапки пробегающих крабов, но у них не бывает фей-крестных, и желания им загадывать не дано. Долгие месяцы она погружалась все глубже и наконец сгинула из истории, как и почти все на этом свете. Лучшего желания никто не смог бы загадать.

Когда еще клубились предрассветные туманы, над Орлеей взлетели три метлы.

Ведьмы оглянулись на зеленые болота, окружавшие город. Орлея дремала. Первые дни после Жирного Обеда всегда самые тихие — люди отсыпаются. Их примеру последовал и Грибо, свернувшийся на привычном месте среди прутьев. Расставание с тетушкой Прияткой разрывало ему сердце.

— Ну, вот и все, такова *дольче вита*, — сказала Нянюшка философски.

— Мы так и не попрощались с госпожой Гоголь, — сказала Маграт.

— Думается, она и так знала, что мы улетаем, — сказала Нянюшка. — Госпожа Гоголь — дама знающая.

— Но точно ли она сдержит слово? — спросила Маграт.

— Да, — сказала Матушка Ветровоск.

— Она по-своему очень честная, — добавила Нянюшка Ягг.

— Ну, есть такое, — согласилась Матушка. — А еще я намекнула, что когда-нибудь вернусь.

Маграт покосилась на Матушкину метлу. К ее прутьям, помимо прочего багажа, была прикручена большая круглая коробка.

— Вы так и не примерили шляпу, которую она подарила, — сказала она.

— Я на нее поглядела, — холодно сказала Матушка. — Не подошла.

— Стала бы госпожа Гоголь дарить шляпу, которая тебе не подойдет? — возразила Нянюшка. — Дай взглянуть, а?

Матушка фыркнула и открыла крышку. Комки оберточной бумаги полетели вниз в туман, когда она достала шляпу.

Маграт и Нянюшка Ягг уставились на нее.

Конечно, фрукты на шляпе — идея не новая. У Нянюшки Ягг даже была черная соломенная шляпка с восковыми вишенками, специально для больших семейных скандалов. Но на этой были не только вишни. Честно говоря, тут не

хватало разве что арбуза.

— Смотрится, конечно, очень… *заграничнo*, — признала Маграт.

— Ну, давай, — сказала Нянюшка. — Примерька.

Матушка покорно примерила шляпу, которая прибавила ей примерно полметра росту. Большую часть полуметра составлял ананас.

— Ой, как цветастенько. Ой, как… стильненько, — сказала Нянюшка. — Не всякому дано носить такую шляпку.

— Вам очень идут гранаты, — сказала Маграт.

— И лимоны, — добавила Нянюшка Ягг.

— Так. Вы двое надо мной потешаетесь, что ли? — насторожилась Матушка Ветровоск.

— Хотите посмотреть на себя? — сказала Маграт. — У меня тут где-то было зеркало…

Тишина обрушилась на них как топор. Маграт покраснела. Нянюшка Ягг нахмурилась на нее.

Они осторожно покосились на Матушку.

— Да-а, — сказала она после невыносимо долгой паузы. — Думаю, мне стоит поглядеться в зеркало.

Маграт встрепенулась, пошарила по карманам и выудила ручное зеркальце в деревянной рамке. Передала его Матушке.

Матушка Ветровоск осмотрела свое отражение. Нянюшка Ягг как бы невзначай подрулила на метле поближе.

— Хм-м, — сказала Матушка наконец.

— Только глянь, как виноград над ухом нависает, — подбодрила ее Нянюшка. — Знаешь, а это самая солидная шляпа, какую я видала в жизни.

— Хм-м.

— А вы как думаете? — сказала Маграт.

— Что ж, — процедила Матушка, — может, для заграницы она и подходит. Для тех мест, где меня никто не видит и не знает. По крайней мере, никто важный.

— А дома ты всегда сможешь ее съесть, — сказала Нянюшка Ягг.

Они расслабились. Казалось, они перевалили через холм, прошли через опасную лощину разговора.

Маграт поглядела на бурую реку внизу и на подозрительные бревна по песчаным берегам.

— Я только одного не пойму, — сказала она, — госпожа Гоголь была добрая или злая? В смысле, покойники, аллигаторы, все такое…

Матушка посмотрела, как восходящее солнце нащупывает путь сквозь туманы.

— Добро и зло не так просты, — сказала она. — Я

не всегда уверена, на какой стороне человек. Но, наверно, главное — в какую сторону он смотрит. А знаете, — добавила она, — мне прямо кажется, что я отсюда вижу край.

— А еще говорят, — сказала Нянюшка, — в некоторых заграницах водятся слоны. А где-то в Клатче, или еще где, есть место, где люди влезают наверх по веревкам и исчезают.

— Отчего? — спросила Маграт.

— Кабы я знала. Небось, по какой-то хитрой заграничной причине.

— Я у Дезидераты читала в одной книге, — сказала Маграт, — про одну забавную штуку со слонами. Она пишет, что на равнинах Сто, когда говорят, что идут смотреть слонов, это значит отправиться путешествовать, потому что надоело сидеть на месте.

— Проблема даже не в том, что сидишь на месте, — сказала Нянюшка, — а в том, что ум тоже застаивается.

— А я бы слетала к Пупу, — сказала Маграт. — Повидать древние храмы, вроде тех, что описаны в главе первой «Пути Скорпиона».

— Это где готовы учить всему, чего ты еще не знаешь, верно? — неожиданно резко заметила Нянюшка.

Маграт глянула на Матушку.

— Думаю, нет, — потупилась она.

— Ладно, — сказала Нянюшка. — Куда теперь, Эсме? Летим домой? Или отправляемся смотреть слонов?

Метла Матушки слегка повернулась на ветру.

— Ты гнусная старая кошелка, Гита Ягг, — сказала Матушка.

— Что есть, то есть, — бодро ответила Нянюшка.

— А ты, Маграт Чесногк…

— Знаю-знаю, — с невероятным облегчением вздохнула Маграт, — я мокрая клуша.

Матушка поглядела в сторону Пупа и высоких гор. Где-то там вдали был старый домик, ключ от которого висел в нужнике. Там наверняка творилось много всякого. Возможно, все королевство развалилось к чертям, потому что ее не было рядом, чтобы наставить людей на путь истинный. Такова была ее работа. Подумать страшно, какие глупости люди могли натворить без ее присмотра…

Нянюшка скучающе щелкнула красными каблуками.

— Что ж, видимо, ничто не сравнится с домом, — сказала она.

— Нет, — ответила Матушка Ветровоск, все еще погруженная в мысли. — Нет. Есть миллиард мест, которые сравнятся с нашим домом. Но дом лишь один.

— Так что, возвращаемся? — сказала Маграт.

— Да.

Но возвращались они длинным путем и все-таки посмотрели на слонов.